РОБЕРТ
ГЭЛБРЕЙТ
СМЕРТЕЛЬНАЯ
БЕЛИЗНА
РОМАН О КОРМОРАНЕ СТРАЙКЕ

Роберт Гэлбрейт

Смертельная белизна

Серия «Иностранная литература. Современная классика»

Серия «Корморан Страйк», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40899476
Смертельная белизна : роман / Роберт Гэлбрейт: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2019
ISBN 978-5-389-16314-0

Аннотация

«Я видел, как ребенка убили… Его задушили наверху, прямо у лошади». У Билли явные проблемы с умственным здоровьем, но он уверен, что в детстве видел убийство ребенка, – и давняя тревога наконец приводит его в офис частного детектива Корморана Страйка, вновь прославившегося после поимки Шеклуэллского Потрошителя. Договорить Билли не успевает, спугнутый перспективой скорого приезда полиции, но его история не выходит у Страйка из головы. Попытки докопаться до истины поведут Страйка и его помощницу Робин Эллакотт (ставшую полноценным партнером в их агентстве) сложным извилистым путем: от окраинных клубов, где собираются

противники Лондонской олимпиады, – в пропитанные интригами коридоры власти, от парламентских кабинетов – к окутанному тайной имению в глубине Оксфордшира… Но еще неизвестно, что будет Корморану и Робин сложнее – разгадать эту головоломную загадку или разобраться в своих чувствах… *Впервые на русском!*

Содержание

Пролог 10
Годом позже 52
1 52
2 69
3 77
4 97
5 104
6 117
7 127
8 143
9 155
10 173
11 189
12 204
13 214
14 234
15 241
16 248
Конец ознакомительного фрагмента. 249

Роберт Гэлбрейт
Смертельная белизна

First published in Great Britain in 2018 by Sphere
LETHAL WHITE
Copyright © J.K. Rowling 2018

The moral right of the author has been asserted.

All characters and events in this publication, other than those clearly in the public domain, are fi ctitious and any resemblance to real persons, living or dead, is purely coincidental.

All rights reserved.
No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

Русское издание подготовлено при участии издательства АЗБУКА®.

© Е. С. Петрова, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.
The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей… Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.
Daily Mail

За спиной у Страйка – героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя абсолютно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его сводным братьям и сестрам… Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.
Daily News

Страйк и его помощница Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.
New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.
The Telegraph

Чрезвычайно сильная история… «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.
Вэл Макдермид (Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой – так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт – мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» – моя новая любовь, а Гэлбрейт – выдающийся новый талант.
Питер Джеймс (Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.
Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногсшибательной интриги – уровень

рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.
Афиша Daily

Если вам нравятся атмосферно-психологические романы-загадки Кейт Аткинсон и Таны Френч, тогда Роберт Гэлбрейт – ваш выбор. А закрутить интригу он умеет не хуже, чем Дж. К. Роулинг.
Dallas Morning News

Корморан Страйк и Робин Эллакотт – пожалуй, лучший дуэт сыщика и его помощника в современной детективной литературе.
The Seattle Times

«Смертельная белизна» – казалось бы, огромный роман, а пролетает за одно мгновение.
USA Today

Читаешь «Смертельную белизну» – и временами возникает ощущение сродни тому, что было при чтении книг о Гарри Поттере, особенно поздних, более объемистых: ты уже полюбил героев как родных, и хочешь насладиться их компанией как можно дольше, и чтобы никто не торопил.
New York Times

Рассчитываешь в первую очередь на лихую детективную интригу – и ты ее, конечно, получаешь, но постепенно осознаешь, что динамика отношений между

Кормораном и Робин занимает тебя едва ли не больше.
Independent

Смело, стильно, изощренно.
Times

Посвящается Дай и Роджеру,
а также памяти чудесного белого Спайка

Пролог

Счастье, дорогая Ребекка, счастье – это прежде всего тихое, радостное сознание, что совесть твоя свободна от вины.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм[1]

Если бы пара лебедей плыла по темно-зеленой глади озера бок о бок, эта фотография стала бы венцом карьеры свадебного фотографа.

Ему страшно не хотелось менять расстановку новобрачных, потому что мягкий свет под сенью деревьев превращал невесту с ее золотисто-рыжими локонами, рассыпавшимися по плечам, в прерафаэлитского ангела и выигрышно оттенял точеные скулы жениха. Фотограф уже не помнил, когда ему доводилось снимать такую эффектную пару. С этими новобрачными, мистером и миссис Мэтью Канлифф, можно было не прибегать к разного рода ухищрениям, когда, например, невесту деликатно разворачивают так, чтобы скрыть жировые складки на боках (вообще говоря, этой не помешало бы слегка подкормиться, но на фотографиях такие худощавые фигуры смотрятся классно), а жениху предлагают «попробовать еще разок, с закрытым ртом», – слава богу, зубы у ми-

[1] Здесь и далее – перев. П. Ганзена и А. Ганзен (в ряде случаев – с изменениями).

стера Канлиффа ровные, без дефектов. Единственное, что требовалось скрыть, – но перед печатью такие вещи легко убираются в графическом редакторе – это уродливый шрам на предплечье у невесты: совсем свежий, синюшно-лиловый, с черными точками от наложенных швов. Утром, когда фотограф приехал в дом родителей невесты, рука ее покоилась в эластичной защитной лангетке. Перед фотосессией девушка ее сняла; фотограф вздрогнул. Ему даже подумалось: уж не совершила ли она перед свадьбой неудачную попытку самоубийства – в его практике бывало и такое. Как-никак, двадцать лет в профессии.

– На меня напали, – объяснила ему миссис Канлифф, точнее Робин Эллакотт (два часа назад ее звали именно так).

Фотограф, натура впечатлительная, с трудом отогнал от себя мысленный образ стального клинка, вспарывающего эту мягкую бледную кожу. Хорошо, что сейчас уродливую отметину скрывали чайные розы – букет невесты.

Лебеди, будь они неладны. Если бы с заднего плана исчезли оба разом, он бы не возражал, но один то и дело нырял, и его пушистая остроконечная гузка торчала посреди озера пернатым айсбергом, да еще подергивалась, создавая на воде рябь, которую не так-то просто удалить в фотошопе, вопреки мнению молодого мистера Канлиффа, предложившего такой способ. Между тем второй лебедь по-прежнему жался к берегу: да, грациозный, да, безмятежный, но в кадр не влезал, хоть ты тресни.

– Ну как, получилось? – с явным нетерпением поинтересовалась невеста.

– Ты – просто красотулечка, цветик мой, – высказался из-за спины фотографа отец жениха, Джеффри. Не иначе как уже подвыпивший.

Из-под тенистых деревьев за фотосъемкой наблюдали родители новобрачных, шафер и подружки невесты. Самая младшая, совсем еще кроха, которая все время порывалась бросать в воду камешки, теперь закапризничала в ответ на досадливое шиканье матери.

– Закончили? – спросила Робин, не снисходя до свекра.

– Почти, – солгал фотограф. – Развернитесь, пожалуйста, к нему чуть больше, Робин. Вот так. Обворожительно и широко улыбаемся. Ну же… улыбаемся.

Между женихом и невестой висела некоторая напряженность, какую не спишешь на счет волнения перед объективом камеры. Фотографа это не волновало. В конце-то концов, он же не консультант по вопросам брака и семьи. Бывало, новобрачные, не стесняясь его присутствия, начинали выяснять отношения, пока он настраивал выдержку. Одна невеста со скандалом убежала из-за свадебного стола. Чтобы позабавить друзей, фотограф сохранил нечеткий снимок 1998 года, на котором жених бьет своего друга-шафера лбом в переносицу.

Канлиффы, надо признать, оказались красивой парой, но шансы их он оценивал невысоко. А уж этот длинный шрам на

предплечье невесты… брр. Во всей сегодняшней церемонии фотографу виделось что-то зловещее и нездоровое.

– Довольно, – заявил вдруг жених, отпуская от себя Робин. – Снимков уже достаточно, правда ведь?

– Погодите, погодите, второй подгребает, – воспротивился фотограф.

В тот самый миг, когда Мэтью отстранился от Робин, плававший у берега лебедь стал подплывать к другому по темно-зеленой воде.

– Вот паразиты, прямо как назло, глядите, Линда, – хохотнул Джеффри, обращаясь к новоявленной сватье. – Чертовы птицы.

– Это уже будет лишнее, – осадила фотографа Робин, поддергивая длинную юбку, которая волочилась по земле из-за недостаточно высоких каблуков-шпилек. – Наверняка хоть что-нибудь да получилось.

Она вышла из рощицы на слепящий солнечный свет и по лужайке направилась к замку семнадцатого века, где ждали гости, потягивая шампанское и любуясь живописными окрестностями.

– У нее, наверное, рука болит, – поделилась мать невесты с отцом жениха.

«Ага, конечно, рука, – буркнул про себя фотограф с каким-то мстительным удовольствием. – В машине всю дорогу собачились».

При выходе из церкви молодая пара, осыпаемая пригорш-

нями конфетти, выглядела вполне счастливой, но по прибытии в загородный отель жених с невестой словно окаменели – как видно, с трудом подавляли раздражение.

– После свадьбы заживет, – беспечно отозвался Джеффри. – Ей бы сейчас бокальчик пропустить. За компанию с тобой, Мэтт.

Мэтью поспешил через газон за молодой женой, неуверенно двигавшейся на шпильках. Следом потянулась вся компания, и мятного цвета шифоновые платья подружек невесты подернулись рябью на горячем ветру.

– Робин, нам надо поговорить.

– Ну говори.

– Может, ты на минутку остановишься?

– Если я остановлюсь, нас тут же настигнет вся толпа.

Мэтью оглянулся. Она была права.

– Робин…

– *Руку не трогай!*

На жаре рана стала пульсировать. Робин дорого бы дала, чтобы залезть в дорожную сумку, где осталась прочная защитная лангетка, но все вещи унесли в люкс для новобрачных, то есть неизвестно куда.

Отель уже был в пределах видимости; гости скопились на теневой стороне. Каждую из женщин нетрудно было распознать по шляпке. Тетушка Мэтью, «тетя Сью», нацепила на голову ярко-синее тележное колесо, а Дженни, золовка Ро-

бин, – устрашающее сооружение из желтых перьев. В свою очередь, мужчины, все как один в темных костюмах, сливались в неразличимую массу. Если и находился среди них Корморан Страйк, отличить его от других не представлялось возможным.

– Да постой же ты, – взмолился Мэтью; они слишком оторвались от родственников, которые подстраивали шаг под самую младшую подружку невесты.

Робин помедлила.

– Я был неприятно поражен, когда его увидел, вот и все.

– А я, по-твоему, заранее знала, что он примчится на венчание и опрокинет цветы? – вспылила Робин.

Возможно, Мэтью и стерпел бы такую резкость, если бы не улыбка, которую тщетно пыталась скрыть его молодая жена. Он не забыл, как просияла Робин, когда в церковь ввалился ее бывший начальник. Мэтью не собирался прощать ее за то, что она, стоя рядом с ним у алтаря и отвечая «согласна», не сводила глаз с этого встрепанного громилы – Корморана Страйка. Наверняка и гости заметили, как она вдруг расцвела.

Родственники прибавили шагу. Мэтью осторожно взял Робин под локоть в паре дюймов от шрама и повел ее дальше. Она без сопротивления двинулась вперед, но он заподозрил, что ее просто тянет поближе к Страйку.

– Я тебе еще в машине сказал: если решишь и дальше на него работать, то будешь…

– …последней дурой, – подхватила Робин.

С этого расстояния уже можно было различить фигуры мужчин, ожидавших на террасе; Робин поискала глазами Страйка, но безуспешно. А ведь он крупнее их всех. И должен возвышаться над ее братьями и дядюшками, в каждом из которых – не менее шести футов росту. Ее ликование, недавно вспыхнувшее от одного вида Страйка, упало, как неоперившийся птенец под струями дождя. По-видимому, сразу после венчания Страйк исчез – не пожелал втискиваться в микроавтобус и вместе со всеми ехать в отель. Его недолгое присутствие означало не более чем жест доброй воли. И зазывать ее обратно в свою контору он вовсе не собирался, а просто решил поздравить с началом семейной жизни.

– Слушай, – заговорил Мэтью с большей теплотой в голосе; очевидно, подумала Робин, он и сам пришел к такому же выводу, когда обвел глазами толпу собравшихся и не увидел Страйка. – В машине я хотел сказать тебе только одно: окончательное решение за тобой, Робин. Если он хотел… если он хочет тебя вернуть… господи, да я просто встревожился. Ведь работать с ним небезопасно, правда?

– Правда, – сказала Робин, ощущая пульсацию резаной раны. – Небезопасно.

Обернувшись к родственникам, она остановилась и стала их поджидать. Сладковато-пряный запах горячей травы обволакивал ей ноздри, а солнце нещадно жгло открытые плечи.

– Хочешь пойти за ручку с тетей Робин? – раздался голос сестры Мэтью.

Послушная крошка Грейс дернула Робин за пропоротую ножом руку; Робин вскрикнула от боли.

– Ой, прости, Робин, прости… Иди ко мне, Грейси…

– Шампанское! – объявил Джеффри, приобнял Робин за плечи и направил в сторону истомившихся гостей.

Как и ожидал Страйк, мужской туалет в этой шикарной загородной гостинице отличался стерильной чистотой и отсутствием запаха. В прохладную кабинку впору было зайти с пивом, но тогда окружающие уж точно заподозрили бы в нем гнусного алкоголика, выпущенного под залог из тюрьмы по особому случаю. Вытянувшиеся за гостиничной стойкой служащие все же поверили, что он приглашен на свадьбу, хотя и смотрели на него весьма скептически.

Даже в безмятежном расположении духа Страйк отпугивал посторонних своей грозной фигурой, сумрачным выражением лица и боксерским профилем. А сегодня у него и вовсе был такой вид, будто он только что ушел с ринга. Сломанный нос побагровел и раздулся вдвое, глаза едва открывались из-за кровоподтеков, распухшее, оттопыренное ухо чернело точками свежих швов. Хорошо еще, что резаные раны, исполосовавшие кисть руки, скрывались под бинтами, но жеваный костюм, причем единственный, пестрел винными пятнами, поскольку не извлекался на свет после одной дав-

ней истории. Похвалиться Страйк мог лишь тем, что, впопыхах собираясь в Йоркшир, чудом не надел ботинки от разных пар.

Он смежил распухшие веки и на миг склонил голову к холодной стене. От изнеможения его разморило прямо на унитазе. Но вздремнуть нечего было и думать: ему предстояло накоротке переговорить с Робин, получить – а если понадобится, то вымолить – прощение за свое самодурство и убедить ее вернуться к работе. В церкви, когда их глаза встретились, ему показалось, что у нее во взгляде вспыхнула радость. Затем, поравнявшись с ним в проходе, она, бесспорно, просияла, и он поспешил вернуться напрямик, через церковное кладбище, к автостоянке, чтобы дать указание своему другу Штырю, кемарившему в благоприобретенном «мерседесе», следовать за вереницей микроавтобусов на свадебный банкет.

Страйку совершенно не хотелось сидеть за столом, а после выслушивать душещипательные речи, тем более что он даже не потрудился ответить на приглашение, которое получил перед тем, как указать Робин на дверь. Ему всего-то и нужно было перебросить с нею парой слов, но до сих пор такой возможности не представилось. Он уже забыл, что свадьбы проходят строго по регламенту. Пытаясь отыскать Робин в толпе на террасе, он ловил на себе любопытные взгляды сотни гостей. Отказавшись от ненавистного шампанского, Страйк ретировался в бар, где рассчитывал взять пинту

пива. За ним пошел темноволосый парнишка, внешне чем-то напоминавший Робин, а следом увязались и другие юнцы, причем все как один таращились на Страйка с плохо скрываемым любопытством.

– Вы ведь Страйк? – уточнил парнишка.

Сыщик не стал отрицать.

– Мартин Эллакотт, – представился его собеседник. – Брат Робин.

– Очень приятно, – сказал Страйк и поднял забинтованную ладонь, тем самым уклонившись от рукопожатия. – А где, кстати, она, не знаешь?

– Фоткается, – ответил Мартин, не расставшийся с айфоном. – Про вас по всем каналам трубят. Вы поймали Шеклуэллского Потрошителя.

– А, – отозвался Страйк. – Ну да.

Хотя ладонь и ухо терзала боль от незатянувшихся ран, ему казалось, что кровавая схватка, случившаяся полсуток назад, давно канула в прошлое. Контраст между грязным логовом, где он загнал в угол убийцу, и этим четырехзвездочным отелем был настолько разителен, что эти две реальности никак не сливались воедино.

В баре неожиданно появилась светловолосая молодая дама в затейливом воздушном наряде, трепетавшем от малейшего движения. Незнакомка, тоже державшая в руке телефон, быстро оглядела Страйка с головы до ног и сверила его облик с картинкой на экране.

– Прошу прощения, мне отлить надо, – сказал Страйк Мартину и улизнул, не готовый к новым знакомствам.

Тогда-то, под настороженными взглядами персонала, он и прошагал мимо стойки, чтобы скрыться в туалете.

Уже в который раз зевнув, Страйк посмотрел на часы. Надо думать, к этому времени Робин успела нафотографироваться всласть. Выданное в клинике болеутоляющее давно перестало действовать; морщась от боли, Страйк встал, отпер дверь и пошел обратно тем же путем, под теми же косыми взглядами.

В торце пустого банкетного зала расположился струнный квартет. Зазвучала музыка, и гости начали выстраиваться в очередь для поздравления молодых при входе в зал; Робин подумала, что сама, по всей видимости, согласилась на такой обряд при обсуждении деталей бракосочетания. Устранившись от организации торжеств, она теперь получала сюрприз за сюрпризом. Например, у нее совершенно вылетело из головы, что фотосессия должна состояться не у церкви, а у отеля. Не умчись она в «даймлере» сразу после венчания, ей, вероятно, удалось бы подойти к Страйку и получить – а если понадобится, то вымолить – разрешение вернуться к работе. Но он исчез без единого слова, и она уже не знала, хватит ли у нее мужества или смирения, чтобы обратиться к нему с просьбой.

После залитого солнцем сада отделанный натуральным

деревом зал с парчовыми шторами и картинами в золоченых рамах выглядел мрачновато. Воздух будто загустел от аромата цветочных композиций; на белоснежных скатертях мерцали бокалы и столовое серебро. Доносившиеся из этого гулкого деревянного короба звуки струнного квартета, поначалу, казалось бы, мощные, утонули в людском гомоне: разогретые шампанским и пивом гости, смеясь и болтая, топали по ступеням и останавливались на галерее.

– Час пробил, – рокотал Джеффри, который, похоже, воодушевился больше всех. – Запускаем!

По мнению Робин, ее свекровь, доживи она до этого дня, не позволила бы Джеффри так распоясаться. Ныне покойная миссис Канлифф могла кого угодно пригвоздить надменно-ледяным взглядом, а то и ткнуть локтем в бок, чтобы пресечь буйство эмоций. Сестра миссис Канлифф, Сью, оказалась первой в очереди у входа, но принесла с собой едва заметный холодок: она давно претендовала на место за главным столом, но в приглашении увидела совсем не то.

– Какие ощущения, Робин? – прощебетала она и чмокнула воздух у самого уха невесты.

Испытывая подавленность, опустошение, чувство вины – что угодно, только не ощущение счастья, – Робин вдруг осознала, какую неприязнь питает к ней эта женщина, ее новоиспеченная тетка по мужу.

– Милое платье, – продолжала Сью, но ее вниманием уже завладел красавец Мэтью. – Как печально, что твоя бедная

мама… – Тетка не договорила и, всхлипнув, зарылась лицом в носовой платочек, который держала наготове.

С улыбками, поцелуями и рукопожатиями в зал тянулись друзья и родные. Джеффри путался у всех под ногами, медвежьей хваткой стискивая каждого, кто не оказывал решительного сопротивления.

– Приехал все-таки, – выговорила Кэти, любимая кузина Робин.

Не будь она на сносях, ее определенно включили бы в число подружек невесты. Но сегодня у нее как раз подошел срок. Робин не понимала, как двоюродную сестру еще держат ноги. Когда та подалась вперед для поцелуя, живот ее оказался твердым, как арбуз.

– Кто приехал? – переспросила Робин, когда Кэти уже сделала шаг в сторону, чтобы обнять Мэтью.

– Да босс твой, Страйк. Мартин так перед ним распинался, когда…

– Если не ошибаюсь, Кэти, твой столик вот там. – Мэтью направил ее куда-то в середину зала. – Тебе не полезно стоять на ногах, тем более в такую жару. Ты присаживайся, хорошо?

У Робин даже не отпечаталось в памяти, кто еще проходил мимо нее в зал. На все поздравления и пожелания она отвечала невпопад, то и дело косясь на входную дверь. Неужели Кэти действительно имела в виду, что Страйк находится здесь, в отеле? Значит, из церкви он ехал за ними? И ку-

да же он подевался? Где прячется? Она высматривала его повсюду: на террасе, в коридорах, в баре. Надежда, едва забрезжив, угасала. Не иначе как Мартин отпугнул его своей бестактностью. Впрочем, она тут же напомнила себе, что Страйк не из пугливых, и надежда вспыхнула с новой силой, но, пока внутренний голос Робин метался между ожиданием и страхом, у нее не получалось изображать традиционные свадебные чувства, отсутствие которых, по всей видимости, не укрылось от раздосадованного Мэтью.

– Мартин! – Робин обрадовалась появлению младшего брата, хотя тот уже явно перебрал в компании своих дружков.

– Ты, конечно, в курсе? – Мартин не сомневался в ее осведомленности.

Как всегда, он держал в руке мобильник. Накануне младший брат невесты заночевал у кого-то из приятелей, чтобы в его спальне могли разместиться дальние родственники «откуда-то с Юга».

– В курсе чего?

– Этой ночью он задержал Потрошителя.

Мартин вывел на экран страницу новостей. При виде Потрошителя Робин ахнула. У нее в предплечье пульсировала рана от его ножа.

– Он и сейчас здесь? – Робин отбросила всякое притворство. – Я о Страйке. Он собирался остаться, Марти?

– Боже правый! – вырвалось у Мэтью.

– Извиняюсь. – Мартин только сейчас отметил раздражение Мэтью. – Из-за меня очередь застопорилась.

На заплетающихся ногах он отошел. Робин обернулась посмотреть на Мэтью и увидела, как у него на лице, будто на термическом изображении, проступают угрызения совести.

– Ты знал, – выговорила она и стала рассеянно пожимать руку престарелой родственнице, явно ожидавшей поцелуя.

– Что я знал? – вспылил Мэтью.

– Что Страйк задержал…

Но ее внимания уже настойчиво требовал Том – университетский друг, а ныне коллега Мэтью, приехавший со своей невестой по имени Сара. Но Робин почти не разбирала слов Тома: она смотрела через его плечо на дверь, надеясь увидеть Страйка.

– Ты знал, – повторила она, когда Том и Сара отошли. Но разговор опять прервался: Джеффри приветствовал двоюродного брата-канадца. – Скажешь нет?

– Утром краем уха слышал что-то в новостях, – прошипел Мэтью. Его лицо превратилось в жесткую маску, когда он поверх головы Робин посмотрел в сторону двери. – А вот и он. Твоя мечта сбылась.

Робин обернулась. Страйк, пригнувшись, входил в зал: над густой щетиной таращился серо-лиловый глаз, одно ухо, заштопанное врачами, оттопырилось. Встретившись с ней взглядом, он поднял забинтованную руку и изобразил скорбную улыбку, а потом содрогнулся.

– Робин, – сказал Мэтью, – послушай, мне надо…

– Буквально через минуту, – ответила она с такой радостью, какой не проявляла – и это было заметно – весь день.

– Прежде чем вы начнете разговор, я должен сказать…

– Мэтт, я тебя умоляю, неужели это так срочно?

Никто из их родни не хотел задерживать Страйка, чье телесное повреждение делало его неспособным даже на рукопожатие. Выставив перед собой забинтованную руку, он заковылял вдоль вереницы гостей. Джеффри уставился на него в гневе, и даже мать Робин, которая неплохо отнеслась к Страйку во время их единственной встречи, не смогла изобразить улыбку, когда он приветствовал ее по имени. Казалось, на них смотрят все собравшиеся в банкетном зале.

– К чему такие театральные эффекты? – улыбнулась Робин, вглядываясь в его опухшее лицо, когда он наконец остановился перед ней; в ответ Страйк усмехнулся, хотя это было болезненно: но незапланированная поездка за две сотни миль того стоила, хотя бы потому, что сейчас он видел адресованную ему улыбку. – Ворвался в церковь, как ураган. Достаточно было бы телефонного звонка.

– Кстати, прошу прощения, что сшиб вазон с цветами, – проговорил Страйк, обращаясь и к ней, и к помрачневшему Мэтью. – На самом деле я звонил, но…

– У меня с утра отключен телефон, – сказала Робин, понимая, что задерживает остальных, но ничуть не переживая. – Вы можете нас обойти, – игриво сказала она высокой рыже-

волосой женщине – начальнице Мэтью.

– Да нет, я звонил пару дней назад, – объяснил Страйк.

– Что? – поразилась Робин; Мэтью тем временем начал чопорную беседу с Джемаймой.

– Причем не один раз, – добавил Страйк. – И голосовое сообщение оставил.

– Никаких пропущенных звонков я не видела, – сказала Робин, – и уведомлений тоже.

Вокруг нее болтали и чокались десятки гостей, проникновенно играл струнный квартет, но все эти звуки вдруг стихли, как будто ее плотным колпаком накрыло потрясение.

– А когда… когда ты… два дня назад?

С момента приезда в родительский дом она занималась бесконечными и утомительными свадебными приготовлениями, но то и дело тайком проверяла телефон, надеясь на звонок или эсэмэс от Страйка. В час ночи, уже лежа в постели, она хотела просмотреть историю звонков – вдруг какой-нибудь вызов остался незамеченным, – но обнаружила, что вся история стерта. Поскольку в последние две недели Робин практически не спала, она заключила, что от усталости ошиблась, нажала не на ту кнопку и случайно стерла…

– На банкет я не останусь, – шепнул Страйк. – Просто хотел извиниться и попросить тебя…

– Нет уж, останься. – Она схватила Страйка за локоть, будто останавливая беглеца.

У Робин так колотилось сердце, что ей стало трудно ды-

шать. Она чувствовала, как побледнела; зал, полнившийся голосами, ходил ходуном.

– Прошу, останься, – повторила она, не отпуская его руки и не обращая внимания на Мэтью, который закипал рядом с ней. – Мне нужно… мне нужно с тобой поговорить. Мама! – позвала она.

Из общей цепочки гостей тут же вышла Линда. Казалось, она предвидела, что дочь ее позовет, и совсем этому не радовалась.

– Найди, пожалуйста, место для Корморана, – попросила Робин. – Хорошо бы за одним столиком со Стивеном и Дженни.

Без тени улыбки Линда повела за собой Страйка. В очереди остались считаные пары, которые еще не поздравили молодых. Но у Робин больше не было сил растягивать губы в улыбке и пустословить.

– Почему не проходили звонки от Корморана? – спросила она у Мэтью, даже не уделив внимания всеми забытому старичку, который понуро зашаркал к своему столику.

– Я как раз хотел тебе сказать…

– Почему не проходили звонки, Мэтью?

– Робин, давай отложим этот разговор.

Правда обрушилась на Робин так внезапно, что у нее пересохло в горле.

– Да ведь это *ты* стер все вызовы, – бросила она, делая для себя один неприятный вывод за другим. – Когда я вернулась

из туалета на заправке, ты спросил, какой у меня ПИН-код. – Оставшейся паре гостей хватило одного взгляда на жениха и невесту, чтобы без звука проскользнуть мимо них в зал. – Ты забрал мой телефон. Сказал что-то насчет медового месяца. Значит, ты прослушал адресованное мне сообщение?

– Да, – ответил Мэтью. – И стер.

Заложившая ей уши тишина сменилась пронзительным воем. Робин была вне себя. Она стояла в белом кружевном платье (которое с самого начала пришлось ей не по душе, да к тому же потребовало переделки: слишком много времени минуло после первоначальной даты бракосочетания, отложенного в силу печальных событий) и только из чувства долга перед гостями не сорвалась с места. Боковым зрением она видела сотню расплывающихся лиц. Проголодавшиеся гости томились в ожидании.

Робин отыскала глазами Страйка: тот стоял к ней спиной, пока для него по распоряжению Линды готовили место за столом старшего брата Робин, Стивена. Робин представила, как сейчас подбежит к Страйку и скажет: «Пошли отсюда». И что он ответит?

Ее родители потратили на сегодняшнее торжество не одну тысячу фунтов. В переполненном зале гости не могли дождаться, когда же молодые займут места за центральным столом. Робин, бледнее своего подвенечного наряда, последовала за Мэтью, и зал взорвался аплодисментами.

Создавалось впечатление, что дотошный официант нарочно причиняет неудобства Страйку. Тот возвышался на виду у всех, но ему даже не предложили сесть. Линда, которая оказалась на голову ниже сыщика, не отходила ни на шаг, пока молодой подавальщик раз за разом без надобности поправлял десертную вилочку и поворачивал тарелку, заботясь о гармонии декора. Лицо Линды было полуприкрыто полями серебристой шляпки, но Страйк заметил, что новоиспеченная теща злится.

– Я вам очень признателен, – выдавил он, когда официант наконец убрался с глаз долой, но стоило ему взяться за спинку стула, как Линда деликатно коснулась ладонью его рукава.

Это мягкое касание сковало его крепче наручников: от Линды исходили токи материнского возмущения и оскорбленного гостеприимства. Ее сходство с дочерью было поразительным. Даже потускневшие волосы еще сохраняли золотисто-рыжий оттенок, а поля серебристой шляпки подчеркивали цвет серо-голубых глаз.

– С какой целью вы приехали? – процедила она, хотя официанты уже разносили закуски.

Но по крайней мере, вид деликатесов отвлек большинство гостей, дав им повод для обсуждения долгожданного банкета.

– Чтобы попросить Робин вернуться к работе.

– Вы сами ее уволили. Она была просто убита.

В ответ на такой упрек он мог бы сказать многое, но пред-

почел этого не делать из уважения к Линде, которая тяжело переживала несчастный случай, постигший ее дочь.

– Работая у вас, она трижды рисковала жизнью, – заливаясь краской, продолжила Линда. – Трижды.

Не покривив душой, Страйк мог бы ответить, что готов взять на себя ответственность только за один из трех случаев. Второе нападение на Робин произошло исключительно из-за нарушения его четких инструкций, а в третий раз она попросту проявила самодеятельность, тем самым подставив под удар как расследование убийства, так и налаженный бизнес.

– Дочь потеряла сон. Я слышала, как по ночам она плачет.

У Линды горели глаза. Отпустив рукав Страйка, она прошептала:

– У вас дочери нет. Вам не понять наших чувств.

Не успел он собрать в кулак свои угасающие силы, как Линда решительно зашагала к центральному столу. Робин, как он заметил, даже не прикоснулась к закускам. Он поймал на себе ее тревожный взгляд: она как будто боялась, что ее бывший босс развернется и уйдет. Но тот, едва заметно вздернув брови, все же занял отведенное ему место.

Крупная фигура слева от него зловеще шевельнулась. Повернув голову, Страйк увидел почти такие же глаза, как у Робин, а в придачу – воинственный подбородок и лохматые брови.

– Вы, наверное, Стивен, – заговорил Страйк.

Старший брат Робин буркнул что-то невнятное, но не оттаял. Им двоим, рослым и плечистым, рядом было тесно; потянувшись за пивом, Стивен задел локтем Страйка, на которого глазели все соседи по столу. Неопределенно-приветственным жестом Страйк поднял правую руку, вовремя не сообразив, что она забинтована, и лишь привлек к себе еще больше внимания.

– Здрасте, я Дженни, жена Стивена, – обратилась к нему статная брюнетка. – Хотите?

Над тарелкой мужа она протянула Страйку свой нетронутый высокий стакан пива. На радостях Страйк готов был ее расцеловать, но, видя мрачность Стивена, ограничился сердечным «спасибо» и тут же влил в себя полпинты. Краем глаза он заметил, как Дженни шепчет что-то на ухо мужу. Тот, дождавшись, когда Страйк опустит стакан, прочистил горло и ворчливо бросил:

– Надо думать, поздравлений ждете.

– С чем? – удивился Страйк.

Лицо Стивена едва заметно смягчилось.

– С поимкой этого душегуба.

– А ну его.

Взяв вилку левой рукой, Страйк атаковал суфле из лосося. Прикончив его в два счета, он заметил, как развеселилась Дженни: вероятно, от него ожидали более светских застольных манер.

– Извините, – пробормотал он. – Оголодал на свежем воз-

духе.

В глазах Стивена мелькнуло подобие одобрения.

– Разве этим наешься? – фыркнул он, изучая собственную порцию суфле. – Воздух один.

– Корморан, – вновь подала голос Дженни, – вас не затруднит помахать Джонатану? Он тоже брат Робин – вон там сидит.

Страйк повернулся в указанную сторону. За соседним столиком восторженно жестикулировал стройный паренек, похожий на сестру цветом волос и румянцем. Детектив смущенно помахал в ответ.

– Вернуть ее надумали, что ли? – выпалил Стивен.

– В общем, да, – ответил Страйк. – Надумал.

Он бы не удивился, услышав гневную отповедь, но у Стивена вырвался протяжный вздох.

– По мне, сестра только рада будет. Она как на крыльях летала, пока у вас работала. Я-то в детстве ее подкалывал: она все твердила, что пойдет в сыщики. Дурак был, – прибавил он, взяв с подноса очередную пинту пива и сделав изрядный глоток, а затем продолжил: – Напрасно мы ее гнобили, задним числом понимаю, но потом она… как бы поточнее выразиться… хоть как-то научилась за себя постоять.

Стивен стрельнул глазами в сторону главного стола, а детектив, усаженный спиной к центру зала, под этим предлогом обернулся и украдкой посмотрел на Робин. Она сидела молча, ничего не ела и будто не замечала Мэтью.

– Не сейчас, приятель, – услышал он голос Стивена; оказалось, тот своей длинной могучей ручищей поставил барьер между Страйком и приятелем Мартина, хотя парень уже навис над сыщиком, чтобы задать какой-то вопрос; но теперь юнец ретировался ни с чем.

– Ваше здоровье, – сказал Страйк, приканчивая пинту, которую великодушно передала ему Дженни.

– Привыкайте к роли свадебного генерала. – Стивен в один присест заглотил суфле из лосося. – Как-никак самого Потрошителя изловили. Быть вам теперь знаменитостью.

Принято считать, что человеку, пережившему потрясение, мир видится одним размытым пятном, но у Робин дело обстояло иначе. Банкетный зал приобрел необыкновенно четкие контуры и новые детали: сквозь полузашторенные окна пробивались квадраты света, за оконными стеклами лазурное небо сверкало эмалевой яркостью, камчатные скатерти скрывали свою фактуру под локтями и составленными вразнобой стаканами, разомлевшие гости начали зубоскалить и наливаться пивом, горделивый профиль тети Сью выражал полное безучастие к общей болтовне, а Дженни заигрывала со Страйком, потряхивая своим нелепым желтым кивером. Робин не выпускала Страйка из поля зрения. То и дело упираясь взглядом ему в спину, она уже могла бы по памяти набросать все заломы на его пиджаке, затылок с густыми черными завитками, а также разной толщины уши, одно

из которых зацепил нож.

Нет, шок от ее сегодняшнего открытия ничуть не замутнил для нее окружающую действительность. Напротив, он обострил ее восприятие звука и времени. В какой-то миг она услышала, как Мэтью уговаривает ее поесть, но осознала это лишь тогда, когда рассудительный официант забрал ее нетронутую тарелку: все, что говорили окружающие, доходило до нее через толстые стены, которые сомкнулись после того, как Мэтью признал свое вероломство. В невидимой камере, отделявшей ее от всех в этом зале, она почувствовала прилив адреналина, побуждавший ее встать и уйти.

Сегодняшнее появление Страйка показало, что он действительно стремится ее вернуть, что она, скорее всего, напрасно терзалась от стыда, гнева, обиды и унижения, от которых не могла избавиться после того жуткого вечера, когда он указал ей на дверь. Мэтью хотел отнять у нее то единственное, что могло бы ее спасти, то единственное, о чем она плакала по ночам, когда все в доме спали: ее самоуважение, возвращение к работе, которая была для нее всем, и к той дружбе, которая была для нее (хотя сама она об этом не знала, пока ее не лишилась) одной из самых главных ценностей в жизни. Мэтью ей солгал и продолжал лгать. Он улыбался и хохотал, пока она заставляла себя проживать дни, оставшиеся до венчания, один за другим, и безуспешно притворялась, что счастлива отказаться от той жизни, к которой прикипела. Удалось ли ей его обмануть? Неужели он поверил, что

она искренне рада завершению прежнего этапа жизни? Если это правда, значит она вышла замуж за человека, который совершенно ее не знает, а если и это правда, то…

Со столов убрали десертные тарелки, и Робин оставалось лишь изобразить притворную улыбку, когда встревоженный официант спросил, не желает ли невеста заказать что-нибудь другое, ведь она не прикоснулась ни к одному из трех блюд.

– Вы ведь меня за это не расстреляете? – спросила его Робин.

Обескураженный ее мрачностью, он заулыбался, но тут же смутился.

– Ладно, – сказала она, – не берите в голову.

– Робин, что ты такое говоришь! – одернул ее Мэтью, и она в приливе гневного удовольствия поняла, что он запаниковал, опасаясь ее дальнейших выходок и нового поворота событий.

Гостям подали кофе в отполированных до блеска серебряных кофейниках. Робин наблюдала, как официанты разливают напиток по чашкам, как на столах появляются аккуратные подносики с птифурами. У нее на глазах Сара Шедлок в облегающем бирюзовом платье без рукавов засеменила в туалетную комнату, не дожидаясь начала заздравных речей, а за ней последовала глубоко беременная Кэти в своих мягких балетках, вся опухшая, усталая, с огромным животом; и взгляд Робин сам собой вновь уперся в спину Страйка. Тот, поедая птифуры, беседовал со Стивеном. Она порадовалась,

что посадила их за один стол. Ей всегда казалось, что они найдут общий язык.

Потом распорядитель призвал к тишине; последовал какой-то шорох, гости заерзали, отодвинули стулья – и все сидевшие спиной к центральному столу развернулись, чтобы видеть ораторов. Робин встретилась глазами со Страйком, но не сумела разгадать выражение его лица. Он отвел взгляд лишь тогда, когда с места поднялся ее отец, поправил очки и заговорил.

Страйку до смерти хотелось прилечь или хотя бы вернуться в машину к Штырю, где можно было откинуть пассажирское сиденье. За прошедшие двое суток ему удалось подремать не более пары часов; от сочетания сильных обезболивающих и четырех выпитых за вечер пинт пива его так клонило в сон, что он стал клевать носом, подпирая голову кулаком, и вздрагивал всякий раз, когда висок соскальзывал с костяшек пальцев.

Он никогда не спрашивал Робин, чем занимаются ее родители. Если Майкл Эллакотт и упомянул свою профессию в торжественной речи, Страйк это упустил. У отца невесты был незлобивый, почти профессорский вид, который подчеркивали очки в роговой оправе. Дети унаследовали его высокий рост, но черные волосы и карие глаза достались только Мартину.

Свою речь он составил, а возможно, переписал заново, ко-

гда Робин осталась без работы. Майкл с нескрываемой любовью и гордостью рассуждал о личных качествах Робин, о ее уме, стойкости, великодушии и доброте. Рассказывая о своей единственной дочери, он невольно прервался, чтобы прочистить горло, но в том месте, где следовало поведать о ее достижениях, возник пробел: чем она занималась, что пережила? Разумеется, кое-какие из событий, выпавших на долю Робин, невозможно было предать огласке в этом гигантском деревянном ящике, доверить ушам этих людей, украсивших себя перьями и цветами в петлицах, но сам факт, что она выжила, служил для Страйка высочайшим подтверждением всех ее качеств, и он, при всей своей сонливости, понимал, что о них нельзя умолчать.

Похоже, никому из присутствующих такая мысль не приходила в голову. Он даже уловил некоторое облегчение в зале, когда Майкл завершил свое выступление, ни словом не упомянув ни ножей, ни шрамов, ни масок гориллы, ни вязаных шапочек с прорезями для глаз.

Теперь настал черед жениха. Мэтью поднялся со своего места под восторженные аплодисменты, однако руки Робин по-прежнему лежали на коленях, а взгляд был устремлен в окно, где в безоблачном небе низко висело предзакатное солнце и лужайку пересекали длинные тени.

Где-то в зале жужжала пчела. Куда меньше озабоченный тем, чтобы не обидеть Мэтью, нежели Майкла, Страйк поудобнее устроился на стуле, сложил руки на груди и смежил

веки. В течение первой минуты он узнал, что Мэтью и Робин знакомы с детства, но только в выпускном классе он заметил, как похорошела девчушка, некогда обогнавшая его в уморительном забеге с сырым яйцом на ложке…

– Корморан!

Страйк резко вздрогнул, увидел, как растекается у него на груди мокрое пятно, заключил, что пустил слюну, и мутными глазами нашел Стивена, ткнувшего его локтем.

– Вы захрапели, – шепотом сообщил ему Стивен.

Страйк не успел ответить, как зал вновь взорвался аплодисментами. Мэтью без улыбки сел.

Будет ли этому конец?.. Нет, теперь со своего места вставал шафер. Окончательно пробудившись, Страйк понял, что сейчас у него лопнет мочевой пузырь. Оставалось только уповать, чтобы этот тип не стал долго нудить.

– Мы с Мэттом вместе играли в регби, – начал оратор, и по залу прокатились пьяные восторги.

– Наверх, – скомандовала Робин. – Немедленно.

Это были первые слова, с которыми она обратилась к мужу за все время банкета. Только что смолкли аплодисменты шаферу. Страйк встал из-за стола, но Робин догадалась, что ему просто-напросто нужно в туалет, поскольку он остановил пробегавшего мимо официанта и спросил, куда идти. В любом случае она теперь понимала, что Страйк хочет ее вернуть, и не сомневалась, что он останется до тех пор, пока

не добьется ее согласия. Это подтверждали и взгляды, которыми они с ним обменялись, когда гостям только подавали закуски.

– Через полчаса приедет группа, – сообщил ей Мэтью. – От нас потребуется…

Но Робин уже шла к дверям, закутанная в невидимый кокон, позволивший ей хладнокровно и без слез выслушать сначала отцовскую речь, потом нервные высказывания Мэтью и под конец – набившие оскомину байки про регби, которыми сыпал шафер. Робин смутно заподозрила, что мама хочет ее удержать, но останавливаться не стала. Она и так послушно высидела до окончания обеда и речей. Теперь вселенная просто обязана была дать ей краткую передышку, чтобы уединиться и свободно вздохнуть.

Робин устремилась вверх по лестнице, придерживая юбку, чтобы в ней не запутались дешевые туфли, а дальше зашагала по мягкому ковру коридора, хотя не знала точно, куда идти, и чувствовала спиной приближение Мэтью.

– Простите, – обратилась она к облаченному в форменный жилет подростку, который толкал перед собой тележку с постельным бельем. – Где находится люкс для новобрачных?

Тот, переводя взгляд с нее на Мэтью, ухмыльнулся, реально ухмыльнулся.

– Вот придурок, – холодно бросила она.

– Робин! – одернул ее Мэтью, видя, как вспыхнул коридорный.

– Вон там, – хрипло ответил парнишка, указывая пальцем.

Робин зашагала дальше. Как она понимала, ключ лежал в кармане у Мэтью. Вчера вечером он вместе со своим дружком-шафером оттягивался в этом же отеле, хотя и не в люксе для новобрачных.

Позволив Мэтью отпереть дверь, она ворвалась в номер и отметила, что кровать усыпана лепестками роз, а на столике поблескивает ведерко с шампанским, к которому прислонен большой конверт, адресованный мистеру и миссис Канлифф. У Робин вырвался вздох облегчения при виде дорожной сумки, которую удобно было бы взять в загадочное свадебное путешествие как ручную кладь. Расстегнув молнию, она пошарила в сумке левой рукой, чтобы достать лангетку, снятую перед фотосессией. Когда лангетка бережно обхватила раненое предплечье, Робин сняла с пальца новехонькое обручальное кольцо и бросила его на прикроватный столик рядом с ведром для шампанского.

– Что ты делаешь? – испуганно и в то же время агрессивно вскричал Мэтью. – Ты что… хочешь отменить?.. Тебе неохота быть замужем?..

Робин посмотрела на него в упор. Она ожидала, что напряжение отступит, как только они окажутся наедине и поговорят свободно, однако серьезность того, что она сейчас сделала, лишила ее возможности связно выражать свои мысли. Бегающие глаза и понурые плечи Мэтью выдавали страх перед ее молчанием. Вольно или невольно Мэтью остановился

точно между Робин и дверью.

– Ладно, – заговорил он на повышенных тонах. – Я понимаю, что напрасно…

– Ты знал, как много значит для меня эта работа. Ты знал.

– Но я не желаю, чтобы ты к ней возвращалась, понятно? – Мэтью сорвался на крик: – На тебя напали, Робин, ты чуть не потеряла руку!

– Так мне и надо. Сама виновата.

– Да он же тебя вышвырнул!

– Потому что я допустила запрещенный…

– Так и знал, что ты начнешь его выгораживать! – заорал Мэтью, полностью утратив самообладание. – Я знал, что, едва заслышав его голос, ты по свистку бросишься к нему на задних лапах, как паршивая собачонка.

– Я не позволю тебе принимать решения за меня! – Она тоже больше не сдерживалась. – Никто, черт возьми, не будет проверять мои телефонные звонки и стирать сообщения, Мэтью!

Все приличия и маски были отброшены. Если эти двое и слышали друг друга, то лишь случайно, когда переводили дыхание. Обида и горечь огненными стрелами летали в воздухе, но сгорали дотла, так и не достигнув цели. Робин, неистово замахав руками, тут же вскрикнула от боли, а Мэтью с видом оскорбленной добродетели указал пальцем на шрам, ставший вечным напоминанием о дурацком безрассудстве, толкнувшем ее в контору Страйка. Они так ни к

чему и не пришли, ничего не простили, да и не стали извиняться: скандалы, которые омрачали последний год их совместной жизни, сейчас привели к пожару, к пограничному столкновению, чреватому войной. За окном быстро сгущался мрак. У Робин стучало в висках, крутило под ложечкой, чувство реальности грозило удушьем.

– Тебе всегда была ненавистна моя работа без оглядки на время… Тебе было плевать, что я впервые в жизни получаю удовлетворение от работы, и ты опустился до *вранья*! Все ты знал – и тем не менее опустился до *вранья*! Как ты посмел стереть мою историю звонков, как ты посмел залезть в голосовую почту?..

Бросившись в глубокое, отделанное бахромой кресло и закрыв лицо ладонями, она безуспешно пыталась совладать с потрясением, злостью и, на пустой желудок, головокружением.

Где-то в ковровой тишине коридоров затворилась дверь, где-то захихикала женщина.

– Робин, – хрипло выдавил Мэтью.

Заслышав его шаги, она выставила вперед руку:

– Не прикасайся ко мне.

– Робин, я понимаю, мне не следовало так поступать. Но я бы не вынес, если бы с тобой снова случилась беда.

Она с трудом разбирала его слова. Ее злость была направлена не только против Мэтью, но и против Страйка. Тот должен был перезвонить. Столько раз, сколько требовалось. *В*

таком случае меня, возможно, здесь бы не было.

От этой мысли ей стало страшно.

Узнай я, что Страйк зовет меня обратно, неужели я бы все равно вышла за Мэтью?

По шороху его пиджака она догадалась, что он поддернул рукав и смотрит на часы. Видимо, ожидавшие внизу гости подумают, что они удалились, чтобы скрепить свой брачный союз. Нетрудно было вообразить, какие сальные шуточки отпускает у них за спиной Джеффри. Музыканты из группы бесцельно наяривали уже не менее часа. Робин еще раз вспомнила, в какую сумму это обошлось ее родителям. Вспомнилось ей и другое: что они потеряли залог, внесенный за ту, отложенную свадьбу.

– Ладно, – безучастно выговорила Робин. – Пойдем вниз, потанцуем.

Она встала, машинально расправляя юбку. Мэтью заподозрил неладное.

– Ты уверена?

– Сегодня мы должны отбыть номер, – сказала она. – Гости приехали со всех концов. Мама с папой выложили уйму денег.

Подобрав юбку, она шагнула к дверям.

– Робин!

Обернувшись, Робин ожидала услышать: «Я тебя люблю», ожидала увидеть его улыбку, ожидала мольбы и попыток к истинному примирению.

– Надень-ка. – С ледяным холодом во взгляде, как у нее, Мэтью протягивал ей забытое обручальное кольцо.

Не видя для себя другой возможности убить время до разговора с Робин, Страйк продолжал пить. Вырвавшись из-под заботливой опеки Стивена и Дженни, он предоставил им общаться с друзьями и родными, а сам воспользовался проверенным способом отделаться от любопытствующих незнакомцев: угрожающе расправил широкие плечи и напустил на себя привычный мрачный вид. Для начала он помаячил в дальнем конце барной стойки, взял себе еще пива, а потом вышел на террасу и там, под коралловым небом, остановившись в стороне от курильщиков, позволил себе насладиться вечерними огнями и сладковатым запахом лугов. Даже Мартин и его дружки, накачавшиеся пивом и тайком курившие в сторонке, как дети, не посмели ему досаждать.

Через некоторое время гостей деликатно оттеснили в тот же отделанный деревом зал, который в их отсутствие подготовили для танцев. Половину столов убрали, остальные сдвинули к стенкам. Музыканты, настроив аппаратуру, стояли наготове в ожидании жениха и невесты. Некий субъект, в котором Страйк угадал отца Мэтью, – потный краснолицый толстяк – сыпал шутками насчет времяпрепровождения молодых. И Страйк не сразу заметил, что ему протягивает руку какая-то женщина в облегающем бирюзовом платье, но перья ее шляпки уже щекотали ему нос.

– Неужто Корморан Страйк собственной персоной? – пропела она. – Какая честь! Разрешите представиться, Сара Шедлок.

Страйк был наслышан о Саре Шедлок. В студенческие годы она спала с Мэтью, хотя у того были устоявшиеся отношения с Робин. В очередной раз Страйк продемонстрировал свои бинты и уклонился от рукопожатия.

– Ох, бедненький.

За спиной у Сары возник нетрезвый лысеющий человек, который, очевидно, выглядел старше своих лет.

– Том Тэрви, – назвался он, не в силах сфокусировать взгляд на Страйке. – А ты крут. Здорово поработал, дружище. Ты крут!

– Мы давно мечтали с вами познакомиться, – продолжала Сара. – С Мэттом и Робин у нас давняя дружба.

– Шэкл…уэкл, короче – Потрошитель… – икнув, выговорил Том. – Ты крут.

– Подумать только, бедненький, – не унималась Сара, поглаживая бицепс Страйка и улыбаясь ему в разбитое лицо. – Это он вас так?

– Всем любопытно. – Том, пьяный, ухмыльнулся. – Каждая собака лезет с расспросами. Лучше бы речугу толкнул ты, а не Генри.

– Ха-ха, – снова вклинилась Сара. – Уверена, вам было не до этого. Ведь вы приехали сюда, как я понимаю, сразу после поимки… или как это сказать… я права?

– Прошу прощения, – без улыбки ответил Страйк, – но полиция запретила мне разглашать подробности.

– Леди и джентльмены, – засуетился взмыленный распорядитель, которого застало врасплох незаметное появление жениха с невестой. – Давайте поприветствуем: мистер и миссис Канлифф.

Так и не улыбнувшись, новобрачные вышли на середину зала, и все, кроме Страйка, захлопали. Теперь микрофон взял солист группы.

– Сейчас прозвучит песня из прошлого Мэтью и Робин, которая много значит для них обоих, – объявил он.

Одной рукой Мэтью обнял Робин за талию, а другой стиснул ее ладонь.

Свадебный фотограф вышел из тени и принялся щелкать затвором, недовольно хмурясь при виде неэстетичной лангетки на предплечье невесты.

С первыми аккордами песни «Wherever You Will Go»[2] группы *The Calling* Робин и Мэтью закружились в центре зала, отворачиваясь друг от друга.

So lately, been wondering,
Who will be there to take my place
When I'm gone, you'll need love
To light the shadows on your face…[3]

---

[2] «Куда бы ты ни пошла» *(англ.).*

[3] Я все чаще задумываюсь,Кто займет мое место,Когда меня не станет, а тебе понадобится любовь,Чтобы светом разогнать тени на твоем лице…(англ.)

Странный выбор «песни для новобрачных», подумал Страйк… и тут же заметил, как Мэтью теснее прижался к Робин, уверенно обхватил рукой ее тонкую талию и, приблизив породистое лицо к молодой жене, зашептал что-то ей на ухо.

Это было как удар в солнечное сплетение, который пробил броню усталости, облегчения и алкоголя, весь день защищавшую Страйка от истинного смысла этой свадьбы. Только сейчас, наблюдая, как кружатся в танце новобрачные – Робин в длинном белом платье и венке из роз, Мэтью в темном костюме, прильнувший к щеке молодой жены, – Страйк осознал, как долго и глубоко жила в нем надежда, что Робин никогда не выйдет замуж. Она была нужна ему свободной – свободной для их общего дела. Свободной, чтобы в любых обстоятельствах… была возможность… Свободной, чтобы в один прекрасный день понять, чем еще они могут сделаться друг для друга.

Да пошло оно все…

Захочет поговорить – пусть звонит. Оставив на подоконнике пустой стакан, Страйк начал пробираться сквозь толпу, но гости сами расступались, ошарашенные его сумрачным видом.

Делая поворот в танце и глядя в никуда, Робин заметила, что Страйк уходит. Распахнулась дверь; он исчез.

– Отпусти меня.

– Что?

Она вырвалась, опять подхватила юбку, чтобы не запутаться, и полушагом-полубегом устремилась к выходу, едва не сбив с ног своего отца и тетушку Сью, которые чинно вальсировали у нее на пути. Мэтью остался стоять в центре зала, а Робин под изумленными взглядами гостей уже выскочила за дверь, которая только что захлопнулась у нее перед носом.

– Корморан!

Заслышав свое имя, он обернулся, хотя уже преодолел половину лестницы. Ему нравилось, как струятся ее волосы из-под венка йоркширских роз.

– Ну, поздравляю.

Она спустилась еще на пару ступенек; у нее застрял ком в горле.

– Ты действительно хочешь, чтобы я вернулась?

Страйк натужно улыбнулся:

– Я мчался сюда черт знает сколько, подгоняя Штыря, который, что-то мне подсказывает, ради меня угнал «мерседес». Мне бы не хотеть твоего возвращения!

Она засмеялась, хотя на глаза навернулись слезы.

– Штырь тоже здесь? Что же ты не привел его с собой?

– Кого? Штыря? Да он бы тут обчистил все карманы, а потом вытряхнул гостиничную кассу.

Не сдержавшись, она еще посмеялась, но слезы уже брыз-

нули из глаз и покатились по щекам.

– Где собираешься спать?

– В машине, на обратном пути. Штырь сдерет с меня три шкуры за такую поездку. Ну, не важно, – ворчливо добавил он, когда Робин только раскрыла рот. – Если ты вернешься, это окупится. С лихвой.

– Но теперь я потребую контракта, – сказала Робин с жесткостью, опровергаемой ее взглядом. – По всей форме.

– Считай, он у тебя в кармане.

– Ну ладно уж. Тогда прощаемся до…

До какого срока? Ведь ей предстояло на пару недель уехать в свадебное путешествие.

– Сигнализируй, – сказал Страйк.

Он развернулся и опять двинулся вниз.

– Корморан!

– Что?

Робин устремилась вниз и остановилась на ступеньку выше. Теперь их глаза были на одном уровне.

– Я хочу во всех подробностях услышать, как ты его задержал.

Страйк улыбнулся:

– Успеется. Скажу только: это все благодаря тебе.

Ни один из них не смог бы поручиться, кем был сделан первый шаг, – а может, обоими одновременно? Не соображая, что делают, они крепко обнялись: подбородок Робин уткнулся в крепкое мужское плечо, а лицо Страйка утону-

ло у нее в волосах. От Корморана пахло потом, пивом и медицинским спиртом, а от нее – розами и все теми же легкими духами, аромата которых ему так не хватало в последние дни, когда его помощница больше не появлялась в конторе. Прикосновение было и новым, и знакомым, как будто он обнимал ее уже не раз, просто очень давно, и, сам того не зная, долгие годы тосковал по этому ощущению. Через прикрытые двери зала доносилось:

I'll go wherever you will go
If I could make you mine…[4]

Так же стремительно, как Страйк и Робин потянулись друг к другу, сейчас они отпрянули. Лицо Робин было мокрым от слез. На какой-то безумный миг у Страйка возникло желание сказать: «Уедем вместе», но существуют такие слова, которых не взять обратно и не забыть, – такова, как он понимал, была и эта короткая фраза.

– Сигнализируй, – повторил он и попытался улыбнуться, но лицо сковала боль. Помахав забинтованной рукой, он пошел вниз и больше не оглядывался.

Робин проводила его глазами и стала лихорадочно смахивать горячие слезы. Скажи он: «Уедем вместе» – она бы не раздумывала, но что потом? Всхлипывая и утирая нос тыль-

[4] Я последую за тобой, куда бы ты ни пошла, чтобы только назвать тебя моей… *(англ.)*

ной стороной ладони, Робин повернула обратно, в который раз подобрав длинную юбку, и нога за ногу поплелась наверх, к мужу.

Годом позже

1

Мне известно из верных источников, что он ищет опытного помощника.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Вселенское желание славы таково, что люди, которые приходят к ней случайно или невольно, начинают тщетно ожидать сочувствия.

После задержания Шеклуэллского Потрошителя Страйк не один месяц опасался, как бы это величайшее сыщицкое достижение не нанесло смертельный удар всей его карьере. Те осколки известности, которые доставались его агентству, теперь напоминали ему два погружения утопающего перед безвозвратным уходом в морские глубины. Бизнес, ради которого он пожертвовал столь многим и трудился не покладая рук, в значительной степени держался на его умении передвигаться незамеченным по лондонским улицам, но после задержания серийного убийцы детектив прочно засел в общественном воображении, стал курьезной сенсацией, простаком в состязании знатоков и объектом любопытства, еще более притягательным оттого, что не мог его удовлетворить.

Газетчики, выжав все до капли из хитроумной схемы Страйка, разработанной для поимки Потрошителя, вытащили на свет биографию сыщика. Ее называли «яркой», хотя, в его глазах, она больше напоминала комковатую, невидимую взгляду массу, которую он носил с собой всю жизнь и предпочитал не ворошить: отец – рок-звезда, покойная мать – из одержимых группи, армейская карьера завершилась с потерей половины правой ноги. Ухмыляющиеся журналисты, размахивая чековыми книжками, докопались и до его единственной сестры Люси, с которой он вместе рос. Вытянутые из его однополчан бездумные отзывы, из которых – Страйк понимал – был удален весь скабрезно-окопный юмор, оставляли только впечатление завистливой небрежности. Отец – Страйк виделся с ним два раза в жизни и никогда не носил его фамилию – сделал официальное заявление в прессе, намекнув на эфемерные, но вполне дружеские отношения с сыном, скрытые от посторонних глаз. Рябь от задержания Потрошителя оставалась на поверхности жизни Страйка не менее года и, казалось, не обещала сойти на нет.

Разумеется, положение самого известного частного детектива в Лондоне имело и свои положительные стороны. После судебного процесса в агентство Страйка устремился поток новых клиентов, и сыщик со своей помощницей Робин уже не справлялись со всеми заказами. Коль скоро Страйку настоятельно рекомендовали на некоторое время залечь на дно, он с полгода в основном сидел у себя в конторе, пока

нанятые им сотрудники – главным образом из среды отставных полицейских и военных, а также из мира частного сыска – выполняли практически всю работу, тогда как он сам, подключаясь к ним только под покровом темноты, брал на себя бумажную волокиту. Через год работы на износ Страйк, возглавлявший теперь расширенный штат, сумел дать Робин солидную прибавку, расплатиться с последними долгами и купить тринадцатилетний «БМВ» третьей серии.

В глазах Люси и знакомых Страйка наличие автомобиля и штата сотрудников означало, что сыщик наконец-то достиг полного благополучия. Но в действительности после оплаты немыслимо дорогого гаража в центре Лондона и выдачи заработной платы сотрудникам у Страйка не оставалось почти ничего: он по-прежнему занимал две комнатушки над своим кабинетом и готовил еду на одноконфорочной газовой плитке.

Постоянной головной болью были растущие запросы внештатных сотрудников и весьма пестрый состав мужчин и женщин, на которых могло рассчитывать его агентство. Страйк нашел только одного человека, к которому обращался более или менее постоянно: Энди Хатчинс, тощий, нелюдимый отставной полицейский десятью годами старше своего нового босса, пришел к нему по рекомендации инспектора сыскной полиции Эрика Уордла, старого знакомого Страйка из столичного полицейского управления. Хатчинс воспользовался правом на досрочное увольнение из силовых

структур, когда у него вдруг стала отказывать левая нога, после чего врачи поставили ему диагноз: рассеянный склероз. Явившись в контору по объявлению, Хатчинс предупредил Страйка, что не всегда сможет выходить на задания: болезнь, сказал он, штука непредсказуемая, хотя в последние года три рецидивов не было. Он сидел на особой низкожировой диете, которая в глазах Страйка выглядела просто карательной мерой: ни мяса, ни сыров, ни шоколада, ничего жареного. Методичный и терпеливый, Энди не нуждался в постоянном контроле, чего нельзя было сказать о других работниках, за исключением Робин. У Страйка до сих пор не укладывалось в голове, что она, придя к нему секретаршей на временную замену, стала его деловым партнером и незаменимой помощницей.

А остались ли они друзьями – это уже другой вопрос.

Через два дня после свадьбы Робин и Мэтью, скрываясь от настырных журналистов, Страйк вынужден был покинуть свою квартиру, где не мог даже включить телевизор, потому что на всех каналах трепали его имя. Не поддаваясь на приглашения друзей и сестры, он нашел прибежище в гостинице «Трэвелодж» у станции метро «Монумент». Там его ожидало желанное уединение, там он смог отоспаться и осушил девять банок лагера, причем с каждой опустошенной жестянкой, которая с убывающей точностью летела в помойное ведро, у Корморана нарастало желание побеседовать с Робин.

После того как они обнялись на лестнице – Страйк не раз вспоминал тот случай, – общаться им не доводилось. Он не сомневался, что у Робин сейчас чертовски трудное время, – она застряла в Мэссеме и решала, что делать дальше: то ли подавать на развод, то ли пытаться аннулировать брак или настаивать на продаже общей квартиры, отбиваясь от журналистов и родни. Что сказать ей при следующей встрече, Страйк еще не придумал. Он только знал, что хочет услышать ее голос. В сумеречном состоянии, обшарив свой рюкзак, он обнаружил, что при поспешном бегстве из своего жилища после нескольких бессонных ночей не захватил с собой зарядного устройства для телефона. Но это его не остановило: набрав номер справочной службы, он кое-как, не с первого раза, внятно сформулировал свой запрос, а после этого позвонил в родительский дом Робин.

К телефону подошел ее отец.

– Здрасть… Можно Робин?

– Робин? Ее, к сожалению, нет дома – уехала в свадебное путешествие.

Страйк плохо понимал, что ему говорят.

– Алло? – напомнил о себе Майкл Эллакотт и раздраженно добавил: – Опять пресса? Моя дочь в настоящее время за рубежом, попрошу больше сюда не звонить.

Повесив трубку, Страйк продолжал вливать в себя пиво, пока не отключился.

Гнев и досада не покидали его несколько дней, хотя кто

угодно мог бы ему сказать, что он не имеет права вторгаться в личную жизнь своих подчиненных. Но Робин покорно села в самолет вместе с человечишкой, которого он про себя называл не иначе как «мудилой». И тем не менее, отсиживаясь, пока его имя не забыли новостные программы, в «Трэвелодже», с запасом пива и новым зарядным устройством, он все время ощущал на себе какой-то груз, очень похожий на депрессняк.

Чтобы только избавиться от навязчивых мыслей о Робин, Страйк в конце концов нарушил свою добровольную ссылку, приняв приглашение, от которого в другое время уклонился бы любым способом: согласился поужинать с инспектором сыскной полиции Эриком Уордлом, его женой Эйприл и их приятельницей Коко. Страйк не сомневался: встреча задумывалась ради банального сводничества. Коко и раньше допытывалась у Уордла, стоит ли ей рассчитывать на внимание Страйка.

Миниатюрная, гибкая, очень хорошенькая, с томатно-рыжими волосами, она работала в тату-салоне, а в свободное время танцевала стриптиз. Страйк мог бы распознать сигналы опасности. Еще ни капли не выпив, она стала вести себя чересчур смешливо, даже истерически. С такой же легкостью, с какой Страйк выпил девять банок «Теннентс», он привел ее к себе в «Трэвелодж» и уложил в постель.

Потом Коко домогалась его чуть ли не месяц. Страйк был отнюдь не в восторге, хотя, когда ты залег на дно, скрываясь

от прессы, временным подругам не так-то просто тебя выцепить.

По прошествии года Страйк так и не понял, почему Робин не уходит от Мэтью. Оставалось только предположить, что она, ослепленная глубиной своих чувств, не видит его истинной сущности. Что же до Страйка, у него завязались новые отношения, длившиеся уже десять месяцев. После расставания с Шарлоттой, единственной, кого он рассматривал в качестве будущей жены, таких длительных связей у него не случалось.

Эмоциональная дистанция между сыщиком и его напарницей стала простым фактом повседневного существования. Робин как сотрудница не вызывала никаких нареканий. Все его указания она выполняла быстро и тщательно, проявляя инициативу и сообразительность. Вместе с тем он стал замечать у нее какие-то несвойственные ей прежде черты. В его напарнице появилась едва заметная нервозность, а однажды, когда дело коснулось распределения обязанностей между ею и другими работниками, он даже встревожился, перехватив нехарактерный для нее отсутствующий взгляд. Он знал некоторые симптомы посттравматического стресса, а ведь она пережила два нападения, грозившие смертельным исходом. В Афганистане, потеряв полноги, он тоже временно утратил контроль над сознанием – и вдруг, стремительно и внезапно выхваченный из реальности, перенесся к тем считаным се-

кундам обостренного предчувствия и ужаса, которые предшествовали взрыву его «викинга», инвалидности и окончанию военной карьеры. С той поры он терпеть не мог сидеть рядом с водителем и до сих пор видел во сне кровь и смертельную агонию, от чего просыпался в поту.

Между тем, когда он сделал попытку спокойно и уверенно, как и подобает руководителю, обсудить с Робин ее психическое состояние, та решительно перебила его, причем с обидой, которую он для себя объяснил увольнением. После этого, по его наблюдениям, она порывалась брать на себя те задания, которые требовали определенной изворотливости, а также ночных вылазок; ему стоило многих усилий организовать работу так, чтобы незаметно для нее поручать ей самые безопасные, рутинные дела.

Друг с другом они держались сухо, приветливо и официально, затрагивая личные темы только по необходимости и в самом общем виде. Робин и Мэтью недавно переехали, и Страйк настоял, чтобы она взяла целую неделю для обустройства на новом месте. Робин сопротивлялась, но Страйк взял верх. Почти весь год, напомнил он ей непререкаемым тоном, она работала практически без выходных.

В понедельник недавно нанятый и совершенно никчемный, да к тому же самонадеянный сотрудник, некогда служивший в военной полиции, но прежде незнакомый Страйку, въехал на своем мопеде в зад такси, за которым должен

был следить. Страйк уволил этого болвана без сожаления, но сначала выместил на нем накопившуюся злость: арендодатель – владелец офисного здания на Денмарк-стрит – накануне уведомил добрую половину съемщиков, включая Страйка, что продал свою недвижимость фирме-застройщику.

Над детективом нависла угроза остаться без офиса и без квартиры.

Как нарочно, секретарша, нанятая им на время отпуска Робин для выполнения несложной конторской работы и ответов на телефонные звонки, оказалась пренеприятнейшей особой. Она без умолку трещала плаксивым, гнусавым голосом, который проникал даже сквозь плотно закрытую дверь кабинета. В последние дни Страйк уже сидел в наушниках и слушал музыку; временной секретарше приходилось долго барабанить в дверь и кричать, иначе босс не отзывался.

– Что у вас?

– Вот, только что нашла. – Дениза размахивала перед ним какой-то запиской. – Здесь сказано «клиника»… и какое-то название на букву «в»… прием через полчаса. Я правильно сделала, что вам напомнила?

Страйк узнал почерк Робин. Действительно, разобрать название оказалось невозможно.

– Нет, – отрезал он. – Можете выбросить.

Втайне надеясь, что это Робин без лишнего шума, под контролем врачей приводит в порядок свою психику, Страйк опять надел наушники, чтобы вернуться к составлению от-

чета, но никак не мог сосредоточиться. На этот день он назначил собеседование с очередным кандидатом в оперативники, а потому решил уйти пораньше. Чтобы только не находиться рядом с Денизой, местом встречи он выбрал свой излюбленный паб.

После задержания Шеклуэллского Потрошителя Страйк долгое время обходил этот паб стороной: его, завсегдатая, там караулили журналисты. Даже сегодня он на всякий случай огляделся перед входом, сразу прошел к стойке, взял, как обычно, пинту «Дум-бара» и устроился за угловым столиком.

То ли потому, что он усилием воли отказался от чипсов, без которых раньше не мог прожить и дня, то ли потому, что был до предела загружен работой, но за истекший год Страйк похудел. С потерей веса уменьшилось давление на культю ампутированной голени, а в результате ему стало проще садиться и восстанавливать силы. Отхлебнув пива, Страйк привычно размял колено и порадовался относительной легкости этого движения, а затем раскрыл принесенную с собой картонную папку.

Лежавшие в ней бестолковые отчеты составил тот идиот, который на мопеде впилился в такси. Отказать выгодному клиенту было бы непростительно, хотя и Страйк, и Хатчинс еле справлялись с наплывом заказов. Агентству срочно требовались свежие силы, но у Страйка отнюдь не было уверенности, что он принял мудрое решение, назначив сегодняш-

нюю встречу. Без согласования с Робин он самонадеянно решил отыскать и привлечь к работе человека, которого не видел пять лет, и даже когда в дверь «Тотнэма» вошел безупречно пунктуальный Сэм Барклай, у Страйка не прибавилось убеждения, что он застрахован от роковой ошибки.

В этом уроженце Глазго многое выдавало военную косточку: футболка, поддетая под джемпер, короткая стрижка, плотные джинсы и безукоризненной белизны кроссовки. Когда Страйк, встав со стула, протянул ему руку, Барклай – тоже, судя по всему, узнавший его без труда – с усмешкой сказал:

– Не рано ли для пива?

– Тебе взять? – предложил Страйк.

Ожидая у стойки, пока ему нальют пинту для Барклая, он разглядывал бывшего мотострелка в зеркале за спиной у бармена. В свои тридцать с небольшим Барклай уже начал седеть. А в остальном совершенно не изменился. Густые брови, большие, круглые голубые глаза, выпяченный подбородок и слегка крючковатый нос делали его похожим на добродушного филина.

Страйк симпатизировал Барклаю, даже когда готовил материалы для передачи в военный суд.

– Курить не бросил? – поинтересовался Страйк, ставя перед ним пиво и садясь на свое место.

– В последнее время перешел на электронные, – ответил Барклай. – У нас прибавление в семействе.

– Поздравляю, – сказал Страйк. – Стало быть, ведешь здоровый образ жизни?

– Да, типа того.

– Барыжишь?

– Никогда этим не занимался, – с горячностью заверил Барклай, – тебе ли не знать? По случаю могу позволить себе рекреационное использование, дружище.

– А где берешь?

– В интернете. – Барклай пригубил пиво. – Как нефиг делать. В первый раз подумал: это ж нереально, наверняка развод какой-то. А потом решил: «Была не была, рискну». Все культурно, присылают под видом обычных сигарет. Там целое меню, только выбирай. Как мы без интернета жили?

Посмеявшись, он продолжал:

– Зачем позвал-то? Вот уж не думал, что ты объявишься.

Страйк помедлил.

– Хотел тебе работенку предложить.

Барклай молча уставился на старого знакомого, потом запрокинул голову и расхохотался.

– Вот темнила! Почему ж ты сразу не сказал, а?

– Сам-то как думаешь: почему?

– Я даже вейпить стараюсь не каждый вечер. – Барклай посерьезнел. – Кроме шуток. Жена не одобряет.

Страйк задумался, не убирая сжатую в кулак руку с картонной папки.

С Барклаем он познакомился в Германии, когда расследо-

вал дело о наркотиках. В британской армии, как и в любом другом сегменте общества, дурь покупалась и продавалась запросто, но Отдел специальных расследований поставили на уши в связи с одним делом, которое на первый взгляд было организовано куда более профессионально, чем многие другие. На Барклая указали как на ключевую фигуру криминальной цепочки, а уж когда среди его личных вещей нашли килограммовый брикет чистейшего марокканского гашиша, парня с полным основанием вызвали к следователю.

Барклай утверждал, что это подстава, и Страйк, присутствовавший при допросе, был склонен согласиться, хотя бы потому, что стрелок отнюдь не выглядел таким идиотом, который будет прятать кило гашиша на дне своего вещмешка.

Однако Барклай, по всем данным, подкуривал регулярно, и свидетели в один голос рассказывали о его неадекватном поведении. Страйк не мог избавиться от мысли, что из Барклая сделали козла отпущения, и по собственной инициативе решил копнуть поглубже.

В результате этого дополнительного расследования вскрылись интересные факты касательно инженерно-технического оборудования и стройматериалов, которые заказывались в невероятных объемах. Страйк не впервые выявил такого рода коррупционную схему, но почему-то двое офицеров, ответственных за таинственное исчезновение этих весьма ходких товаров, наиболее рьяно требовали отправить Барклая под трибунал.

Вызванный для беседы с глазу на глаз, Барклай опешил, когда сержант ОСР начал расспрашивать его не про наркоту, а про нестыковки в строительных подрядах. Поначалу он насторожился, но в конце концов рассказал Страйку, что не только замечал махинации, которых не видели или предпочитали не касаться другие, но и вел таблицу, куда с документальной точностью заносил объемы хищений. Солдату не повезло: те двое офицеров прознали, что он сует нос в их дела, и очень скоро у него в вещевом мешке обнаружился килограмм гашиша.

Когда же Барклай предъявил Страйку свою тетрадь (спрятанную куда надежнее, чем пресловутый гашиш), дознаватель поразился скрупулезности и находчивости ее владельца, не обученного следственным методам. Страйк хотел понять, с какой целью боец начал добровольное расследование, за которое теперь поплатился, но Барклай только повел широкими плечами и ответил: «Не моего ума дело, да? Так ведь они армию грабили. Казенные деньги прикарманивали, гады».

Страйк уделил этому делу намного больше времени, чем оно, по мнению следственной группы, заслуживало, но все же его дополнительное расследование, подкрепленное данными Барклая, привело нечистых на руку офицеров за решетку. Разумеется, все заслуги приписал себе Отдел специальных расследований, но Страйк добился, чтобы обвинения против Барклая были спущены на тормозах.

– Работенку, говоришь? – переспросил Барклай, не понижая голоса, потому что в пабе уже становилось шумно. – Сыщиком, что ли?

Такая перспектива его явно заинтересовала.

– Ну да, – подтвердил Страйк. – А ты, в принципе, чем занимался после дембеля?

Ответ оказался удручающим, хотя этого следовало ожидать. Первое время Барклаю было трудно удерживаться на одном месте, а года через два он устроился маляром-штукатуром в фирму по ремонту квартир, принадлежавшую его шурину.

– Главная добытчица у нас жена, – добавил Барклай. – У нее работа хорошая.

– Ладно, – сказал Страйк. – Для начала буду давать тебе отдельные поручения раза два в неделю. А ты будешь выставлять мне счет за выполненные действия. Не сработаемся – разбежимся в разные стороны, никто никого держать не собирается. Все честно?

– Типа, да, – кивнул Барклай, – ага, кажись, честно. А платить-то сколько будешь?

За пять минут они обсудили все финансовые вопросы. Страйк объяснил, что привлекаемые со стороны работники подписывают с ним индивидуальный договор субподряда и что квитанции, чеки и прочие расходные документы, связанные со следственными действиями, сдаются в контору для оформления компенсации. Наконец он раскрыл папку и под-

толкнул ее к Барклаю для ознакомления.

– Нужно проследить вот за этим красавцем. – Он указал на снимок щекастого парня с густой курчавой шевелюрой. – Зафиксировать, с кем он встречается и что поделывает.

– Ага, понял. – Достав из кармана телефон, Барклай переснял фото и адрес объекта.

– Сегодня за ним походит один из моих ребят, – сказал Страйк, – а ты завтра к шести утра будь у его подъезда.

Ему понравилось, что Барклая не смутил столь ранний час.

– Кстати, как там девушка-то? – спросил Барклай, возвращая мобильный в карман. – Которая в газетах вместе с тобой мелькает?

– Робин? – уточнил Страйк. – Отпуск взяла. На следующей неделе вернется.

Они скрепили свою договоренность рукопожатием, и Страйк, поддавшись минутному оптимизму, чуть не забыл, что сейчас ему предстоит вернуться в офис, где торчит Дениза, которая будет трещать, как попугай, скрипучим голосом, разговаривать с набитым ртом и, хоть ей кол на голове теши, подавать ему вместо нормального чая какую-то жидкую бурду с молоком.

Чтобы попасть к себе в контору, Страйку пришлось пробираться сквозь преграды нескончаемых дорожных работ на Тотнэм-Корт-роуд. Миновав самый шумный участок, он позвонил Робин, чтобы поставить ее в известность насчет Барк-

лая, но звонок был направлен в голосовую почту. Страйк вспомнил, что как раз сейчас она должна находиться в какой-то загадочной клинике, и разъединился, не оставив сообщения после сигнала.

Он пошел дальше, но в голову закралась внезапная мысль: ведь это всего лишь его домыслы, что посещение клиники связано с нервами Робин, а вдруг?..

У него в руке зазвонил телефон: на экране высветился номер офиса.

– Алло?

– Мистер Страйк? – испуганно скрипела ему в ухо Дениза. – Мистер Страйк, вы не могли бы прийти как можно скорее? Пожалуйста… здесь находится один джентльмен… у него к вам очень срочное дело.

В трубке раздался громкий стук, потом мужской вопль.

– Умоляю, как можно скорее! – завопила Дениза.

– Иду! – прокричал в ответ Страйк и торопливо заковылял вперед.

2

Да он как будто не таков с виду, чтобы его пускать в комнаты.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Тяжело дыша, превозмогая боль в правом колене, Страйк на последнем лестничном марше уже втягивал себя наверх за перила. Из-за стеклянной двери эхом разносились два голоса: один мужской, другой – визгливый и перепуганный – женский. Когда Страйк ворвался в приемную, Дениза, прижавшаяся к стене, выдохнула:

– Ох, слава богу!

На взгляд Страйка, парню, застывшему посреди приемной, было лет двадцать пять. Темные волосы неряшливыми прядями свисали на худое, грязное лицо, но не могли скрыть ввалившихся горящих глаз. Джинсы, футболка, толстовка с капюшоном – все было грязное, кожаный верх одной кроссовки отставал от подошвы. В ноздри сыщику ударил тяжелый запах немытого животного.

В том, что этот субъект психически неуравновешен, сомневаться не приходилось. Через каждые секунд десять на него нападал неудержимый, как можно было догадаться, тик: рука теребила кончик носа, уже покрасневшего от частых прикосновений, затем с глухим стуком била в чахлую грудину, после чего бессильно свисала вдоль туловища и почти

сразу опять взлетала к кончику носа. Создавалось впечатление, будто парень не может вспомнить, как положено креститься, или же для быстроты упростил для себя это действие. Нос, грудина, рука у бедра; нос, грудина, рука у бедра; наблюдать за ним было тягостно, тем более что для него эти механические движения, наверное, оставались безотчетными. На лондонских улицах встречалось немало таких горемычных и явно нездоровых субъектов, от которых окружающим – одни неудобства; в вагоне метро зачастую оказывался пассажир, заставлявший других отводить глаза, а на углу топталась какая-нибудь кликуша, от которой пешеходы спешили перейти на другую сторону. Эти осколки разбитого рода человеческого были столь многочисленны, что уже примелькались и не задерживались в памяти.

– Вы – он? – спросил этот парень с горящим взором, а рука сама собой вновь потянулась к носу и грудине. – Вы – Страйк? Детектив?

Другой рукой, которая не металась между носом и грудной клеткой, он вдруг стал дергать молнию на джинсах. Дениза взвизгнула, будто испугавшись, как бы он не стал обнажаться, и, похоже, такие опасения были отнюдь не беспочвенны.

– Верно, я Страйк, – подтвердил сыщик, перемещаясь по приемной, чтобы занять позицию между странным посетителем и своей временной секретаршей. – Все в порядке, Дениза?

– Да, – выдавила она, не отлипая от стены.

– Я видел, как ребенка убили, – сообщил парень. – Задушили.

– Так-так, – будничным тоном произнес Страйк. – Может, пройдем ко мне? – Он жестом пригласил посетителя в кабинет.

– Сейчас описаюсь! – заявил парень, расстегивая молнию.

– В таком случае тебе вот туда.

Страйк проводил его на лестничную площадку, где находился туалет, и, когда дверь с грохотом захлопнулась, неслышно вернулся к Денизе:

– Что здесь произошло?

– Он требовал вас, а когда услышал, что вам пришлось выйти, разозлился и начал крушить все подряд!

– Вызовите полицию, – вполголоса приказал Страйк. – Скажите, что к нам забрел нездоровый человек. По всей вероятности, психопат. Только дождитесь, чтобы я завел его в кабинет.

Дверь туалета с грохотом ударилась о стену. Посетитель не потрудился застегнуть джинсы. Похоже, он был без трусов. Дениза опять взвизгнула, а он неистово хватался то за нос, то за грудь, то за нос, то за грудь, даже не думая прикрыть заросший темными волосами лобок.

– Прошу сюда, – любезно произнес Страйк.

Незнакомец зашаркал в кабинет, распространяя вокруг себя усилившееся зловоние.

Услышав предложение садиться, он примостился на краешке клиентского кресла.

– Как тебя зовут? – через стол обратился к нему Страйк.

– Билли, – ответил посетитель, троекратно коснувшись носа и грудины. Когда правая ладонь в третий раз упала вдоль тела, он схватил ее левой и крепко стиснул.

– И ты видел, как некто душил ребенка, правильно я понимаю, Билли? – спросил Страйк, и в этот миг в приемной закудахтала Дениза:

– Полиция, срочно!

– Что она сказала? – забеспокоился Билли, нервно поглядывая в сторону приемной горящими, еще более округлившимися глазами; одна рука сжимала другую, чтобы унять тик.

– Не обращай внимания, – беззаботно отмахнулся Страйк. – Я же веду несколько дел одновременно. Расскажи мне про того ребенка.

Замедленным, осторожным движением, как будто опасаясь потревожить пугливого птенца, Страйк достал из стола блокнот и лист бумаги.

– Его задушили наверху, прямо у лошади.

За хлипкой перегородкой Дениза, уже не понижая голоса, тарахтела в трубку.

– Когда это случилось? – Страйк делал пометки.

– Давно… я еще маленьким был. Задушили девочку, а потом сказали, что мальчика. Там Джимми был, он говорит, я

ничего не мог видеть, но я-то видел. Я видел, как он это сделал. Задушил. Я видел.

– И это произошло рядом с лошадью, так?

– Совсем рядом. Но закопали его… ее… не там. А в ложбине, у папиного дома. Я все видел, могу показать место. Мне она не разрешила копать, а вам разрешит.

– И это сделал Джимми, да?

– Джимми никого не душил! – возмутился Билли. – Он вместе со мной смотрел. А теперь говорит, ничего такого не было, но он врет, сам же там стоял. Понимаете, его запугали.

– Понимаю, – солгал Страйк, не прекращая строчить в блокноте. – Но чтобы взяться за это расследование, мне понадобится ваш адрес.

Он ожидал какого-нибудь противодействия, но Билли с энтузиазмом потянулся за предложенным блокнотом и ручкой. Страйка обдала новая волна зловония. Билли начал что-то выводить на чистой странице, но внезапно передумал.

– Вы к Джимми не сунетесь, а? Не то прибьет он меня к чертовой матери. Соваться к нему нельзя.

– Нет-нет, – мягко заверил Страйк. – Твой адрес нужен только для отчетности.

Из-за двери доносился скрипучий голос Денизы:

– Я не могу столько времени ждать, он совсем буйный!

– Что она мелет? – возмутился Билли.

К досаде Страйка, Билли неожиданно вырвал из блокнота верхний листок, скомкал, а потом принялся теребить нос и

грудину, сжимая листок в кулаке.

– Не обращай внимания на Денизу, – сказал Страйк, – она ведет переговоры насчет другого клиента. Может, хочешь попить, Билли?

– Чего попить?

– Чаю? Кофе?

– Это зачем? – еще больше насторожился Билли от такого предложения.

– Исключительно по желанию. Не хочешь – не надо.

– Мне лекарство не требуется!

– Да у меня и нет для тебя лекарства, – заверил Страйк.

– Я не псих! Он ребенка задушил, а трупик они закопали в ложбине, у папиного дома. В одеяло завернутый. В розовое одеяло. Я не виноват. Мелкий был. И торчал там не по своей воле. Я же маленький был.

– А сколько лет прошло, если навскидку?

– Лет этак… много… из головы не идет. – На изможденном лице сверкали круглые глаза, а кулак, сжимавший ком бумаги, метался вверх-вниз, от носа к груди. – Завернули в розовое одеяльце да и закопали в ложбине у папиного дома. Но потом сказали, что это мальчик был.

– А где находится папин дом, Билли?

– Она меня теперь не пустит. А вот вы могли бы выкопать. Могли бы съездить. Удавили ее, точно говорю, – твердил Билли, пригвождая Страйка безумным взглядом. – Да только Джимми сказал – это мальчик. Удавили возле…

Раздался стук в дверь. Страйк не успел и рта раскрыть, как Дениза, осмелев от присутствия босса, с важным видом просунула голову в кабинет.

– Едут, – сообщила она. Преувеличенная многозначительность ее тона могла бы спугнуть даже совершенно вменяемую личность. – Скоро будут.

– Кто едет? – забеспокоился Билли, вскакивая с кресла. – Кто скоро будет?

Отпрянув, Дениза захлопнула дверь. До слуха донесся приглушенный удар, и Страйк понял, что секретарша навалилась на дверь в попытке задержать Билли.

– Мне должны привезти заказ. – Не теряя присутствия духа, Страйк тоже встал. – Продолжай: ты говорил про…

– Что вы наделали? – Билли с воплем пятился к выходу, безостановочно терзая нос и грудину. – Кто сюда едет?

– Никто сюда не едет, – солгал Страйк, но Билли уже ломился в дверь.

Встретив сопротивление, он с размаху саданул дверь плечом. Снаружи раздался визг – Дениза отлетела в сторону. Страйк еще не обогнул свой письменный стол, а Билли уже выскочил на железную лестницу и ринулся вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Сыщика захлестнула ярость – догнать молодого и, как оказалось, прыткого безумца нечего было и думать. Бросившись назад, он поднял оконную раму в своем кабинете и высунулся на улицу, но успел лишь заметить, как Билли шмыгнул за угол и скрылся из виду.

– Зараза!

Мужчина, входящий в гитарный магазин на другой стороне улицы, недоуменно оглянулся.

Страйк отошел от окна и уничтожил взглядом Денизу, которая отряхивалась на пороге его кабинета. Как ни удивительно, она была вполне довольна собой.

– Я пыталась его задержать, – с гордостью объявила она.

– Ага, – сказал Страйк, проявляя недюжинное самообладание. – Я видел.

– Полицейские уже едут.

– Фантастика.

– Заварить вам чаю?

– Нет, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Тогда пойду-ка я освежу туалетную комнату, – сообщила она и шепотом добавила: – Сдается мне, он не спустил за собой воду.

3

И эту борьбу я довел до конца один-одинешенек, не говоря никому ни слова.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Шагая по незнакомой Дептфорд-стрит, Робин испытала мимолетную беззаботность и тут же задумалась: когда у нее в последний раз было такое ощущение? Уж точно больше года назад. Зарядившись энергией и бодростью от послеполуденного солнца, нарядных витрин, уличной толчеи, шума транспорта, она торжествовала от прощания с клиникой «Вильерс траст».

Невзирая на недовольство медиков, она прервала лечение.

– Мы настоятельно рекомендуем пройти курс до конца, – сказала ей женщина-психотерапевт.

– Я знаю, – ответила Робин, – но, вы меня извините, я здесь получила все, что возможно, и лучше уже не будет.

Губы врача тронула холодная улыбка.

– Когнитивно-поведенческая терапия – отличная штука, – продолжила Робин. – Я избавилась от тревожности и постараюсь держаться на достигнутом уровне…

С глубоким вздохом она принялась изучать докторские туфли с ремешком, какие подошли бы школьнице, а потом заставила себя посмотреть врачу в глаза.

– …но нынешний этап никакого эффекта не дает.

Последовала еще одна пауза. Робин притерпелась к лечению после пяти сеансов. В обычной беседе это сочли бы невежливостью, а то и скрытой агрессией: умолкать и просто разглядывать собеседника, дожидаясь, чтобы он первым нарушил молчание, но во время сеансов психодинамической терапии такое поведение, как она узнала, было в порядке вещей.

Робин могла бы воспользоваться полученным от участкового врача направлением в бесплатный стационар, но туда была огромная очередь, а потому она, с неохотного согласия Мэтью, решила прибегнуть к услугам платной медицины. Мэтью, как она понимала, с трудом удержался, чтобы не предложить ей альтернативный – идеальный – вариант: просто уволиться с работы, где она получила посттравматическое стрессовое расстройство, зарабатывая при этом сущие гроши, несообразные с таким риском.

– Видите ли, – Робин излагала заранее подготовленный текст, – меня всю жизнь окружают люди, которые, по их убеждению, лучше знают, как я должна поступать…

– Как же, как же, – перебила доктор таким тоном, который за стенами клиники Робин сочла бы высокомерным, – мы с вами обсуждали…

– …и…

По натуре Робин была доброжелательной и бесконфликтной. Но в конце-то концов, психотерапевты, работавшие с

ней в этой неуютной каморке, где только и было что хлорофитум в унылом зеленом горшке да большая пачка бумажных носовых платков на низком дощатом столике, требовали от нее голой правды.

– …и, если честно, вы от них ничем не отличаетесь.

Очередная пауза.

– Что ж, – с коротким смешком заговорила психотерапевт, – моя задача – научить вас делать собственные выводы относительно…

– Не спорю, но вы меня постоянно… к ним *подталкиваете*, – сказала Робин. – Это агрессивный метод. Вы оспариваете каждое мое слово.

Робин закрыла глаза; на нее волной накатила усталость. Все мышцы до сих пор болели. Перед обращением в этот стационар она целую неделю собирала корпусную мебель, перетаскивала коробки с книгами, развешивала картины.

– Я выпишусь из вашей клиники, – Робин открыла глаза, – совершенно измочаленная. Приду домой – и ровно то же самое буду получать от мужа: мрачные затяжные паузы и споры по каждому ничтожному поводу. Затем я позвоню маме – с тем же результатом. Единственный, кто не требует, чтобы я разобралась в себе, – это…

Робин осеклась, но закончила:

– …это мой напарник по работе.

– Мистер Страйк, – сладко пропела врач-психотерапевт.

Яблоком раздора стал у них отказ Робин обсуждать свое

отношение к Страйку: она лишь подтвердила, что он не осознает, как глубоко повлияло на нее дело Шеклуэллского Потрошителя. Но личные отношения, твердо заявила она, никак не связаны с ее нынешним состоянием. С тех пор психотерапевт на каждом сеансе донимала ее тем же вопросом, но Робин не поддавалась.

– Да, – бросила Робин. – Он самый.

– По вашему собственному признанию, вы не посвящали его в масштабы своей тревожности.

– Итак, – Робин проигнорировала последнюю реплику, – я сегодня пришла с единственной целью: сказать, что больше здесь не останусь. Как я уже говорила, курс когнитивно-поведенческой терапии оказался полезным, и я не стану отказываться от упражнений.

Вроде бы психотерапевт рассердилась, что Робин даже не собирается отсиживать положенное время, но пациентка заранее оплатила сеанс и теперь вольна идти на все четыре стороны: врачу свободный часок в середине рабочего дня еще никогда не мешал. А Робин сочла, что имеет право не торопиться домой, а купить себе рожок мороженого «Корнетто» и с наслаждением умять его на уличной жаре по дороге к новому жилищу.

Ловя, как мотылька, миг радости, чтобы не упорхнул, Робин свернула в какой-то тихий переулок, заставила себя сосредоточиться и принялась изучать незнакомый квартал. Хорошо все-таки, что прежняя квартира в Ист-Илинге оста-

лась в прошлом, а вместе с ней и многие тягостные воспоминания. На суде вскрылось, что Шеклуэллский Потрошитель выслеживал Робин гораздо дольше, чем ей думалось. Полицейские даже сказали, что, по их сведениям, он ошивался еще на Гастингс-роуд, прячась среди припаркованных машин в считаных ярдах от ее подъезда.

Как ни стремилась она уехать из того района, они с Мэтью только через одиннадцать месяцев нашли подходящий вариант. Главным препятствием было то, что в вопросе недвижимости Мэтью, который продвинулся по службе и получил наследство от матери, непременно хотел «подняться на ступеньку выше». Отец и мать Робин обещали финансовую помощь, чтобы их дочь смогла оторваться от жутких ассоциаций, связанных со старой квартирой, но цены на жилье в Лондоне просто зашкаливали. Мэтью трижды нацеливался на квартиры, которые по зрелом размышлении оказывались им не по карману. Трижды у них срывалось приобретение жилья, которое, как с ходу определяла Робин, стоило на многие тысячи дороже того, чем они располагали.

– Какая нелепость! – возмущался Мэтью. – Эта квартира не стоит таких денег!

– Эта квартира стоит ровно столько, сколько за нее дадут, – возражала Робин, досадуя, что финансист не понимает законов рынка.

Сама она готова была убраться куда угодно, хоть в однокомнатную живопырку, чтобы только отделаться от призра-

ка убийцы, который преследовал ее даже во сне.

Перед возвращением на главную улицу ее внимание привлек арочный проем в кирпичной стене, обрамленный каменными столбами с удивительными навершиями, – ей такие никогда не встречались. На резных каменных костях покоились два гигантских, щербатых от времени каменных черепа, а сквозь арку виднелась высокая, квадратная в разрезе башня. Эти навершия, сказала себе Робин, разглядывая вблизи пустые черные глазницы, смотрелись бы уместнее над фасадом какого-нибудь пиратского логова из фильма в жанре фэнтези. В арку вписывалась церковь с замшелыми надгробными плитами в кольце пышно цветущего, но безлюдного розария. Обходя вокруг церкви Святого Николая, представлявшей собой необычный симбиоз старинного краснокирпичного колледжа и грубой каменной звонницы, Робин доела мороженое. Потом она присела на деревянную скамью, неприятно горячую от палящего солнца, размяла ноющую спину, подышала восхитительным ароматом теплых роз – и неожиданно перенеслась почти на год назад, в йоркширский четырехзвездочный отель, где декоративный букет кроваво-красных роз стал свидетелем последствий ее ухода из зала во время танца жениха и невесты.

Мэтью со своим отцом и тетушкой Сью, родители Робин и ее брат Стивен – все столпились под дверью люкса для новобрачных, куда сбежала Робин от гнева Мэтью. Когда она хотела снять подвенечное платье, в номер гуськом ввалились

они все, пожелав разобраться в происходящем.

Начался форменный галдеж. Стивен раскричался на Мэтью, первым сообразив, какая это низость – стирать чужие входящие звонки. Джеффри в пьяном угаре стал требовать, чтобы ему объяснили, по какому праву Страйк остался на банкет, если он даже не подтвердил своего присутствия. Мэтью орал всем остальным, чтобы не вмешивались и выметались, а тетя Сью без конца повторяла: «Слыханное ли дело, чтобы невеста прервала свой первый танец! Слыханное ли дело, чтобы невеста прервала свой первый танец!»

Потом даже до Линды дошло, в чем провинился Мэтью, и она тоже принялась его отчитывать. Джеффри грудью бросился на защиту сына и стал требовать, чтобы ему объяснили, по какому праву Линда толкает свою дочь на прежнюю работу, где начальник не сумел защитить ее от ножа преступника. Тут подоспел и пьяный в стельку Мартин, который ни с того ни с сего дал Мэтью в морду, а Робин, у которой весь день маковой росинки во рту не было, заперлась в ванной комнате, сотрясаясь от неудержимой рвоты.

Минут через пять ей пришлось впустить Мэтью, потому как у него был разбит нос, и там, в ванной, отгородившись от скандаливших в спальне родственников и прижимая к носу ком туалетной бумаги, Мэтью пригласил ее слетать на Мальдивы: нет-нет, не в свадебное путешествие, о котором теперь не могло быть и речи, а просто для того, чтобы спокойно обсудить все вопросы наедине, «подальше, – он махнул рукой

в ту сторону, откуда неслись вопли, – от *этого*».

– Сейчас еще не расшевелилась пресса, – обвинительным тоном добавил он. – Тебя будут осаждать в связи с делом Потрошителя.

Он сверкал ледяным взглядом над окровавленным бумажным комом, бесился, что невеста опозорила его в танцевальном зале, и готов был убить Мартина, распустившего руки. В его приглашении на Мальдивы не было никакой романтики. Он лишь планировал встречу на высшем уровне, готовил спокойное обсуждение. Если по зрелом размышлении они решат, что их брак был ошибкой, то через две недели, вернувшись домой, можно будет сделать совместное заявление и разойтись в разные стороны.

И в этот миг отчаявшаяся Робин, мучась от пульсирующей раны, переживая чувства, всколыхнувшиеся у нее в объятиях Страйка, понимая, что журналисты, вероятно, уже напали на ее след, увидела в Мэтью если не союзника, то по крайней мере организатора побега. Возможность прямо сейчас прыгнуть в самолет, чтобы улететь от подстерегающей в Йоркшире лавины любопытства, сплетен, злости, треволнений и непрошеных советов, оказалась невероятно притягательной.

Стало быть, они сбежали, но во время перелета почти не разговаривали. Какие мысли роились в голове у Мэтью на протяжении тех долгих часов, Робин не хотела знать.

Знала она только одно: все ее мысли были о Страйке.

Вновь и вновь, глядя на плывущие за иллюминатором облака, она вспоминала то краткое объятие на лестнице.

«Уж не влюбилась ли я?» – раз за разом пытала она себя, но так и не пришла к однозначному ответу.

Ее терзания длились не один день, но она не могла поведать Мэтью о своем внутреннем разладе, когда они во время прогулок по белым пляжам обсуждали накопившиеся разногласия и претензии. Мэтью спал на диване в гостиной, а Робин – наверху, на двуспальной кровати под антимоскитной сеткой. Иногда между ними вспыхивали споры, нагнетались обиды, зависали яростные паузы. Мэтью не выпускал из поля зрения мобильник Робин: хотел знать, где он лежит, то и дело проверял, и она знала, что он ищет сообщения или звонки от ее начальника.

Но хуже всего было то, что ни звонков, ни сообщений не поступало. Очевидно, Страйк не хотел никаких контактов. Робин постоянно возвращалась мыслями к тому случаю на лестнице, как собачонка – к облюбованному столбу, но, судя по всему, для нее то происшествие значило куда больше, чем для Страйка.

Из вечера в вечер она бродила по пляжу, слушая глубокое дыхание моря. Под защитной лангеткой потело раненое предплечье. Мобильный она с собой не брала, чтобы Мэтью не допытывался, где она находится и не названивает ли ей тайно от него Страйк.

Но на седьмой день, когда Мэтью оставался на вилле, она

решила позвонить Страйку сама. Почти безотчетно Робин продумала план. В пляжном баре был стационарный телефон, а номер офиса она знала наизусть. Все ее звонки автоматически перенаправлялись Страйку. Она еще не решила, как начнет разговор, но была уверена, что Страйк, услышав ее голос, обнаружит свои истинные чувства. Когда в далеком Лондоне задребезжал телефон, у Робин пересохло в горле.

На другом конце сняли трубку, но несколько секунд молчали. До Робин донеслось какое-то шевеление, потом хохоток – и наконец ей ответили:

– Алло? С вами говорит Корми-Шторми…

Сквозь громкий, пронзительный женский смех Робин услышала где-то на заднем плане голос Страйка: полунасмешливый, полудосадливый и определенно пьяный:

– Дай сюда! Кому сказано, дай…

Робин бросила трубку на рычаг. По ее лицу и груди струился пот, она сгорала от стыда, унижения и собственной глупости. Он был с другой женщиной. Хохоток, вне сомнения, прозвучал интимно. Незнакомка, схватившая мобильный, назвала Страйка (до чего же тошнотворно) «Корми».

Если Страйк когда-нибудь спросит про сброшенный вызов, ни под каким видом нельзя признаваться, что это была она, решила Робин. Надо стиснуть зубы и солгать, притвориться, что она вообще ни сном ни духом…

Женский голос в телефонной трубке подействовал на нее как звонкая пощечина. Если Страйк так быстро утешился

неизвестно с кем – Робин готова была поклясться жизнью, что эта бабенка либо только что переспала со Страйком, либо как раз готовилась этим заняться, – значит он, оставшись в Лондоне, явно не терзался по поводу своих истинных чувств к Робин Эллакотт.

От морской соли на губах ей захотелось пить: она плелась сквозь темноту, оставляя глубокую борозду на белом песке, а у ее ног разбивались набегающие волны. Не может ли быть такого, спросила себя Робин, когда выплакалась, что она путает благодарность и дружбу с чем-то более глубинным? Что она приняла любовь к расследованиям за любовь к человеку, взявшему ее на следственную работу? Конечно, она восхищалась Страйком и успела к нему привязаться. Их многое связывало, а потому Робин хотелось постоянно быть рядом с ним, но разве это любовь?

В благоуханной ночи, звенящей от москитов, Робин шла вперед, придерживая израненную руку, и под шорох набегающих волн размышляла, что за свои без малого двадцать восемь лет не приобрела почти никакого опыта отношений с мужчинами. Кого она знала, кроме Мэтью, который для нее оставался единственным сексуальным партнером, единственным прибежищем за долгие десять лет? Потеряй она голову от Страйка (Робин использовала именно такое старомодное выражение из материнского лексикона), это было бы не чем иным, как естественным следствием той ограниченности, которую давно преодолели все ее сверстницы, разве

не так? Столько лет хранившая верность Мэтью, она должна была бы в какой-то миг оглядеться вокруг и вспомнить, что существует другая жизнь, другой выбор. Почему же она так поздно заметила, что Мэтью – не единственный мужчина в мире? Страйк, уговаривала она себя, выделялся только тем, что с ним она проводила больше времени, чем с кем бы то ни было другим, а потому именно на него проецировались ее удивление, ее любопытство, ее недовольство мужем.

Переубедив, как она внушала себе на восьмой вечер этого путешествия, ту часть своей натуры, которая тянулась к Страйку, Робин приняла трудное решение. Она вознамерилась улететь домой раньше срока и объявить родным о расставании с Мэтью. Но прежде нужно было заверить Мэтью, что их расставание не связано ни с какими третьими лицами – просто она после серьезных и мучительных раздумий пришла к выводу, что они не подходят друг другу, а потому брак их бесперспективен.

Она до сих пор не могла забыть то ощущение паники, смешанной со страхом, какое испытала, распахнув дверь их пляжного домика и собравшись с духом для решающего объяснения, которого так и не случилось. Мэтью, сгорбившись, сидел на диване и при виде Робин пробормотал:

– Мам?

Его лицо, руки, ноги блестели от пота. Бросившись к нему, Робин заметила у него на внутренней стороне левой руки жуткий, темный рисунок вен, как будто в них закачали

чернила.

– Мэтт?

При звуках ее голоса он осознал, что принял ее за свою покойную мать.

– Мне… что-то нехорошо, Роб.

Она метнулась к телефону, позвонила ночному портье и вызвала врача. Когда Мэтью уже стал впадать в забытье, приехала бригада скорой помощи. На тыльной стороне ладони у него обнаружилась царапина. Предварительный диагноз гласил: флегмона. По встревоженным лицам врача и медсестры Робин поняла, что это серьезно. В темных углах гостиной Мэтью мерещились движущиеся фигуры, какие-то несуществующие люди.

– Кто это? – спрашивал он у Робин. – Кто там ходит?

– Там никто не ходит, Мэтт.

Она держала его за руку, пока врач с медсестрой обсуждали возможность госпитализации.

– Не бросай меня, Роб.

– Я тебя не брошу.

Она имела в виду, что сейчас никуда не уедет, но вовсе не обещала остаться с ним навек, однако у Мэтью потекли слезы.

– Ох, слава богу. Я думал, ты… Я люблю тебя, Роб. Знаю, я поступил гнусно, но я тебя люблю.

Врач дал Мэтью таблетку антибиотика и пошел звонить по телефону. Мэтью, как неразумное дитя, жался к Робин и

благодарил. Время от времени у него опять начинались галлюцинации, ему мерещились движущиеся тени, а пару раз вновь привиделась покойная мать. Одна в бархатной тьме тропической ночи, Робин слушала, как в оконное стекло бьются летучие насекомые, а сама то успокаивала, то удерживала человека, которого полюбила в семнадцать лет.

Диагноз «флегмона» не подтвердился. Через сутки на морскую инфекцию начали действовать антибиотики. Оправившись от внезапной тяжелой болезни, Мэтью, такой слабый и беззащитный, каким она его никогда не видела, постоянно следил глазами за Робин – боялся, как бы она не взяла назад свое обещание.

– Это ведь невозможно перечеркнуть, правда? – хрипло вопрошал он, лежа в кровати, как велел ему врач. – Все эти годы?

Робин не перебивала, когда он заговаривал о добрых временах, о совместно прожитых временах, но каждый раз вспоминала хихикавшую девицу, которая называла Страйка «Корми». Она воображала, как по приезде домой будет ходатайствовать об аннулировании брака, поскольку таинство не было консумировано. И вспоминала, в какую сумму обошелся ее родителям ненавистный для нее день свадьбы.

Над кладбищенскими розами жужжали пчелы, а Робин в тысячный раз задавалась вопросом: где бы она сейчас была, не оцарапай Мэтью руку о коралл. Над большинством сеансов ныне завершенной психотерапии витала потребность

выговориться о тех сомнениях, которые раздирали ее с той самой минуты, когда она решила сохранить брак.

На протяжении следующих месяцев, и особенно когда у них с Мэтью все складывалось довольно гладко, ей казалось, что она правильно сделала, назначив своему замужеству испытательный срок, да только оно и сейчас виделось не иначе как испытательный срок, а от этого бессонными ночами Робин переходила к самобичеванию за малодушие, не позволившее ей вырваться на свободу сразу после выздоровления Мэтью.

Со Страйком она никогда не обсуждала тех событий, не объясняла, почему согласилась до поры до времени поддерживать свой брак на плаву. И уходила от этой темы, наверное, потому, что их отношения, некогда дружеские, стали холодными и неблизкими. Вернувшись из свадебного путешествия, она почувствовала, что Страйк к ней переменился… и что она сама, надо признать, тоже изменилась к нему после того, как в миг отчаяния набрала его номер в мальдивском баре.

– Притерпелась, стало быть? – жестко бросил он, взглянув на ее обручальное кольцо.

Ее уколол его тон, равно как и тот факт, что Страйк ни разу не спросил, почему у нее заплаканные глаза, как складывается ее повседневная жизнь, и даже не намекнул, что помнит тот случай на лестнице.

То ли потому, что Страйк так поставил дело, то ли по чи-

стой случайности, но после истории с Шеклуэллским Потрошителем они не провели вместе ни одного расследования. По примеру старшего делового партнера, Робин спасалась холодным профессионализмом.

Порой у нее возникали опасения, что он больше не ценит ее так, как прежде, поскольку она проявила себя малодушной рабой условностей. Пару месяцев назад у них состоялся неловкий разговор, когда Страйк предложил ей недельный отпуск и спросил, полностью ли она, по своим ощущениям, восстановилась после ножевой атаки. Узрев в этом пренебрежение к ее храбрости, желание отстранить ее от важных расследований, а значит, лишить той части жизни, которая только и приносила ей удовлетворение, Робин заявила, что чувствует себя прекрасно, а сама удвоила следственные усилия.

У нее в сумке завибрировал телефон, поставленный на беззвучный режим. Робин посмотрела, кому она понадобилась, и увидела, что звонит Страйк. Причем он пытался связаться с ней и раньше, но она тогда как раз прощалась с клиникой «Вильерс траст».

– Привет, – сказала она. – Извини, пропустила твой звонок.

– Ничего страшного. Как переезд, нормально?

– Отлично.

– Я просто хотел сообщить, что нанял нового сотрудника. Зовут Сэм Барклай.

– Замечательно. – Робин следила глазами за мухой, дрожавшей на густо-розовой жирной розе. – И откуда он?

– Из армии, – ответил Страйк.

– Тоже служил в военной полиции?

– Ну-у-у… не совсем.

Слушая рассказ про Сэма Барклая, Робин не смогла сдержать усмешки:

– Значит, ты взял на работу наркомана-маляра-штукатура?

– Вейпера, нарко*вейпера*, – поправил ее Страйк, и Робин поняла, что он тоже улыбается. – Сейчас ведет здоровый образ жизни. У него ребенок.

– Что ж, человек, похоже… интересный.

Она выжидала, но Страйк больше ничего не добавил.

– Ну хорошо, до встречи в субботу вечером, – сказала она.

Робин посчитала себя обязанной пригласить Страйка к ним на новоселье. Коль скоро она отправила приглашение Энди Хатчинсу, их самому безотказному и надежному сотруднику, было бы неправильно обойти вниманием Страйка. К ее удивлению, он ответил согласием:

– Ага, до встречи.

– А Лорелея придет? – как бы невзначай спросила Робин.

Страйку, звонившему из центра Лондона, послышались в этом вопросе саркастические нотки: Робин словно вытягивала из него признание, что у его подруги нелепое имя. Раньше он бы припер ее к стенке, спросил, какие у нее проблемы

с именем «Лорелея», не без удовольствия провел бы легкую пикировку, но сейчас предпочел не ступать на опасную территорию.

– Да, конечно. Приглашение ведь на два лица…

– Естественно, – торопливо подтвердила Робин. – Ладно, увидимся.

– Погоди, – сказал Страйк.

Отпустив Денизу, он сидел в конторе один. Временная секретарша вовсе не рвалась уходить раньше времени: она работала на условиях почасовой оплаты и, только когда Страйк пообещал заплатить ей за полный день, принялась собираться, ни на минуту не закрывая рта.

– Сегодня после обеда у нас тут был странный эпизод, – начал Страйк.

С напряженным вниманием, не перебивая, Робин выслушала историю в лицах о непродолжительном визите Билли. К концу она и думать забыла о холодности Страйка. В самом деле, он общался с ней в точности как год назад.

– С головой совсем не дружит, – говорил Страйк, уставившись в чистое небо за окном. – Может, даже психопат.

– И тем не менее…

– Это понятно. – Он взял со стола блокнот, из которого Билли вырвал лист с недописанным адресом, и стал рассеянно вертеть его в свободной руке. – Вопрос в другом: он не в себе – *и потому* считает, что видел, как некто задушил ребенка? Или: он не в себе *и при этом* видел, как некто за-

душил ребенка?

Некоторое время оба молчали. Каждый прокручивал в памяти рассказ Билли, зная, что другой занят тем же. Это краткое совместное размышление было прервано внезапным появлением кокер-спаниеля, который незаметно для Робин подкрался из розовых кустов и без предупреждения ткнулся холодным носом в ее голое колено. Она вскрикнула.

– Что там?

– Да ничего… тут собака.

– А ты где?

– На кладбище.

– То есть? По какому поводу?

– Просто исследую местность. Ладно, пойду я, – сказала Робин, поднимаясь со скамьи. – Дома еще не вся мебель собрана.

– Ну давай, – сказал Страйк, возвращаясь к своей обычной скупой манере разговора. – До субботы.

– Простите великодушно, – обратился к Робин, убиравшей в сумочку телефон, престарелый хозяин кокер-спаниеля. – Вы боитесь собак?

– Нисколько, – улыбнулась Робин, поглаживая кокера по мягкой золотистой шерсти. – Он застал меня врасплох, вот и все.

Она пошла назад мимо гигантских черепов в сторону своего нового дома. Все ее мысли занимал Билли, которого Страйк описал настолько убедительно, что у Робин сложи-

лось впечатление, будто она и сама повстречала его вживую.

Пребывая в глубокой задумчивости, она впервые за эту неделю забыла посмотреть вверх, когда поравнялась с пабом «Белый лебедь». На углу здания, высоко от земли красовался резной лебедь, который всякий раз напоминал Робин о дне ее свадьбы, не задавшемся с самого начала.

4

Но что же вы думаете предпринять в городе?
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

В шести с половиной милях от нее Страйк положил мобильник на письменный стол и закурил. Внимание Робин к рассказанной им истории грело душу, особенно после той головомойки, которую он получил из-за бегства Билли. Двое полицейских, прибывших через полчаса по вызову Денизы, с нескрываемым азартом ухватились за возможность прижать к ногтю знаменитого Корморана Страйка и долго распекали его за то, что он не сумел заполучить ни полное имя, ни адрес предполагаемого психа – Билли.

Косые лучи предзакатного солнца падали на блокнот, высвечивая еле заметные вмятины. Страйк загасил сигарету в пепельнице, некогда украденной из бара в Германии, и, взяв блокнот со стола, принялся наклонять его под разными углами, чтобы разобрать буквы уничтоженной записи, а потом протянул руку за карандашом и легонько заштриховал страницу. Из неряшливых прописных букв сложилось: «Шарлемонт-роуд». Название этой улицы было написано с более сильным нажимом, чем номер дома и квартиры. Рядом проступило нечто похожее либо на пятерку, либо на неоконченную восьмерку, но величина пробела наводила на мысль

о еще одной цифре – ну или о букве.

Неистребимая тяга Страйка доходить до сути загадочных событий причиняла массу неудобств и ему самому, и окружающим. Забыв о голоде и усталости, а также об отсутствии временной секретарши, отпущенной им раньше времени, он вырвал из блокнота листок, на котором по отпечатку сумел прочесть название улицы, и вышел в приемную, чтобы заново включить компьютер.

В Соединенном Королевстве нашлось несколько улиц с названием «Шарлемонт-роуд», но, резонно усомнившись, что у Билли водятся средства для дальних поездок, Страйк выбрал улицу в Ист-Хэме. В открытом доступе среди обитателей этой улицы значились два Уильяма, но обоим было за шестьдесят. Вспомнив, что Билли опасался, как бы сыщик не сунулся «к Джимми домой», Страйк пробил «Джимми», затем «Джеймса» – и увидел: «Джеймс Фаррадей, 49 лет».

Под вмятинами каракулей он черкнул адрес Фаррадея, хотя и без особой уверенности, что отыскал нужного человека. Во-первых, адрес не содержал ни пятерок, ни восьмерок, а во-вторых, крайняя неопрятность Билли наводила на мысль, что приютивший его человек не озабочен вопросами личной гигиены. Между тем Фаррадей проживал с женой и, насколько можно было судить, двумя дочерьми.

Страйк выключил компьютер, но, все так же рассеянно глядя на погасший экран, прокручивал в голове рассказ Билли. Сыщику не давала покоя одна деталь: розовое одеяль-

це. Уж очень это была специфическая и прозаичная подробность, малохарактерная для психотических фантазий.

Вспомнив, что завтра ему рано вставать – не упускать же выгодный заказ, – Страйк заставил себя подняться со стула. Но перед уходом положил в бумажник листок из блокнота, на котором сохранились вмятины от каракулей Билли и добавился адрес Фаррадея.

Лондон, ставший недавно эпицентром торжеств в честь «бриллиантового юбилея» королевы, готовился принимать Олимпийские игры. Повсюду красовались изображения государственного флага и логотип «Лондон-2012»: на транспарантах и вывесках, на элементах праздничного убранства, на зонтах и сувенирах; едва ли не в каждой витрине громоздились товары с олимпийской символикой. По мнению Страйка, логотип смахивал на осколки флуоресцентного стекла, кое-как собранные воедино; сходное отторжение вызывали у него и официальные талисманы Олимпиады, похожие, с его точки зрения, на пару вырванных циклопических зубов. В столице витал дух волнения и нервозности, рожденный, несомненно, извечной британской фобией национального позора. У всех на устах был дефицит билетов на олимпийские турниры, неудачники сетовали на организацию лотереи, призванную дать всем равные и справедливые шансы увидеть олимпийские соревнования вживую.

Вот и Страйк охотно сходил бы на бокс, но остался ни с

чем и только посмеялся, когда бывший одноклассник Ник предложил ему свой билет на соревнования по конному спорту, раздобытый его женой Илсой, не верившей своему счастью.

Не затронутый олимпийской лихорадкой, Страйк должен был провести пятницу на Харли-стрит, чтобы понаблюдать за неким светилом пластической хирургии. Внушительные викторианские фасады, не потревоженные ни аляповатыми логотипами, ни флагами, смотрели на мир с обычной невозмутимостью.

Надев по такому случаю свой выходной итальянский костюм, Страйк занял позицию через дорогу от нужного ему дома и делал вид, что разговаривает по мобильному, а сам не спускал глаз с парадной двери дорогого врачебного кабинета, принадлежавшего двум партнерам, один из которых и был его клиентом.

«Врач-Ловкач», как окрестил Страйк объект слежки, не спешил оправдывать это прозвище. Как видно, остерегался партнера, который недавно поймал его на двух неучтенных операциях по увеличению груди. Заподозрив худшее, старший партнер обратился за помощью к Страйку.

– Его оправдания не выдерживали никакой критики, – говорил седовласый хирург, с виду невозмутимый, но терзаемый дурными предчувствиями. – Ведь он всегда был и остается… мм… большим охотником до женского пола. Перед тем как предъявить ему претензии, я решил ознакомиться с

его интернет-историей и нашел сайт, где молодые женщины обсуждают льготы на косметологические улучшения в обмен на откровенные фотосессии. Боюсь, что… Точно не знаю, но… не могу исключать, что он договаривается с этими женщинами о каком-то ином вознаграждении, кроме денежного… Двух самых молодых он просил позвонить по неизвестному мне номеру телефона, из чего нетрудно сделать вывод, что им предлагались бесплатные операции «на эксклюзивных условиях».

До сих пор Страйку не удавалось поймать Ловкача с поличным: тот общался с женщинами исключительно в приемные часы. По понедельникам и пятницам исправно приезжал к себе в кабинет на Харли-стрит, а в середине недели оперировал в частной клинике. Свое рабочее место покидал только для того, чтобы где-нибудь поблизости купить шоколада, до которого, как видно, он тоже был большим охотником. Сразу после работы садился в «бентли» и ехал домой, на Джеррардз-Кросс, к жене и детям, а Страйк незаметно следовал за ним на стареньком синем «БМВ».

Сегодня оба доктора были приглашены вместе с женами на банкет Королевской коллегии хирургов, а потому Страйк оставил «БМВ» в дорогущем арендованном гараже. Время тянулось медленно и скучно, Страйк думал главным образом о том, чтобы через регулярные промежутки разгружать протезированную ногу, прислоняясь к ограждениям, парковочным автоматам и входным дверям. К приемной Ловкача

тянулась нескончаемая цепочка клиенток: они нажимали на кнопку звонка и входили одна за другой. Все, как на подбор, элегантные и холеные. Около семнадцати часов у Страйка в кармане завибрировал мобильный – пришло сообщение от клиента: «Можете быть свободны, мы вместе едем в „Дорчестер“».

Но Страйк упрямо топтался на месте; минут через пятнадцать партнеры действительно вышли из здания вместе: рослый, седой клиент Страйка и лощеный, смуглый, франтоватый брюнет Ловкач – как всегда, в костюме-тройке. Они сели в такси, а Страйк, проводив их взглядом, зевнул, потянулся и решил идти домой, но по дороге купить чего-нибудь съестного.

Почти невольно достав из кармана бумажник, он вытащил мятый листок, на котором у себя в офисе сумел разобрать название улицы, где жил Билли.

Весь день у него в подкорке сидела мысль о том, что было бы неплохо, коль скоро Врач-Ловкач пораньше уйдет с работы, наведаться на Шарлемонт-роуд и попробовать разыскать там Билли, но теперь Страйка сморила усталость, да к тому же беспокоила разболевшаяся нога. Лорелея знала, что у него выдался свободный вечер, и ждала звонка. Вообще-то, завтра вечером они собирались в гости, а если сегодня поехать к ней, то завтра, после новоселья, от нее уж точно будет не отделаться. Но Страйк никогда не проводил у Лорелеи две ночи подряд, даже если ничто этому не мешало. Он

старался ограничивать посягательства на свое время.

Будто надеясь, что его сможет разубедить погода, он поглядел в чистое июньское небо и вздохнул. Стоял идеальный, ясный вечер, а в агентстве накопилось столько дел, что он уже не понимал, когда сможет вырваться хоть на пару часов. Если уж ехать на Шарлемонт-роуд, то непременно сегодня.

5

Твою боязнь народных сходок и того… сброда, который туда тянется, можно еще понять.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Поскольку поездка пришлась на самый час пик, дорога от Харли-стрит до Ист-Хэма заняла больше часа. К тому времени как Страйк нашел Шарлемонт-роуд, у него разболелась культя, а вид длинной жилой улицы заставил пожалеть, что не тот он человек, чтобы отмахнуться от Билли как от заурядного психа.

Стоящие стенка к стенке дома выглядели очень по-разному: некоторые из голого кирпича, другие – покрашенные или оштукатуренные под камень. Из окон свисали британские государственные флаги: дополнительное свидетельство олимпийской горячки или напоминание о королевском юбилее[5]. Маленькие участки перед домами в зависимости от предпочтений владельцев были превращены в крохотные садики или в свалки мусора. Посреди дороги валялся видавший виды матрас – бери не хочу. Первый взгляд на жилище Джеймса Фаррадея не пробудил в Страйке надежд, что он у цели, поскольку дом этот оказался одним из самых ухожен-

[5] В течение всего 2012 г. в государствах Содружества наций отмечался бриллиантовый юбилей правления королевы – 60-летие восшествия на престол Елизаветы II. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

ных на всей улице. Парадный вход обрамляло миниатюрное витражное крылечко, на окнах висели присборенные тюлевые занавески, а латунный почтовый ящик сверкал в лучах солнца. Страйк нажал на пластмассовый дверной звонок.

Ждать пришлось недолго; дверь открыла изможденная женщина, выпустив при этом серебристую кошку, которая, судя по всему, лежала под дверью и ждала любой возможности удрать. Сердитое женское лицо составляло разительный контраст с надписью на фартуке: «Любовь – это…» Из дома тянуло густым духом жареного мяса.

– Здравствуйте, – сказал Страйк, у которого от такого запаха началось слюноотделение. – Не могли бы вы мне помочь? Я ищу Билли.

– У вас неправильный адрес. Никакого Билли здесь нет.

Она стала закрывать дверь.

– Но он говорил, что живет у Джимми, – сказал Страйк в сужающуюся щель.

– И Джимми никакого тут нет.

– Простите, некто по имени Джеймс…

– Он вам не Джимми. Это не тот дом.

Она захлопнула дверь.

Серебристая кошка и Страйк глядели друг на друга (причем животное – надменно), пока, усевшись на коврике, кошка не начала вылизываться и всем своим видом показывать, что Страйк более не занимает ее мыслей.

Вернувшись на тротуар, Страйк закурил и посмотрел сна-

чала в одну, потом в другую сторону. По его прикидке на Шарлемонт-роуд было домов двести. Сколько уйдет времени на то, чтобы постучаться в каждую дверь? Досадный ответ: больше времени, чем у него было в этот вечер, и больше, чем, по всей вероятности, будет в ближайшие дни. Он пошел дальше, расстроенный, с нарастающей болью, заглядывая в окна и рассматривая прохожих, чтобы найти в них сходство с человеком, встреченным накануне. Дважды он спрашивал людей, входящих в дом или выходящих на улицу, не знают ли они «Джимми или Билли», чей адрес он якобы потерял. Оба сказали, что не знают.

Страйк заковылял дальше, пытаясь не хромать.

Наконец он дошел до блоков выкупленных домов, переделанных в двухквартирные. Входные двери жались друг к дружке парами, а участки перед домами были полностью залиты бетоном.

Страйк замедлил шаг. К убогой, облупленной белой двери был прикноплен надорванный лист формата А4. Еле ощутимое, но знакомое покалывание интереса, которое он никогда бы не удостоил звания «предчувствие», толкнуло Страйка к этой бумажке.

На ней от руки было написано:

Собрание в 19:30 переносится из паба в культурный центр «Колодец» на Викеридж-лейн – в конце улицы налево.
Джимми Найт

Пальцем приподняв объявление, Страйк убедился, что номер дома оканчивается на цифру пять, отпустил бумажку и отошел в сторону, чтобы заглянуть в пыльное окно первого этажа.

Для защиты от солнечного света к раме крепилась ветхая простыня, но краешек ее отошел. Высокий рост позволил Страйку заглянуть внутрь и разглядеть часть пустой комнаты: разложенный диван-кровать с заляпанным одеялом, ворох одежды в углу и переносной телевизор, водруженный на картонную коробку. Ковер скрывали многочисленные пивные жестянки и полные до краев пепельницы. Это зрелище вселяло надежду. Вернувшись к облупленной белой двери, Страйк постучал мощным кулаком.

На стук никто не вышел; в доме не ощущалось никакого движения.

Страйк еще раз сверился с запиской на двери, чтобы тут же отправиться по указанному адресу. Свернув налево к Викеридж-лейн, он увидел культурный центр, на котором отчетливо выделялось светящееся плексигласовое название «Колодец».

Прямо у стеклянной двери раздавал листовки седеющий бородач в картузе и линялой футболке с портретом Че Гевары. На приближающегося Страйка он уставился с недоверием. Хотя и без галстука, тот был в итальянском костюме, который создавал впечатление официальности. Когда стало ясно, что Страйк направляется прямиком в культурный центр,

агитатор сделал шаг в сторону, загораживая вход.

– Знаю, что опоздал, – буркнул Страйк, умело изобразив досаду, – но какого черта изменять место сбора в самую последнюю минуту?

Бородач в картузе, похоже, смешался от самоуверенности или габаритов незнакомца, а скорее, от того и от другого вместе, но тем не менее почувствовал, что капитуляция перед костюмчиком будет ниже его достоинства.

– Кого вы представляете?

Страйк успел пробежать глазами крупный заголовок на листовках, прижатых к груди агитатора: «ИНАКОМЫСЛИЕ – НЕПОВИНОВЕНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ», а ниже – необъяснимый подзаголовок: «ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ». Текст сопровождался нехитрым изображением пятерки жирных капиталистов, сигарным дымом выпускающих олимпийские кольца.

– Моего отца, – сказал Страйк. – Он очень переживает, что его участок собираются забетонировать.

– А-а, – сказал бородатый агитатор и сделал шаг в сторону.

Вытащив из его руки листовку, Страйк вошел в здание.

В пределах видимости оказалась только седенькая старушка вест-индского происхождения, которая заглядывала в приоткрытую внутреннюю дверь. Из помещения за дверью доносился одинокий женский голос. Слов было не разобрать, но общий тон предполагал гневную тираду. Спиной чувствуя постороннее присутствие, старушка обернулась. По всей ве-

роятности, явившийся в костюме Страйк произвел на нее должное впечатление, не то что на бородача-агитатора.

– Вы из Олимпийского движения? – прошептала она.

– Нет, – сказал Страйк. – Просто заинтересовался.

Она открыла дверь пошире, чтобы пропустить его в зал.

На пластмассовых стульях сидело человек сорок. Страйк занял ближайшее свободное место и просканировал затылки сидящих перед ним слушателей, пытаясь обнаружить длинные, спутанные лохмы Билли.

Впереди был установлен стол президиума. Сейчас перед ним шагала туда-сюда молодая женщина, обращаясь к присутствующим. Ее волосы были выкрашены в тот же ярко-рыжий оттенок, что и у Коко, – ту Страйк один раз уложил в постель, а потом не знал, как отфутболить. Докладчица высказывалась цепочкой обрывочных фраз, время от времени путаясь в придаточных и забывая косить под кокни.

– …подумать о сквоттерах и художниках, которые все… а их колония ничем себя не запятнала, да, а тут эти приперлись с какими-то бумагами на зажимках и такие: выметайтесь отсюда, а то хуже будет, и это еще цветочки, тут деспотические законы, это же троянский конь… просто какая-то организованная травля.

Половину аудитории составляла молодежь студенческого вида. Среди более солидных слушателей выделялись, на взгляд Страйка, идейные оппозиционеры, как мужчины, так и женщины, некоторые – в футболках с левацкими лозунга-

ми, как у привратника-агитатора. Кое-где виднелись и другие инородные фигуры – как догадался Страйк, рядовые жители этого района, без восторга встретившие вторжение Олимпийских игр в восточную часть Лондона, богемные типы, они же, возможно, сквоттеры, да двое пожилых супругов, которые в данный момент шепотом переговаривались друг с другом и, по мнению Страйка, были всерьез обеспокоены ситуацией вокруг своего участка. Эти двое сидели с видом смиренной кротости, будто прихожане на церковной скамье, – наверное, понимали, что вряд ли смогут уйти незаметно. Весь в пирсинге, покрытый анархистскими татуировками парень с громким чмоканьем ковырялся в зубах.

Позади докладчицы сидели еще трое: женщина постарше и двое мужчин, которые тихо обменивались репликами. Первый, лет шестидесяти, а то и старше – грудь колесом, выпяченный подбородок, – явно закалился в пикетах и успешных сражениях с несговорчивым начальством. Второй, с темными, глубоко посаженными глазами, чем-то побудил Страйка глянуть на листовку, которую он держал в руке, в надежде найти подтверждение внезапным подозрениям.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ ОЛИМПИЙСКОГО РАЗГУЛА (ОТПОР)

15 июня 2012 года
7:30 вечера, паб «Белая лошадь», Ист-Хэм E6 6EJ

Докладчики:

Лилиан Свитинг – «Охрана дикой природы», Восточный Лондон

Уолтер Фретт – «Рабочий союз», активист ОТПОР

Флик Пэрдью – «Движение против бедности», активистка ОТПОР

Джимми Найт Реальная социалистическая партия, организатор ОТПОР

Несмотря на отросшую щетину и в целом неухоженный вид, мужчина с запавшими глазами выглядел куда опрятнее, чем Билли, и определенно подстригался в последние два месяца. На вид ему было лет тридцать пять, и, хотя квадратное лицо и накачанная мускулатура явно отличали его от недавнего посетителя Страйка, темные волосы и бледная кожа выдавали несомненное сходство с тем странным парнем. По одним только этим признакам Страйк мог поспорить на что угодно: Джимми Найт – это и есть старший брат Билли.

Закончив приглушенный разговор с единомышленником из «Рабочего союза», Джимми рассеянно откинулся на спинку стула, сложил на груди массивные руки и прислушивался к докладчице не более, чем вся откровенно непоседливая аудитория.

Теперь Страйк отметил, что и сам оказался под наблюдением у неприметного человека, сидящего на ряд впереди. Когда он перехватил его взгляд, тот быстро переключил внимание на распинающуюся Флик. Отметив для себя аккурат-

ную короткую стрижку этого голубоглазого субъекта, чистые джинсы и гладкую футболку, Страйк подумал, что парень излишне тщательно выбрит, но в полиции Большого Лондона, видимо, сочли, что на сходку такой хилой организации, как ОТПОР, нет смысла посылать лучших сотрудников. Конечно, присутствие полицейского в штатском было вполне предсказуемо. Под колпаком, вероятно, оказывалась любая группировка, планирующая сорвать Олимпиаду или помешать ее проведению.

Неподалеку от полицейского в штатском сидел явно образованный молодой азиат без пиджака. Высокий и худой, он неотрывно смотрел на докладчицу и грыз ногти на левой руке. Поймав на себе взгляд Страйка, он встрепенулся и отдернул от губ уже кровоточащий палец.

– Хорошо, – громко сказал председательствующий; публика, заслышав голос власти, слегка подтянулась. – Большое спасибо, Флик.

Джимми Найт поднялся с места и сдержанно зааплодировал, подавая пример аудитории. Флик обошла стол президиума и села на свободный стул между двумя мужчинами.

В своих сильно потертых джинсах и мятой футболке Джимми Найт напомнил Страйку тех, в ком его покойная мать видела потенциальных «возлюбленных». С такими наколками и мускулистыми руками он мог бы сойти за басгитариста какой-нибудь грайм-группы или за сексапильного роуди. Страйк заметил, как напрягся затылок невзрачного

голубоглазого копа. Тот дожидался выступления Джимми.

– Всем добрый вечер и большое спасибо, что пришли.

Его харизма, как первый такт песни-хита, заполонила все помещение. По этим начальным словам Страйк его раскусил: в армии такой был бы либо примером для всех, либо отвязной скотиной. Говорил Джимми без акцента, как, впрочем, и Флик; Страйк различил лишь едва уловимый сельский говорок.

– Итак, олимпийский молох вторгся в черту Восточного Лондона…

Он обвел горящими глазами свою притихшую аудиторию.

– …где сносит дома, сбивает насмерть велосипедистов, раскурочивает землю, которая принадлежит нам. Точнее, принадлежала. От Лилиан вы уже слышали, что делается со средой обитания животных и насекомых. Я же хочу поговорить с этой трибуны о посягательствах на человеческое сообщество. Власти закатывают в бетон нашу общую землю, а зачем? Разве они строят необходимое нам социальное жилье или больницы? Конечно нет! Нет, мы получаем стадионы стоимостью в миллиарды, витрину капиталистической системы, дамы и господа. Нас призывают восхвалять элитарность, тогда как за ограждениями попираются, рушатся и уничтожаются свободы простых людей. Нас побуждают превозносить Олимпиаду – средства массовой информации правого толка заглатывают и отрыгивают все выпуски глянцевой прессы. Идет фетишизация государственного флага,

разжигание в среднем классе исступленного ура-патриотизма! Давайте молиться на наших славных медалистов – сверкающее золото каждому, кто присовокупил к склянке мочи достаточно жирную взятку.

Послышался приглушенный гул одобрения. Несколько человек захлопали.

– Мы должны испытывать трепет по поводу занимающихся спортом школьников, тогда как остальным, то есть всем нам, игровые поля доступны лишь за деньги! Давайте пресмыкаться перед олимпийскими видами спорта! Мы обожествляем выскочек, в которых вкладываются миллионы, потому что те, умея кататься на велосипеде, продают себя в качестве фиговых листков для всех насилующих нашу планету подлецов, которые к тому же уходят от налогов и выстраиваются в очередь, дабы украсить своими именами ограждения, отсекающие трудящихся от их собственной земли!

Аплодисменты, к которым не присоединились ни Страйк, ни пожилая пара рядом с ним, ни азиатского вида молодой человек, относились в равной степени и к словам, и к артистизму оратора. Слегка бандитское, но красивое лицо Джимми горело праведным гневом.

– Видите? – восклицал он, хватая со стоящего за ним стола листок бумаги с коленчатыми цифрами «2012», которые так не нравились Страйку. – Добро пожаловать, друзья мои, на Олимпиаду, предмет вожделения фашиста. Видите ее ло-

готип? Видите? Это же изломанная свастика!

Публика рассмеялась и еще похлопала, заглушая урчание в желудке Страйка. Пока он прикидывал, где поблизости может быть забегаловка с едой навынос и реально ли успеть туда-обратно, седая старушка, которую он встретил при входе, открыла и подперла дверь в холл. Как видно, ОТПОР уже злоупотреблял чужим гостеприимством.

Однако Джимми не умолкал.

– Это так называемое прославление олимпийского духа, честной игры и любительского спорта возводит в норму репрессии и авторитаризм! Проснитесь: Лондон милитаризуют! Британское государство, которое веками отрабатывало тактику колониализма и вторжения, ухватилось за Олимпийские игры как за удобный повод, чтобы развернуть полицию, армию, вертолеты и оружие против рядовых граждан! Тысяча дополнительных систем охранного видеонаблюдения, наспех принятые дополнительные законы – вы думаете, их уберут, когда этот карнавал капитализма переберется в другое место? Присоединяйтесь к нам! – прокричал Джимми, хотя сотрудница культурного центра нервно, но целеустремленно пробиралась вдоль стены к передней части зала. – ОТПОР – это часть широкого всемирного движения за справедливость, которое на репрессии отвечает сопротивлением. У нас общее дело с левыми движениями, борющимися с угнетением по всей столице! Мы выступим с законными акциями и воспользуемся всеми еще разрешенными нам инстру-

ментами перед лицом стремительной оккупации города!

Кое-кто опять зааплодировал, хотя сидящая рядом со Страйком пожилая пара совсем приуныла.

– Ладно, ладно, знаю, – сказал Джимми сотруднице культурного центра, которая к этому времени дошла до стола президиума и робко жестикулировала. – Нас выгоняют, – обратился Джимми к толпе, ухмыляясь и покачивая головой. – Конечно выгоняют. Естественно.

Несколько человек зашикали на старушку.

– Кто хочет еще послушать, – сказал Джимми, – переходим в паб на этой же улице. Адрес указан в ваших листовках.

Большая часть собравшихся зааплодировала. Полицейский в штатском поднялся с места. Пожилая пара торопливо пробиралась к выходу.

6

Говорят, что я угнетаю молодежь.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Загремели стулья, ремни сумок перекидывались через плечо. Присутствующие стали направляться к дверям в конце зала, но некоторые уходили с неохотой. Страйк сделал несколько шагов в сторону Джимми, надеясь с ним переговорить, но его опередил молодой азиат, который судорожно, с нервной решимостью рванулся к оратору. Джимми обменялся еще парой слов с мужчиной из «Рабочего союза», а затем приметил направляющегося к нему молодого человека и двинулся ему навстречу, всем своим видом излучая доброжелательность и готовность побеседовать с предполагаемым новобранцем.

Стоило, однако, азиату заговорить, как Джимми помрачнел. Во время их приглушенного разговора в центре быстро пустеющего зала рядом с ними маячила Флик с кучкой молодежи. По-видимому, все они считали физический труд ниже своего достоинства, поскольку предоставили старушке убирать стулья одной.

– Позвольте, – обратился к ней Страйк, забрал у нее три стула и взгромоздил на высокий штабель, стараясь не выдать острую боль в колене.

– Ой, спасибо вам великое, – с одышкой сказала престарелая женщина. – Думаю, не надо нам больше эту компанию… – Она выждала, пропуская Уолтера и остальных, которые даже не подумали ее поблагодарить, а потом с обидой продолжила: –…сюда пускать. Я ведь не знала, что у них на уме. А тут эта листовка с призывом ко всяким беспорядкам и неизвестно что еще…

– Вы же не против Олимпиады? – осведомился Страйк, водружая очередной стул поверх прочих.

– Моя внучка в секции бега занимается, – сказала она. – Нам и билеты на стадион выделили. Она ждет не дождется.

Джимми все еще разговаривал с азиатом. Как видно, у них возник небольшой спор. Джимми напрягся и забегал глазами по залу: либо надеялся смыться, либо проверял, нет ли кого постороннего в пределах слышимости. Зал почти опустел. Оба собеседника тоже направились к выходу. Страйк навострил уши, но приспешники Джимми стуком шагов заглушили все, кроме пары обрывочных фраз.

– …уже не один год, так ведь, приятель? – злобствовал Джимми. – Да делай ты, мать твою, что хочешь, ты же сам вызвался…

Дальше Страйк не разобрал. Он помог старушке составить последние стулья и, когда она выключала свет, спросил дорогу в паб «Белая лошадь».

Минут через пять, забыв о своей недавней решимости перейти на здоровую пищу, Страйк купил в киоске пакет чип-

сов и двинулся по Уайт-Хорс-роуд в поисках паба, повторяющего название улицы: «Белая лошадь».

Хрустя чипсами, он обдумывал, как будет лучше начать разговор с Джимми Найтом. Реакция пожилого приверженца Че Гевары показала, что человек, одетый в костюм, вряд ли вызовет доверие участников антикапиталистической сходки. Джимми – с виду опытный крайне левый активист – был, вероятно, готов к тому, что в накаленной атмосфере перед открытием Игр власти заинтересуются его планами. И в самом деле: неприметный голубоглазый человек, сунув руки в карманы, следовал сейчас за Джимми. Перво-наперво Страйку требовалось убедить Джимми, что в задачу следствия не входит разоблачение деятельности ОТПОРа.

Паб «Белая лошадь» занимал безобразное здание из сборных конструкций, стоящее на оживленном перекрестке фасадом к большому парку, откуда вечным укором смотрел военный мемориал с аккуратно сложенными у пьедестала венками из маков. Питейное заведение на потрескавшейся асфальтированной площадке с пучками сорняков и кучами окурков окружала бетонная стена.

Пьющие посетители слонялись у входа в паб и курили. Страйк заметил Джимми и Флик: примкнув к небольшой группе, те стояли перед витриной, украшенной огромным флагом футбольного клуба «Вест-Хэм юнайтед». Высокий молодой азиат как сквозь землю провалился, зато неподалеку от этой группы в одиночку крутился полисмен в штат-

ском.

Страйк вошел в паб с намерением взять пинту пива. Убранство паба составляли в основном флаги с крестом святого Георгия и кое-какая атрибутика клуба «Вест-Хэм». Купив пинту пива «Джон Смит», Страйк вернулся в парадный дворик, закурил новую сигарету и приблизился к обступившей Джимми компании. Но стоило ему подобраться вплотную к Флик, как эти люди поняли, что крупный незнакомец в костюме чего-то от них хочет. Все разговоры прекратились, на лицах промелькнуло подозрение.

– Привет, – сказал Страйк, – меня зовут Корморан Страйк. Я мог бы перекинуться парой слов с Джимми? Это касается Билли.

– Билли? – резко вскинулся Джимми. – А что такое?

– Вчера он у меня был. Я частный детек…

– Его Чизл подослал! – выдохнула Флик, с испугом оборачиваясь к Джимми.

– Разберемся! – отрезал тот.

Вся компания глазела на них со смесью любопытства и враждебности; Джимми жестом отозвал Страйка в сторону. Как ни странно, Флик увязалась за ними. Стриженные под «ежик» парни в майках с символикой команды «Вест-Хэм юнайтед» приветственно кивали активисту, когда тот проходил мимо. Возле двух белых столбиков с навершиями в виде конских голов Джимми остановился, удостоверился, что никто не подслушивает, и обратился к Страйку:

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Корморан, Корморан Страйк. Билли – твой брат?

– Да. Младший, – ответил Джимми. – Значит, он к вам приходил?

– Угу. Вчера во второй половине дня.

– Вы – частный?..

– …детектив. Точно.

Страйк заметил, как в глазах Флик промелькнуло первое узнавание. У нее было пухлое бледное лицо, которое могло бы показаться наивным, если бы не вульгарная подводка глаз и нечесаные томатно-красные волосы. Она вновь резко повернулась к Джимми:

– Джимми, о нем…

– Шеклуэллский Потрошитель? – вспомнил Джимми, пристально глядя на Страйка поверх зажигалки и закуривая следующую сигарету. – Лула Лэндри?

– Да, это мои расследования, – подтвердил Страйк.

Краем глаза детектив заметил, что Флик окинула взглядом его фигуру до коленей и ниже. Губы ее скривились в презрительной усмешке.

– К вам приходил Билли? – повторил Джимми. – Зачем?

– По его словам, он видел, как душили ребенка, – ответил Страйк.

Джимми раздраженно выпустил дым.

– Ну-ну. Он же с головой не дружит. Шизоидное аффективное расстройство.

– Мне сразу показалось, что он нездоров, – согласился Страйк.

– И это все, что он заявил? Что видел, как душили ребенка?

– Я считаю, этого достаточно, чтобы начать расследование, – сказал Страйк.

Губы Джимми скривились в мрачной ухмылке.

– Неужели вы купились на его россказни?

– Нет, – честно признался Страйк, – но, мне думается, в таком состоянии лучше не бродить по улицам. Ему нужна помощь.

– Я лично не заметил, чтобы его состояние отличалось от обычного, а ты что скажешь? – Джимми обратился к Флик, не слишком убедительно изображая равнодушие.

– И я не заметила, – бросила она, поворачиваясь с едва скрытой враждебностью, чтобы обратиться к Страйку. – Вообще состояние у него неустойчивое – то лучше, то хуже. А чтобы приступов не было, лекарства надо принимать.

В стороне от их сподвижников она заговорила куда более гладко. Страйк отметил, что девица намалевала стрелки, даже не потрудившись ополоснуть лицо, чтобы удалить засохший сгусток слизи в уголке одного глаза. Хотя сам он провел большую часть детства в нищете, пренебрежение аккуратностью вызывало у него неприязнь, за исключением тех случаев, когда человек настолько сломлен или болен, что чистота отходит на второй план.

– В армии служили, да? – спросила Флик, но Джимми заговорил поверх ее головы:

– Как Билли узнал, где вас найти?

– Посмотрел в справочнике? – предположил Страйк. – Я ведь не в пещере живу.

– Билли не умеет пользоваться справочниками.

– Однако же благополучно нашел мой офис.

– Никакого задушенного ребенка не было и нет, – резко сказал Джимми. – У Билли тараканы в голове. Во время обострений несет черт-те что. Вы заметили, какой у него тик?

Джимми с беспощадной точностью воспроизвел неконтролируемое, судорожное движение руки от носа к груди. Флик захохотала.

– Да, заметил, – без улыбки сказал Страйк. – Значит, вы не знаете, где он?

– В последний раз виделись вчера утром. На кой он вам сдался?

– Как я уже говорил, мне показалось, он не в том состоянии, чтобы разгуливать в одиночку.

– Как вы заботитесь об интересах общества! – сказал Джимми. – Богатый и знаменитый детектив печется о нашем Билле.

Страйк промолчал.

– У вас ведь за плечами армия? – не унималась Флик. – Воевали?

– Да, – ответил Страйк, глядя на нее сверху вниз. – Это имеет отношение к делу?

– Что, спросить нельзя? – Она слегка раскраснелась от праведного гнева. – Вас же не всегда настолько заботили людские страдания, правда?

Страйк, знакомый с людьми ее взглядов, ничего не ответил. Скажи он ей, что завербовался в армию, дабы закалывать штыком детишек, она бы, скорее всего, поверила.

Джимми, которого, судя по всему, мало интересовало мнение Флик о военных, сказал:

– С Билли ничего не случится. Он время от времени сваливается на нас как снег на голову, а потом уходит. Это в его духе.

– Где он ночует, если не у тебя?

– У дружков, – пожал плечами Джимми. – По именам не знаю. – А затем, противореча себе: – К вечеру я ему позвоню – убедиться, что с ним ничего не случилось.

– Ладно, – сказал Страйк, допивая свою пинту и передавая пустой стакан покрытому татуировками уборщику, который собирал грязную посуду.

Страйк в последний раз затянулся сигаретой, бросил окурок на потрескавшийся бетон – в ту сторону, где оставалась компания, растер его своей протезированной ногой, а затем вынул бумажник.

– Сделай одолжение, – он достал и передал Джимми свою визитку, – позвони, когда объявится Билли, договорились?

Хочу убедиться, что он жив-здоров.

Флик иронически хмыкнула, а Джимми, казалось, растерялся от неожиданности.

– Да, хорошо, договорились.

– Вы не подскажете, на каком автобусе быстрее всего доехать до Денмарк-стрит? – спросил их Страйк.

Он даже помыслить не мог о следующем пешем походе до метро. Автобусы проезжали мимо паба с завидной частотой. Джимми, который, видимо, хорошо знал этот район, направил Страйка к нужной остановке.

– Благодарю. – Возвращая бумажник в карман пиджака, Страйк добавил как бы между делом: – Билли упомянул, что ты, Джимми, тоже стоял рядом, когда душили ребенка.

Флик выдала себя, дернув головой в сторону Джимми. Тот был подготовлен лучше. У него раздулись ноздри, но во всем остальном он старательно изображал спокойствие.

– Да, он нарисовал в своей придурочной башке целую сцену, – сказал Джимми. – Иногда ему мерещится, что наша мать-покойница тоже стояла рядом. Скоро и папу римского туда приплетет.

– Грустно, – сказал Страйк. – Надеюсь, вы сможете его найти.

На прощание он поднял руку и ушел, а они остались стоять во дворике. Голодный, несмотря на съеденные чипсы, Страйк кое-как доковылял до автобусной остановки, превозмогая сильную пульсирующую боль в культе.

Автобуса пришлось ждать пятнадцать минут. Двое подвыпивших парней через несколько мест впереди от Страйка завели нескончаемый нудный спор о достоинствах нового приобретения клуба «Вест-Хэм» – Юсси Яаскеляйнена, чье имя и фамилию, правда, ни один так и не сумел выговорить целиком. Страйк невидящим взглядом смотрел в замызганное окно, нога болела, отчаянно хотелось лечь, но расслабиться он не мог.

Хотя признаваться в этом было досадно, поездка на Шарлемонт-роуд ни на йоту не развеяла его сомнений по поводу рассказа Билли. А воспоминание о внезапном испуганном взгляде Флик в сторону Джимми и особенно о вырвавшемся у нее «Его Чизл подослал!» занозой бередило душевный покой сыщика.

7

Вы думаете остаться тут? То есть совсем, хочу я сказать.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

На выходных Робин предпочла бы отдохнуть от переезда, распаковки вещей и расстановки мебели, но Мэтью не терпелось устроить новоселье, на которое он пригласил массу народу с работы. Его тщеславию льстила яркая, романтическая история улицы, где в ту далекую пору, когда Дептфорд был центром судостроения, селились исключительно корабельные мастера и капитаны дальнего плаванья. Хотя для Мэтью здешний почтовый индекс был еще не самым желанным в Лондоне, но небольшая вымощенная булыжником улочка со множеством элегантных старинных домов знаменовала, как он и хотел, шаг наверх, даже притом что в этот аккуратный кирпичный куб с подъемными окнами и фигурками ангелов над входом они вселились только на правах съемщиков.

Мэтью был против возврата к аренде жилья, но Робин настояла, сказав, что не выдержит еще год на Гастингс-роуд, а все их попытки приобрести жилье – сейчас непомерно дорогое – в собственность ни к чему не привели. Материнского наследства и нового оклада Мэтью еле-еле хватило на аренду этого симпатичного домика с гостиной внизу и тремя комнатами наверху, зато сумма, вырученная за продажу кварти-

ры на Гастингс-роуд, осталась в банке нетронутой.

Домовладелец – издатель, уезжавший в Нью-Йорк для работы в головном офисе, – был в восторге от новых жильцов. Этот гей сорока с небольшим лет восхищался правильными чертами Мэтью и в знак особого расположения сам вручил ему ключи в день переезда.

– Полностью разделяю мнение Джейн Остен насчет идеального съемщика, – говорил он Мэтью, стоя на булыжной мостовой. – «Женат. Бездетен. Чего же лучше?»[6] А чтобы дом содержался в порядке, нужна хозяйка. Или вы орудуете пылесосом сообща?

– Конечно, – заулыбался Мэтью.

Робин, которая, обойдя мужчин сзади, втаскивала через порог коробку с цветочными горшками, едва удержалась, чтобы не съязвить.

С недавних пор она подозревала, что Мэтью стремится создать у друзей и знакомых впечатление, будто он вовсе не съемщик, а владелец этого дома. Замечая за Мэтью неприглядные или неоднозначные поступки и делишки, Робин мысленного выговаривала себе за растущую мнительность и корила себя за дурные мысли о муже. Именно в таком приливе самобичевания она и согласилась на вечеринку, закупила спиртное и пластиковые стаканы, наготовила закусок и оборудовала кухню к приходу гостей. Мэтью переставил мебель по своему вкусу и несколько вечеров кряду состав-

[6] Цитата из романа Джейн Остен «Доводы рассудка». Перев. Е. Суриц.

лял музыкальное меню, которое сейчас на полной громкости проверял по своему айподу на док-станции. Робин бежала наверх переодеваться под оглушительные первые аккорды песни «Cutt Off»[7] группы *Kasabian*.

С утра Робин накрутила волосы на поролоновые бигуди, решив сделать прическу, как в день венчания. Поскольку гости могли нагрянуть с минуты на минуту, она снимала бигуди одной рукой, а другой открывала шкаф. У нее было приготовлено новое платье, облегающее, серое, но она побоялась, что такой цвет будет ее бледнить. Поколебавшись, она достала изумрудно-зеленое платье от Роберто Кавалли, в котором никогда еще не появлялась на людях. Это был самый дорогой – и самый красивый – предмет ее гардероба, «прощальный» подарок от Страйка, оставшийся с той поры, когда она пришла на место временной секретарши, а затем помогла задержать первого убийцу в истории агентства. При виде подарка, который она в волнении сразу же показала жениху, Мэтью сделал такое лицо, что Робин и думать забыла про эту обновку.

Сейчас, когда она приложила к себе это платье, мысли ее почему-то обратились к девушке Страйка, Лорелее. Та всегда одевалась в яркие цвета драгоценных камней и обожала стиль пин-ап сороковых годов. Рослая, примерно как Робин, брюнетка с блестящими волосами, она делала стрижку, закрывающую один глаз, на манер Вероники Лейк. Робин зна-

[7] *Букв.*: «Прекрати» *(англ.)*.

ла, что Лорелее тридцать три года и что она совладелица магазина винтажной одежды и сценического костюма на Чок-Фарм-роуд. Эти сведения когда-то обронил Страйк, а Робин проверила их онлайн, взяв на заметку название улицы. Шикарный магазин оказался вполне преуспевающим.

– Без четверти, – бросил Мэтью, заскочив в спальню и на ходу стягивая футболку. – Я по-быстрому в душ.

Он заметил, что Робин прикладывает к себе зеленое платье.

– Я думал, ты наденешь серое.

Они встретились взглядами в зеркале. Загорелый, красивый, с обнаженной грудью, Мэтью был идеально сложен, и его отражение полностью совпадало с реальной внешностью.

– По-моему, серое меня бледнит, – пролепетала Робин.

– Я предпочитаю серое, – сказал Мэтью. – Мне нравится твоя бледность.

Робин заставила себя улыбнуться.

– Хорошо, – сказала она. – Пусть будет серое.

Переодевшись, Робин расправила локоны, чтобы сделать их мягче, надела серебристые босоножки и поспешила вниз. Едва она ступила в холл, как в дверь позвонили.

Спроси ее, кто придет первым, она бы выпалила: Сара Шедлок и Том Тэрви, которые недавно обручились. В этом была вся Сара: ей вечно не терпелось застать Робин врасплох, чтобы получить возможность выведать все раньше всех и занять удобный наблюдательный пункт. И верно: ко-

гда Робин открыла дверь, там стояла Сара в жутком розовом балахоне и с охапкой цветов, а сзади – ее жених с вином и пивом.

– Ах, Робин, дом *великолепный*, – запела Сара, не успев переступить порог.

Она рассеянно обняла Робин, не сводя глаз с лестницы: к ним спускался Мэтью, на ходу застегивая рубашку.

– Класс! Это тебе.

Необъятный букет восточных лилий перекочевал к Робин.

– Спасибо, – сказала она. – Пойду поставлю в воду.

У них не было достаточно большой вазы, но Робин решительно не могла просто оставить подаренные цветы в раковине. Ей слышно было, как Сара хохочет в кухне, заглушая даже *Coldplay* и Рианну, исполнявших «Princess of China»[8]. Робин достала из шкафа ведерко, стала наполнять его из-под крана и, естественно, забрызгалась.

Она не забыла, что уже просила Мэтью не приглашать Сару перекусить вместе в обеденный перерыв. А узнав, что Мэтью в возрасте уже за двадцать крутил с Сарой роман, стала настаивать на полном разрыве этого знакомства. Однако Том помог Мэтью получить продвижение по службе, а Сара в последнее время носила на пальце крупный бриллиант-солитер, и Мэтью, наверное, не видел ничего предосудительного в общении с будущими супругами Тэрви.

Робин слышала, как они втроем топают наверху. Мэтью

[8] «Принцесса Китая» *(англ.)*.

проводил экскурсию по комнатам. Робин вытащила ведерко с лилиями из раковины и затолкала в угол кухонной столешницы, рядом с чайником, спрашивая себя, не слишком ли гадко подозревать, что Сара принесла букет с умыслом – чтобы хоть ненадолго отделаться от хозяйки дома. В разговорах с Мэтью Сара вечно переходила на игривый тон, который усвоила еще в студенческие годы.

Налив себе вина, Робин вышла из кухни в тот момент, когда Мэтью вел Тома и Сару в гостиную.

– …а лорд Нельсон и леди Гамильтон жили, как считается, в доме номер девятнадцать, но улица в ту пору называлась Юнион-стрит. – Он разливался соловьем. – Так, кто хочет выпить? Прошу на кухню, там все готово.

– Шикарно, Робин, – сказала Сара. – Такой дом – большая редкость. Вам, с моей точки зрения, просто повезло.

– Мы ведь его только снимаем, – пояснила Робин.

– Правда? – насторожилась Сара, и Робин поняла, что та делает выводы не о состоянии рынка недвижимости, а об их с Мэтью браке.

– Замечательные серьги, – сказала Робин, чтобы только сменить тему.

– Миленькие, правда? – подхватила Сара, отбрасывая назад волосы, чтобы продемонстрировать серьги во всей красе. – Подарок от Тома на день рождения.

Опять раздался звонок. Робин пошла открывать, надеясь, что пришел кто-то из тех немногих, кого пригласила она.

Увидеть сейчас на пороге Страйка она, конечно, не надеялась. Он непременно опоздает, как бывало в половине таких случаев.

– О, слава богу, – выдохнула Робин при виде Ванессы и сама удивилась испытанному облегчению.

Ванесса Эквензи служила в полиции – высокая чернокожая женщина с миндалевидными глазами, модельной внешностью и завидным самообладанием. На новоселье Ванесса пришла одна. Ее бойфренд, судмедэксперт Скотленд-Ярда, в тот вечер оказался занят. Робин была разочарована: ей давно хотелось с ним познакомиться.

– Ты как, в порядке? – вручая ей бутылку красного вина, спросила Ванесса.

На ней было платье густо-лилового цвета на тонких бретельках. Робин в который раз пожалела, что не рискнула надеть свое изумрудно-зеленое.

– Да, все прекрасно, – ответила Робин. – Пойдем во дворик. Там можно курить.

Она провела Ванессу через гостиную, мимо Сары и Мэтью, которые теперь не стесняясь подшучивали над лысеющим Томом.

Стена, выходившая на задний двор, была увита плющом. В терракотовых вазонах зеленели аккуратно подстриженные кусты. Робин, сама не курящая, заранее расставила тут и там складные стулья и пепельницы, а также множество чайных свечей. Мэтью раздраженно поинтересовался, с какой стати

она так печется о курильщиках. Робин прекрасно понимала, к чему он клонит, но не стала себя выдавать.

– Мне казалось, Джемайма курит, – не моргнув глазом пояснила она.

Джемайма была начальницей Мэтью.

– А-а, – замялся тот, сбитый с толку. – Да. Но только в неформальной обстановке.

– Ну, хотелось бы верить, что у нас неформальная обстановка, Мэтт, – добродушно заметила Робин.

Она захватила стакан для Ванессы, вернулась в гостиную и увидела, что ее подруга, заметно оживившись, обратила свои красивые глаза к Саре Шедлок, которая при активном содействии Мэтью все еще подтрунивала над облысением Тома.

– Она, точно? – спросила Ванесса.

– Она, – подтвердила Робин.

Эта моральная поддержка дорогого стоила. Они были знакомы давно, однако сдружились примерно полгода назад, и только тогда Робин доверила Ванессе историю своих отношений с Мэтью. До этого они, отправляясь в кино или недорогие рестораны, делились мнениями только о следственной работе, о политике и одежде. Ни с одной другой знакомой Робин не чувствовала себя так легко и свободно, как с Ванессой. Мэтью был с ней в компании два раза и сказал, что находит ее холодной, но так и не смог объяснить почему.

У нее сменилась целая плеяда бойфрендов; была и одна

помолвка, но Ванесса не простила жениху измены. Иногда Робин задумывалась, не считает ли Ванесса ее, вышедшую замуж за своего первого парня, до смешного инфантильной.

Очень скоро в гостиную нагрянуло еще с десяток гостей – это были коллеги Мэтью с своими женами и девушками; они, совершенно очевидно, для начала разогрелись в баре. Робин понаблюдала, как их приветствует Мэтью и громко объясняет, где стоит спиртное. У него прорезался хвастливый тон, который ей доводилось слышать на корпоративах. От этого тона ее трясло.

Вечеринка быстро стала многолюдной. Робин знакомила присутствующих, показывала, где какие бутылки, выставляла новые стаканчики и передавала над головами тарелки с закусками, так как в кухне уже было не протолкнуться. Только после прихода Энди Хатчинса с женой она почувствовала, что может на какое-то время расслабиться и пообщаться со своими друзьями.

– А для вас, – говорила она Энди и Луизе, провожая их во дворик, – я приготовила отдельное блюдо. Знакомьтесь, кстати: это Ванесса. Она служит в Центральном полицейском управлении. Ванесса, это Энди и Луиза. Побудь тут, Энди. Я сейчас принесу. Закуска – без капли молочных продуктов.

На кухне стоял Том и загораживал собой холодильник.

– Извини, Том, я должна…

Он заморгал, потом отодвинулся в сторону. Уже пьян, по-

думала Робин, а еще только девять вечера. До ее слуха доносился гогот Сары.

– Давай помогу. – Том придержал дверцу, грозившую захлопнуться.

Робин склонилась к нижней полке, чтобы достать приготовленную безлактозную еду, не подвергавшуюся тепловой обработке.

– Боже, у тебя обалденная задница, Робин.

Она выпрямилась, но промолчала. За пьяной усмешкой Тома сквозила тоска, подобная ледяному ветру. Мэтью упоминал, что Том страшно комплексует из-за лысины и даже подумывает о пересадке волос.

– Красивая рубашка, – сказала Робин.

– Что? Эта? Нравится? Она купила. У Мэтью есть точно такая, верно?

– Хм, не уверена, – ответила Робин.

– Не уверена, – с отрывистым, гаденьким смешком передразнил он. – Где твои глаза? Дома не зевай, Роб.

На миг сочувствие Робин смешалось со злостью; потом же, решив, что с пьяным спорить бесполезно, она просто вышла из кухни с закуской для Энди.

Гости расступились, давая ей пройти, и она сразу заметила Страйка. Он стоял спиной к ней и разговаривал с Энди. Рядом, в алом шелковом платье, красовалась Лорелея с каскадом темных волос, как в рекламе дорогого шампуня. Каким-то образом за время краткого отсутствия Робин к этой

группе примкнула и Сара. При виде Робин у Ванессы дрогнул уголок рта.

– Привет, – сказала Робин, опуская тарелку на чугунный столик рядом с Энди.

– Робин, привет! – сказала Лорелея. – Такая дивная улица!

– Да, приятная, верно? – ответила Робин, пока Лорелея чмокала воздух у нее за ухом.

Страйк тоже наклонился к хозяйке дома. Его щетина кольнула щеку Робин, но губы даже не прикоснулись к ее коже. Он уже открывал банку пива «Дум-бар» из принесенной сцепки.

Робин мысленно отрепетировала, что скажет Страйку на своем новоселье: спокойные, дежурные фразы, которые покажут, что сожалений у нее нет, что якобы существуют некие противовесы, хотя и недоступные его пониманию, склонившие чашу весов в пользу Мэтью. Она хотела также расспросить его подробнее о странном поведении Билли и о задушенном ребенке. Однако Сара в это время распространялась на тему известного аукционного дома «Кристис», где она работала, и вся компания внимала ей одной.

– Да, у нас третьего числа будет торговаться «Шлюз», – вещала Сара. – Констебль, – великодушно добавила она для дилетантов. – Мы ожидаем получить больше двадцати.

– Тысяч? – изумился Энди.

– Миллионов, – фыркнула в ответ Сара с покровитель-

ственным смешком.

За спиной у Робин хохотнул Мэтью, и она машинально посторонилась, чтобы впустить его в круг. Поскольку речь зашла о крупных суммах, его лицо просияло от восторга. Не исключено, подумала Робин, что именно об этом беседуют Сара и Мэтью во время совместных обедов: о деньгах.

– В прошлом году «Джимкрэк» ушел за двадцать два с лишним. Стаббс[9]. Третье место среди самых дорогих картин старых мастеров.

Пальцы Лорелеи с красными ногтями скользнули, как заметила краем глаза Робин, в ладонь Страйка, исполосованную тем же ножом, который навсегда оставил шрам и на ее предплечье.

– Скучно, скучно, скучно! – театрально воскликнула Сара. – Хватит о работе! Кто-нибудь раздобыл билеты на Олимпиаду? Том – мой жених – в ярости! Нам достались только на *пинг-понг*! – Сара скривилась. – А у вас у всех какие успехи?

Робин увидела, как Страйк и Лорелея обменялись быстрыми взглядами, и поняла, что они призывают друг друга смириться с набившей оскомину темой. На миг пожалев, что эти двое здесь, Робин отошла.

Прошло около часа; Лорелея танцевала в гостиной, пока

[9] «Жеребец Джимкрэк с конюхом, тренером и жокеем на Ньюмаркетской пустоши» (1765) – картина знаменитого английского художника-анималиста Джорджа Стаббса (1724–1806), проданная за указанную сумму на аукционе «Кристис» в 2011 г.

Страйк обсуждал с кем-то из друзей Мэтью шансы сборной Англии на чемпионате Европы по футболу. Робин, с которой он не обменялся ни словом после встречи во дворике, вошла с тарелкой в руке, остановилась поболтать с рыжеволосой женщиной, а потом стала предлагать угощения. Прическа Робин напомнила Страйку день ее венчания.

Его неотступно будоражили подозрения насчет той незнакомой клиники; он мысленно рисовал себе фигуру под облегающим серым платьем. Ни намека на беременность, да к тому же Робин пила спиртное, но есть вероятность, что они с мужем только начали подготовку к ЭКО.

Прямо напротив Страйка за танцующими возвышалась инспектор-следователь Ванесса Эквензи, чье присутствие в этой компании его удивило. Подпирая стену, она беседовала с рослым блондином, который, судя по его преувеличенным знакам внимания, на время забыл о своем обручальном кольце. Ванесса перехватила взгляд Страйка и кислой миной дала ему понять, что просит нарушить их тет-а-тет.

Разговор о футболе был не настолько увлекательным, чтобы продолжать его бесконечно, так что во время следующей удобной паузы Страйк обошел танцующих и заговорил с Ванессой.

– Вечер добрый!

– Приветик! – сказала она, принимая со своей неизменной элегантностью его тычок носом в щеку. – Корморан, это Оуэн – извините, не расслышала фамилию?

Оуэн вскоре понял, что ему не светит ни приятный флирт, ни телефончик симпатичной женщины.

– Не думал, что вы с Робин настолько дружны, – сказал Страйк, когда Оуэн отошел.

– Да, мы частенько проводим время вместе, – ответила Ванесса. – Я написала ей записку, после того как ты ее уволил.

– Угу, – сказал Страйк, делая глоток «Дум-бара». – Так, значит.

– Она позвонила сказать спасибо, и в результате мы отправились в бар.

Робин никогда об этом не заговаривала, но Страйк отчетливо сознавал, что после ее возвращения из медового месяца сам целенаправленно обходил все темы, кроме рабочих.

– Хороший у них дом, – сказал он, стараясь даже мысленно не сравнивать элегантно обставленную комнату со своим чуланом в мансарде над офисом.

Мэтью, должно быть, зашибает огромные деньги, подумал Страйк. Прибавка к зарплате Робин вряд ли сыграла ощутимую роль в этом приобретении.

– Хороший, – кивнула Ванесса, – только съемный.

Страйк некоторое время обдумывал эту интересную подробность, а сам наблюдал, как танцует Лорелея. Некоторая уклончивость Ванессы подсказывала, что выбор молодой четы был продиктован не только конъюнктурой рынка недвижимости.

– Виновата морская инфекция, – сказала Ванесса.

– Что-что? – переспросил он, совершенно сбитый с толку.

Она внимательно посмотрела на Страйка и, смеясь, покачала головой:

– Ничего. Забудьте.

– Да, нам более или менее повезло. Раздобыли билеты на бокс, – услышал Страйк слова Мэтью, сказанные рыжеволосой женщине во время музыкальной паузы.

«Уж не ты ли раздобыл?» – с неприязнью подумал Страйк, в очередной раз нащупывая в кармане сигареты.

– Ну как тебе тусовка? – спросила Лорелея в такси; был уже час ночи.

– Так себе, – ответил Страйк, глядя на огни встречных машин.

У него создалось впечатление, что Робин его избегает. После относительно теплого разговора в четверг он ожидал – чего? Общения, смеха? Ему интересно было узнать, как складывается брак молодой пары, но узнал он сущие крохи. Робин и Мэтью держались друг с другом вполне дружелюбно, однако тот факт, что жилье у них съемное, наводил на размышления. О чем он свидетельствовал, пусть даже неявно: о нежелании вкладываться в совместное будущее? О запутанных отношениях, которые не хочется осложнять еще больше? А дружбу с Ванессой Эквензи Страйк вообще расценил как новую грань той жизни, которую Робин вела неза-

висимо от Мэтью.

Виновата морская инфекция.

Как, черт побери, это понимать? Связано ли это с той загадочной клиникой? Робин перенесла какую-то болезнь? После нескольких минут молчания Страйк решил задать Лорелее встречный вопрос насчет вечеринки.

– Бывало и получше, – вздохнула Лорелея. – Жаль, что у Робин друзья такие скучные.

– Да уж, – сказал Страйк и не без удовольствия добавил: – Видимо, это из-за мужа. Он у нее бухгалтер. Мудила тот еще.

Такси мчало их дальше в ночь, а у Страйка перед глазами стояла фигура Робин в сером платье.

– Что, прости? – встрепенулся он: ему вдруг померещилось, что Лорелея с ним заговорила.

– Я спросила: о чем задумался?

– Ни о чем, – солгал Страйк и, чтобы не продолжать этот разговор, обнял ее, прижал к себе и поцеловал.

8

А потом он вдруг как-то в гору пошел. Теперь, говорят, многие ходят к нему на поклон.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

В воскресенье вечером Робин, которая перед своим кратким отпуском сдала все дела, прислала Страйку вопрос: с чего ей начинать в понедельник? Лаконичный ответ гласил: «С выхода на работу», и, как повелось вне зависимости от ее отношений со старшим партнером, без четверти девять она уже входила в обшарпанный офис.

Дверь в кабинет Страйка была распахнута. Сам он сидел за столом, слушая кого-то по мобильному. На вытертый ковер медовыми пятнами падал солнечный свет. Приглушенный шум транспорта вскоре совсем вытеснило бормотание старого чайника; не прошло и пяти минут с момента появления Робин, как она уже поставила перед Страйком кружку обжигающего густо-коричневого чая «Тайфу», получив беззвучное «спасибо» и одобрительный жест – поднятые вверх большие пальцы. Она вернулась за свой рабочий стол; на офисном телефоне мигал огонек – сигнал голосового сообщения. Как следовало из информации, которую наговорил холодный женский голос, звонок поступил за десять минут до прихода Робин – вероятно, в это время Страйк либо еще находился у себя в квартире этажом выше, либо не хотел

прерывать текущий разговор.

В ухо Робин заскрежетал надтреснутый шепот:

– Вы уж простите, мистер Страйк, что я от вас сдернул. И прийти больше не получится. Он меня тут запер. Мне не вырваться, он дверь снаружи проволокой примотал…

Конец фразы утонул в рыданиях. Не на шутку встревожившись, Робин попыталась привлечь внимание Страйка, но тот развернулся в кресле к окну и внимательно слушал, все так же прижимая к уху мобильный. Между тем до Робин сквозь жалобные, безысходные всхлипы доносились отдельные слова:

– …не вырваться… никого нету…

– Да, хорошо, – раздался наконец голос Страйка. – Тогда в среду, договорились? Отлично. Хорошего дня.

– …умоляю, помогите, мистер Страйк! – простонал в ухо Робин все тот же голос.

Она включила громкую связь, и все пространство заполнил измученный голос:

– А попытаюсь сбежать – двери взорвутся… Мистер Страйк, умоляю, помогите, умоляю, выручайте, напрасно я к вам пришел, я ему сказал, что знаю про того ребенка, но дело серьезней, намного серьезней, а ведь я ему доверял…

Резко развернувшись в кресле, Страйк встал и широким шагом вышел из кабинета в приемную. Послышался глухой стук, словно на другом конце уронили трубку. Рыдания отдалялись, – видимо, звонивший, совсем отчаявшись, шел

прочь от телефона.

– А ведь это опять он, – сказал Страйк. – Билли. Билли Найт.

Судорожные всхлипывания опять приблизились, и Билли отчаянно зашептал, прижимая, как видно, трубку к губам:

– За дверью кто-то есть. Помогите. Помогите, мистер Страйк.

Разговор прервался.

– Узнай номер, – приказал Страйк.

Робин потянулась к телефону, чтобы набрать 1471, но тут раздался новый звонок. Она схватила трубку, не сводя глаз со Страйка.

– Агентство Корморана Страйка.

– Да-да, доброе утро, – ответил глубокий аристократический голос.

Робин поморщилась и отрицательно покачала головой.

– Черт!.. – прошептал Страйк и пошел к себе в кабинет за чайной кружкой.

– Будьте добры, соедините меня с мистером Страйком.

– К сожалению, он сейчас разговаривает по другой линии, – солгала Робин.

Уже с год в конторе действовало негласное правило: перезванивать клиентам. Это отсекало журналистов и безумцев.

– Я подожду, – жестко сказал звонивший, как видно привыкший к беспрекословному повиновению.

– Боюсь, он освободится не скоро. Оставьте, пожалуйста,

ваш номер – я сразу же попрошу мистера Страйка вам перезвонить.

– Только непременно в ближайшие десять минут – потом я уезжаю на совещание. Передайте, что у меня есть для него поручение.

– К сожалению, не могу гарантировать, что мистер Страйк займется вашим поручением лично. – Это был еще один стандартный прием против газетчиков. – В настоящее время наше агентство перегружено заказами.

Она придвинула к себе ручку и лист бумаги.

– Какое поручение вы…

– Мне нужен только мистер Страйк, и никто другой, – недослушав, твердо заявил звонивший. – Доведите это до его сведения. Моя фамилия Чизл.

– Как пишется? – спросила Робин, чтобы не ошибиться.

– Чи-зу-элл. Джаспер Чизл. Пусть он перезвонит мне по следующему номеру.

Робин записала номер, который продиктовал Чизуэлл, и распрощалась. Страйк уже сидел на обтянутом искусственной кожей диване для посетителей; этот предмет мебели имел свойство издавать неприличные звуки, когда сидящий менял позу.

– Некто Чизл, пишется «Чизуэлл», хочет дать тебе поручение. Говорит, ему нужен только ты, и никто другой. – Робин озадаченно наморщила лоб. – Знакомое имя?

– Еще бы, – отозвался Страйк. – Это же министр культу-

ры[10].

– Господи! – спохватилась Робин. – Ну конечно! Здоровенный такой, со странной шевелюрой!

– Он самый.

На Робин нахлынули смутные воспоминания и ассоциации. Ведь было же какое-то шумное дело, позорная отставка, реабилитация, а сравнительно недавно – очередной скандал, грязные нападки в прессе…

– Не его ли сына посадили за убийство по неосторожности? – припомнила Робин. – Это ведь сын Чизуэлла под наркотиками сел за руль и насмерть сбил молодую мать?

Страйк будто бы издалека вернулся к реальности. У него на лице застыло непонятное выражение.

– Вроде да, – ответил он.

– Какая-то зацепка?

– И не одна. – Страйк провел рукой по щетинистому подбородку. – Во-первых, в пятницу я выследил брата Билли.

– Каким образом?

– Долгая история, – ответил Страйк. – Но Джимми, как оказалось, – активный участник движения противников Олимпиады – ОТПОР, так они себя именуют. Короче, с ним

---

[10] Правительство Великобритании состоит из ряда министерств, называемых «департаментами правительства». За каждое направление деятельности министерства отвечает чиновник в ранге министра. Таким образом, министр культуры и министр спорта (см. ниже) служат в Министерстве культуры, СМИ, спорта и (с 2017 г.) цифровых коммуникаций (*англ.* Department for Digital, Culture, Media & Sport).

была девушка, которая, услышав, что я частный сыщик, выпалила: «Его Чизл подослал».

Допивая идеально заваренный чай, Страйк задумался.

– Но Чизуэллу без надобности внедрять меня в ОТПОР, – продолжал он, размышляя вслух. – Там уже присутствовал полисмен в штатском.

Хотя Робин не терпелось узнать, какие еще зацепки усмотрел Страйк в обращении Чизуэлла, она не перебивала, а сидела молча, давая ему возможность оценить новое развитие событий.

Во время ее отсутствия Страйку сильно не хватало этой деликатности.

– А как тебе понравится вот это, – продолжил он наконец, словно ни на что не отвлекался. – Тот, кого посадили за убийство, – не единственный… то есть был не единственным сыном Чизуэлла. Его старший брат, Фредди, погиб в Ираке. Да-да. Майор Королевского гусарского полка Фредди Чизуэлл. Убит при нападении на колонну бронетехники в Басре. Я, когда служил в ОСР, на месте расследовал его гибель.

– Выходит, ты знаком с самим Чизуэллом?

– Лично – нет. Обычно встреч с родственниками не требуется… Много лет назад я и дочку Чизуэлла знал. Не накоротке, но пару раз пересекались. Она была школьной подругой Шарлотты.

При упоминании Шарлотты у Робин по спине пробежал холодок. Она втайне сгорала от любопытства, когда речь за-

ходила о Шарлотте, которая в течение шестнадцати лет, хотя и с перерывами, была рядом со Страйком и вполне могла стать его женой, если бы в результате какой-то неприглядной истории отношения их не прекратились, и, вероятно, навсегда.

– Жаль, что у нас нет телефона Билли, – сказал Страйк, вновь проводя волосатой ручищей по нижней челюсти.

– Я непременно его раздобуду, если только Билли опять выйдет на связь, – заверила его Робин. – Ты не собираешься перезванивать Чизуэллу? Он сказал, что уезжает на совещание.

– Очень хорошо бы выяснить, что ему понадобилось, но вопрос в том, найдется ли у нас промежуток для еще одного клиента, – сказал Страйк. – Надо подумать.

Он сцепил руки за головой и хмуро уставился в потолок, на котором солнечные лучи высветили паутину мелких трещин. *Да плевать…* Пусть застройщик решает, что с этим делать…

– Я направил Энди и Барклая следить за парнишкой Уэбстером. Барклай, кстати, хорошо справляется. Я получил от него отчет за полных трое суток, с фотографиями и всем прочим. Есть еще Врач-Ловкач. Он пока не совершил ничего сенсационного.

– Очень жаль, – сказала Робин и тут же осеклась. – Нет, я оговорилась. Хотела сказать «очень хорошо». – Она протерла глаза и со вздохом продолжила: – Ох уж эта работа!

Все этические нормы путает. Кто сегодня пасет Ловкача?

– Я собирался поручить это тебе, – сказал Страйк, – но вчера вечером позвонил клиент – видишь ли, забыл предупредить, что Ловкач улетел на симпозиум в Париж.

Не сводя глаз с потолка и в задумчивости морща лоб, Страйк продолжал:

– У нас не охвачена двухдневная конференция по высоким технологиям, которая начинается завтра. Что ты выбираешь: Харли-стрит или Центр конгрессов в Эппинг-Форесте? Если хочешь, можем поменяться. Что для тебя предпочтительнее: завтра походить за Ловкачом или посидеть среди сотен пропотевших айтишников в футболках с супергероями?

– Раз айтишники – значит сразу пропотевшие? – упрекнула его Робин. – От твоего приятеля Болта, например, ничем плохим не пахнет.

– Да он перед приходом к нам в офис дезодорантом обливается с головы до ног! – фыркнул Страйк.

Болт, младший брат Ника, школьного друга Страйка, произвел апгрейд их компьютеров и телефонов, когда бизнес круто пошел в гору. Он благоговел перед Робин, что не укрылось ни от нее, ни от Страйка.

Страйк перечислил и другие рабочие возможности, все так же потирая подбородок.

– Перезвоню-ка я Чизуэллу – хотя бы узнаю, что ему нужно, – решил он наконец. – Как знать: вдруг это нечто более

весомое, чем адвокат со своей гулящей женой. А ведь этот законник у нас следующий на очереди, правда?

– Либо он, либо эта американка, которая замужем за дилером «Феррари». Они на равных.

Страйк вздохнул. Супружеская неверность составляла основную часть их заказов.

– Надеюсь, Чизуэллу жена не наставляет рога. Такие дела уже в зубах навязли – хочется перемен.

Когда Страйк вставал с дивана, ему вслед, как обычно, понеслись звуки газовой атаки. Входя к себе в кабинет, он услышал вопрос Робин:

– А мне, получается, завтра с документацией работать?

– Если ты не против, – ответил Страйк, плотно закрывая за собой дверь.

Робин в приподнятом настроении вернулась за компьютер. На Денмарк-стрит уличный музыкант запел «No Woman, No Cry»[11], и ей показалось, что во время разговора про Билли Найта и Чизуэллов они сделались теми же Страйком и Робин, какими были год назад, до ее увольнения, до венчания с Мэтью.

Между тем Страйк из кабинета позвонил Джасперу Чизуэллу, который снял трубку почти мгновенно.

– Чизл! – рявкнул он.

– Говорит Корморан Страйк, – сказал детектив. – Вы толь-

---

[11] «Нет, женщина, не плачь» *(англ.)* – песня Боба Марли и его группы *The Wailers* с альбома «Natty Dread» (1974).

ко что разговаривали с моим партнером.

– Да-да, – подтвердил министр культуры; судя по всему, он ехал в автомобиле. – У меня есть для вас работа. Но это не телефонный разговор. Сегодня, к сожалению, я занят с утра до вечера, а завтра меня устроит.

«Ob-observing the hypocrites…», – выводил уличный певец. «Наблюдая за ханжеством…»

– Сожалею, но завтра нет никакой возможности. – Страйк наблюдал, как в ярком солнечном свете кружатся пылинки. – До пятницы не будет ни минуты. Вы можете хотя бы в общих чертах обрисовать суть дела, господин министр?

Чизуэлл ответил с напряженностью и гневом:

– Разговор не телефонный. Я приму ваши условия, если вопрос только в этом.

– Это вопрос не денег, а времени. До пятницы я очень плотно занят.

– Ох, я вас умоляю…

Вдруг Чизуэлл отстранил трубку, и до слуха Страйка донеслось злобное шипение, обращенное к кому-то другому:

– Здесь *налево*, болван! *Нале…* чтоб тебе!.. Не трудись, я пешком. Пешком дойду, черт тебя дери, открывай дверь!

На заднем плане Страйк услышал нервный мужской голос:

– Простите, господин министр, но там был знак «въезд запрещен».

– Умолкни! Открывай… дьявольщина… *открывай же*

дверь!

Вздернув брови, Страйк выжидал. Он услышал, как хлопнула дверца автомобиля, как затопали торопливые шаги, а потом Джаспер Чизуэлл вновь заговорил в трубку.

– Дело не терпит отлагательств! – прошипел он.

– Если оно не может потерпеть до пятницы, то вам, к сожалению, остается только обратиться в другое агентство.

«My feet is my only carriage», – выводил певец. «И носят меня лишь ноги».

Помолчав, Чизуэлл в конце концов процедил:

– Мне нужны именно вы. При встрече объясню, но… ладно, в пятницу так в пятницу, если иначе никак. Найдете меня в клубе «Прэттс». Приходите к двенадцати, ланч с меня.

– Хорошо, – согласился Страйк, уже заинтригованный. – До встречи.

Он вышел в приемную, где Робин сортировала почту и вскрывала конверты. Когда Страйк сообщил ей о результатах разговора, она сразу погуглила «Прэттс».

– Я думала, таких заведений больше не существует, – в недоумении произнесла она, бегая взглядом по монитору.

– Каких заведений?

– Это клуб для джентльменов… причем весьма консервативный… Женщины допускаются только в сопровождении членов клуба и только в обеденное время… А кроме того… – Робин стала зачитывать из «Википедии»: – «Во избежание недоразумений весь обслуживающий персонал, ис-

ключительно мужской, откликается на имя Джордж».

– А если наймут женщину?

– Такое однажды произошло – в восьмидесятых, – продолжила Робин с насмешливым неодобрением. – Ее нарекли Джорджиной.

9

И лучше для тебя, чтобы ты не знала. Лучше для нас обоих.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

В половине двенадцатого Страйк, свежевыбритый, в деловом костюме, вышел из станции метро «Грин-парк» и двинулся по Пиккадилли. Двухэтажные автобусы проезжали мимо витрин роскошных магазинов, сбывающих всякую дребедень под шум олимпийской лихорадки: шоколадные медали в золотой фольге, башмаки с британским флагом, старинные спортивные плакаты; тут и там мелькал изломанный логотип, который Джимми Найт сравнил с разбитой свастикой.

Чтобы не опоздать в клуб «Прэттс», Страйк выехал заблаговременно: натертая протезом культя болела уже двое суток. Два дня назад он понадеялся, что во время научно-технической конференции в Эппинг-Форесте, где ему предстояло торчать с утра до вечера, можно будет хоть изредка присесть и разгрузить ногу, однако из этого ничего не вышло. Объектом его был недавно уволенный партнер недавно созданной компании, подозреваемый в попытке продать конкурентам ключевые функции нового приложения. Страйк не один час таскался от стенда к стенду вслед за этим парнем, фиксируя все его передвижения и действия, а сам только и ждал, чтобы тот утомился и присел. Однако начиная с ко-

фейни, где посетители стояли за высокими столами, и заканчивая суши-баром, где все – опять же стоя – брали пальцами суши из пластиковых коробочек, объект провел восемь часов на ногах. Вернувшись накануне с Харли-стрит после многочасового топтания на одном месте, Страйк, понятное дело, вечером чувствовал себя паршиво и еле-еле смог удалить гелевую прокладку между культей и искусственной голенью. Сейчас, проходя мимо элегантной, почти белой аркады отеля «Ритц», он лелеял надежду, что в клубе «Прэттс» найдется хоть одно большое, удобное кресло.

Он повернул направо на Сент-Джеймс-стрит, плавно спускающуюся к Сент-Джеймсскому дворцу постройки шестнадцатого века. В этот лондонский район Страйка заносило лишь по необходимости: у него не было ни средств, ни желания приобретать брендовую одежду или заходить в известные оружейные магазины и винные погреба с многовековой историей. Однако по мере приближения к Парк-Плейс на него нахлынуло воспоминание личного свойства. Лет десять с гаком тому назад его – вместе с Шарлоттой – занесло на эту самую улицу.

Правда, шли они тогда в другую сторону, на первую встречу и обед с ныне покойным отцом Шарлотты. Страйк был отпущен на побывку, и его роман вспыхнул с новой силой, хотя все знакомые считали эту связь непонятной и, бесспорно, обреченной. Ни с той ни с другой стороны не было ни единого человека, который бы их поддерживал. У родных и дру-

зей Страйка Шарлотта вызывала самые разные чувства, от подозрения до ненависти, тогда как ее семья всегда рассматривала Страйка, внебрачного сына пресловутого рок-идола, как очередное проявление склонности Шарлотты к эпатажу и бунтарству. Ее родные ни в грош не ставили армейскую карьеру Страйка – точнее, видели в ней лишь признак его плебейства и непригодности к роли жениха светской красавицы, ибо джентльмены ее круга не идут служить в военную полицию, а поступают в кавалерийский или гвардейский полк.

Шарлотта крепко сжимала его руку, когда они входили в итальянский ресторан, но припомнить его местонахождение Страйк так и не сумел. В памяти всплывало только перекошенное от гнева и неприязни лицо ожидавшего за столом сэра Энтони Кэмпбелла. Еще до того, как прозвучали первые слова, Страйк понял: Шарлотта дома не сказала, что они возобновили отношения и придут вдвоем. Это упущение, очень характерное для Шарлотты, вызвало обычную сцену. Страйк давно понял, что ею движет неуемная жажда конфликта. И редкая, но жгучая правдивость, сменяемая более привычной лживостью: незадолго до их разрыва Шарлотта сама призналась Страйку, что во время стычек по крайней мере ощущает себя живой.

Свернув на Парк-Плейс – вереницу выкрашенных в кремовый цвет таунхаусов, отходящую в сторону от Сент-Джеймс-стрит, – Страйк отметил, что неожиданное и неотвязное воспоминание о Шарлотте больше не ранит ему ду-

шу; при этом у него возникло такое чувство, как у бывшего алкоголика, который впервые за долгое время вдохнул запах пива, но не покрылся испариной и не поддался прежней неодолимой зависимости. «Вроде бы это здесь», – решил Страйк, завидев черную дверь клуба «Прэттс» под литой чугунной балюстрадой. Через два года, после лавины непростительного вранья его любимой и окончательного разрыва их отношений, он, похоже, выздоровел, избавившись от напасти, которую при полном отсутствии суеверий все же приравнивал к Бермудскому треугольнику – зоне повышенной опасности, где мистические чары Шарлотты грозили утянуть его в бездну отчаяния и мук.

Почти торжествуя, он постучал в дверь.

Ему открыла миниатюрная женщина – воплощение домашнего уюта. Ее высокая грудь и оживленный вид напомнили Страйку не то малиновку, не то крапивника. В речи служительницы Страйк уловил юго-западный говор.

– Вы, очевидно, мистер Страйк. Министра еще нет. Входите, пожалуйста.

Он переступил через порог и, последовав за нею, оказался в зале, где стоял огромный бильярдный стол. В отделке интерьера доминировали сочные темно-красные и зеленые тона и мореное дерево. Все та же служительница, которая, естественно, представилась Джорджиной, проводила Страйка вниз по крутой лестнице; он ступал осторожно, крепко держась за перила.

Лестница вела в уютный цокольный этаж. Потолок там нависал так низко, что создавалось впечатление, будто его частично подпирает шкаф с открытыми полками, на которых красовались фарфоровые тарелки и блюда, причем самая верхняя полка была наполовину вмурована в штукатурку.

– У нас не очень большое заведение, – сказала «Джорджина», констатируя очевидное. – В клубе состоят шестьсот человек, но мы одновременно можем обслужить всего четырнадцать. Желаете заказать что-нибудь из напитков, мистер Страйк?

Он отказался, но принял приглашение занять одно из кожаных кресел, сгруппированных вокруг старинной доски для ведения счета при игре в криббидж. Тесное помещение разделялось аркой на гостиную и обеденный зал с маленькими окошками со ставнями. На длинном столе было всего два прибора. Кроме Страйка и Джорджины, в подвале присутствовал только повар в белом халате, работавший в крошечной кухоньке, на расстоянии вытянутой руки от кожаного кресла. Тот поприветствовал Страйка, выдав свой французский акцент, и продолжил нарезать холодный ростбиф.

«Прэттс» был полной противоположностью тем изысканным ресторанам, где Страйк выслеживал неверных жен и мужей: светильники в таких местах подбираются по принципу гармонии со стеклом и гранитом, а на неудобных современных стульях в полумраке восседают, как лощеные гри-

фы, острые на язык ресторанные критики. Клубный ресторан освещался неярко. Стены были усеяны многочисленными бра в латунной оправе; бордовые обои почти полностью скрывались чучелами рыб в стеклянных футлярах, гравюрами с изображением охотничьих сцен и политическими карикатурами. В декорированной бело-синими изразцами нише стояла старинная железная кухонная плита. Фарфоровые тарелки, потертый ковер, стол с привычными, как дома, судками для кетчупа и горчицы – все это создавало непринужденную и уютную атмосферу; можно было подумать, что компания мальчишек из аристократических семей перетащила в этот подвал все свои любимые приметы мира взрослых: настольные игры, спиртное, всякие реликвии, не сомневаясь, что у няни для каждого найдется улыбка, доброе словечко и похвала.

Стрелки часов показывали двенадцать, но Чизуэлл еще не появился. В его отсутствие приветливая Джорджина занимала единственного посетителя рассказом об этом заведении. Сама она жила тут же, при клубе, вместе с мужем-поваром. Страйк невольно подумал, что эта супружеская чета получила в свое распоряжение чуть ли не самое дорогое жилье во всем Лондоне. Содержание этого крошечного клуба, основанного, по словам Джорджины, в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году, обходилось владельцу в кругленькую сумму.

– Владеет им герцог Девонширский, да, – угадав мысли

Страйка, жизнерадостно подтвердила Джорджина. – А вы видели наш журнал ставок?

Страйк полистал тяжелый том в кожаном переплете, некогда служивший для регистрации условий пари. Одна запись, нацарапанная крупными каракулями в семидесятых годах прошлого века, гласила: «Следующее правительство сформирует миссис Тэтчер. Ставка: обеденная порция лобстера, причем лобстер должен превосходить размерами эрегированный мужской член». Страйк хмыкнул, и тут где-то над головой звякнул колокольчик.

– Это министр, – сказала Джорджина и метнулась наверх.

Страйк вернул журнал ставок на полку и сел за стол.

Сверху донеслись тяжелые шаги, а затем тот же раздраженный, нетерпеливый голос, который в понедельник прозвучал в телефонной трубке, рявкнул:

– …нет, Кинвара, не могу! Тебе только что было сказано почему. У меня деловой ланч… нет, тебе нельзя… Значит, в пять часов, да… да… *да!*.. До свидания!

Вниз по лестнице двигалась пара больших ног в черном, а затем в подвале появился и сам Джаспер Чизуэлл, свирепо оглядывающий ресторанный зал. Страйк встал с кресла.

– А, – сказал Чизуэлл, внимательно изучая Страйка из-под тяжелых бровей, – вы уже здесь.

Для своих шестидесяти восьми лет Джаспер Чизуэлл выглядел неплохо. Рослый, широкий в плечах, хотя и сутуловатый, он, как ни странно, сохранил свою шевелюру – есте-

ственно, поседевшую. Эта шевелюра делала его легкой мишенью для карикатуристов, поскольку жесткие, прямые и довольно длинные волосы напоминали парик или, на взгляд недоброжелателей, ершик трубочиста. На мясистом красном лице выделялась оттопыренная нижняя губа, как у младенца-переростка на грани истерики.

– Жена, – объяснил Чизуэлл, не расставаясь с мобильным телефоном, – нагрянула в город без предупреждения. Не в духе. Считает, что я по первому зову должен все бросить.

Чизуэлл протянул для рукопожатия свою большую, потную ладонь, а затем расстегнул пальто, в котором, невзирая на жару, явился в клуб. Страйк заметил булавку на его потрепанном полковом галстуке. Непосвященные могли бы принять ее за изображение лошадки-качалки, но Страйк тут же опознал Белую лошадь Ганновера[12].

– Собственный королевский гусарский полк, – сказал он, кивком указывая на булавку.

– Да-с, – ответил Чизуэлл. – Джорджина, мне того хереса, что вы подавали во время моей встречи с Аластером. А вам? – рявкнул он Страйку.

– Благодарю, ничего, – ответил тот.

Нечистоплотностью Чизуэлл не мог сравниться с Билли Найтом, но тем не менее распространял вокруг себя тяжелый дух.

– Да-с, гусары ее величества. Аден и Сингапур. Счастли-

[12] Историческая эмблема ряда подразделений британской армии.

вые дни.

Однако настоящий момент явно был для него не слишком счастливым. Красноватая кожа при ближайшем рассмотрении напоминала, как ни странно, поверхность металлической пластины. У корней жестких волос гнездились крупные хлопья перхоти, а по голубой сорочке от подмышек расползались пятна пота. Своим видом министр напоминал многих клиентов Страйка – людей, переживших сильное потрясение, и, когда ему подали херес, он залпом проглотил больше половины бокала.

– Перейдем к следующему этапу? – предложил он и, не дожидаясь ответа, рявкнул: – Джорджина, мы будем есть сразу!

Когда они сели за стол, покрытый, как на свадебном банкете Робин, крахмальной белой скатертью, Джорджина принесла им толстые ломти холодного ростбифа и вареный картофель. Здоровая английская еда, простая, без изысков, но от этого она ничуть не проигрывала. Когда они остались вдвоем в полумраке обеденного зала, среди рыб в стеклянных футлярах и старых гравюр, Чизуэлл начал разговор.

– Вы были на сходке Джимми Найта, – сказал он без предисловий. – Вас опознал присутствовавший там полицейский в штатском.

Страйк кивнул. Чизуэлл набил рот отварной картошкой, сердито прожевал и заговорил опять:

– Не знаю, кто платит вам за компромат на Джимми Найта и много ли у вас нарыто, но я в любом случае готов предло-

жить за вашу информацию вдвое больше.

– На Джимми Найта у меня нет ничего, – сказал Страйк. – И за присутствие на той сходке оплата не предусматривалась.

Чизуэлл, судя по всему, опешил.

– Тогда зачем вы туда ходили? – требовательно спросил он. – Не станете же вы утверждать, что намерены протестовать против Олимпийских игр?

При слове «протестовать» взрывной согласный «п» оказался такой силы, что изо рта у Чизуэлла вылетел кусочек картофеля и приземлился на другом краю стола.

– Нет, – сказал Страйк, – я пытался найти человека, который, как мне казалось, мог быть на том собрании.

Чизуэлл атаковал кусок холодного мяса, как личного неприятеля. Некоторое время тишину нарушало только позвякивание ножей и вилок по фарфору. Чизуэлл насадил на вилку, как на пику, последнюю вареную картофелину и целиком положил ее в рот, а потом, с лязгом бросив столовый прибор на тарелку, сказал:

– Еще не зная, что вы следите за Найтом, я уже подумывал нанять детектива.

Страйк промолчал. Чизуэлл оглядел его с подозрением:

– У вас репутация профессионала высшей пробы.

– Спасибо, вы очень любезны.

Чизуэлл в отчаянии сверлил его свирепым взглядом, будто размышляя, не принесет ли ему сыщик очередное разочарование, которых в его жизни и без того было великое мно-

жество.

– Меня шантажируют, мистер Страйк, – внезапно признался он. – Два человека, временно объединившиеся единственно для данной цели, хотя союз их, вероятно, непрочен. Один из них – Джимми Найт.

– Понимаю, – сказал Страйк.

Он тоже сложил нож и вилку вместе. Джорджина, по-видимому, телепатически угадала, что Страйк и Чизуэлл разделались с основным блюдом. Она пришла убрать посуду, а потом появилась вновь – с тортом из черной патоки. Только после того, как она исчезла в кухне, сотрапезники положили себе щедрые куски десерта, и Чизуэлл возобновил свой рассказ.

– Грязные подробности опускаю, – безапелляционно заявил он. – Вам лишь следует знать: я совершил нечто такое, чем не хотел бы делиться с джентльменами четвертого сословия.

Страйк ничего не сказал, но в его сдержанности Чизуэллу, видимо, почудилось некое обвинение, потому что он резко добавил:

– Никакого преступления не было. Кое-кому это может не понравиться, но ничего противозаконного тогда… ладно, это так, к слову. – Он сделал большой глоток воды. – Пару месяцев назад ко мне явился Найт и потребовал сорок тысяч фунтов за молчание. Платить я отказался. Он пригрозил мне разоблачением, но, поскольку у него, похоже, не было

никаких доказательств, я понадеялся, что он не сможет исполнить свою угрозу. В итоге пресса так ничего и не пронюхала, и я заключил, что был прав касательно отсутствия доказательств. Примерно через месяц он вернулся и на этот раз снизил сумму вдвое. Я снова отказался. Вот тогда-то, рассчитывая, как я понимаю, усилить давление, он и обратился к Герайнту Уинну.

– Извините, я не знаю, кто…

– Его жена – Делия Уинн.

– Делия Уинн, министр спорта? – Страйк не поверил своим ушам.

– Ну естественно, Делия-Уинн-министр-спорта, – отрезал Чизуэлл.

Достопочтенная Делия Уинн, валлийка шестидесяти с небольшим лет, была, по сведениям Страйка, незрячей от рождения. Люди самых разных политических взглядов нередко восхищались этой активисткой либерально-демократической партии – да к тому же правозащитницей – еще до того, как она выставила свою кандидатуру на парламентских выборах. Ее фотографии – непременно с собакой-поводырем, палевой масти лабрадором, – в последнее время не сходили с газетных полос. Теперь ее любимым детищем стали Паралимпийские игры. Она посетила госпиталь «Селли-Оук», когда там проходил реабилитацию Страйк, потерявший ногу в Афганистане. Эта женщина, умная и не чуждая состраданию, произвела на него вполне благоприятное

впечатление. Что же касается ее мужа – Страйк не знал о нем ровным счетом ничего.

– Мне неизвестно, посвящена ли Делия в делишки мужа. – Чизуэлл поддел вилкой кусок торта и с полным ртом продолжал: – Скорее всего, да, но виду не подает. Прямых улик против нее нет. Кому придет в голову заподозрить безгрешную Делию в шантаже, скажите на милость?

– Ее муж вымогал у вас деньги? – поразился Страйк.

– Нет-нет. Герайнт вознамерился лишить меня министерского поста.

– По какой-то конкретной причине? – спросил Страйк.

– Между нами тлеет застарелая вражда, которая выросла из совершенно беспочвенных… но это к делу не относится. – Чизуэлл гневно тряхнул головой. – Герайнт ко мне подъезжал – «надеялся», мол, «что это ложь» и предлагал «возможность объясниться». Мерзкий человечишка, который всю жизнь запускает руку в кошелек жены и отвечает вместо нее на телефонные звонки. Естественно, он жаждет реальной власти.

Чизуэлл глотнул хереса.

– Итак, вы сами видите, мистер Страйк, что я, так сказать, прижат рогатиной. Даже надумай я откупиться от Джимми Найта, меня все равно преследовал бы человек, жаждущий моего позора и, вполне возможно, способный раздобыть компрометирующие доказательства.

– Каким же образом Уинн сможет раздобыть доказатель-

ства?

Чизуэлл засунул в рот большой кусок торта и оглянулся через плечо, желая убедиться, что Джорджина не показывается из кухни.

– До меня дошел слух, – прошептал он, и с его рыхлых губ слетело тонкое облачко сахарной пудры, – о вероятном наличии фотографий.

– Фотографий? – переспросил Страйк.

– Конечно, Уинн ими не располагает. В противном случае все давно было бы кончено. Но он вполне способен наложить на них лапу. Да-с.

Прожевав последний кусок торта, он добавил:

– Конечно, всегда остается шанс, что эти фотографии не смогут бросить на меня тень. Насколько я знаю, особых примет не осталось.

Страйк перестал что-либо понимать. Его так и подмывало спросить: «Не осталось на чем, господин министр?» – но он сдержался.

– Дело было шесть лет назад, – продолжал Чизуэлл. – Я прокручивал в голове эту треклятую историю так и этак. В ней были замешаны и другие люди, которым выгодно помалкивать. Слишком уж многое поставлено на карту. Нет, в действительности все упирается в вероятные находки Найта с Уинном. Я с полным основанием подозреваю, что Уинн, раскопав фотографии, сразу побежит с ними к репортерам. А вот Найт – вряд ли. Ему попросту нужны деньги. Так что

вот, мистер Страйк, я весь перед вами: *a fronte praecipitium, a tergo lupi*[13]. И так – уже месяц. Удовольствие ниже среднего.

Он нацелился на детектива своими крошечными глазками, и тот необъяснимым образом почувствовал себя словно крот под занесенным штыком лопаты.

– Когда я узнал, что вас видели на этом сборище, первой мыслью было – что вы занимаетесь Найтом и раскопали на него какую-то грязишку. Я недавно пришел к такому выводу: из этой дьявольской ситуации есть только один выход. Прежде чем они смогут заполучить фотографии, необходимо найти нечто такое, что можно будет использовать против них обоих. Победить врага его оружием.

– Шантаж победить шантажом? – уточнил Страйк.

– Мне от них ничего не нужно – пусть только оставят меня в покое, черт бы их побрал! – взорвался Чизуэлл. – Получить какой-нибудь козырь – вот что мне требуется. Я действовал в рамках закона, – твердо заявил он, – и не погрешил против совести.

Чизуэлл не отличался особой притягательностью, но Страйк очень хорошо представлял, какая это пытка – вечный страх публичного разоблачения, особенно для человека, и без того пережившего не один скандал. Скудные сведения о возможном клиенте, найденные Страйком накануне этой встречи, включали злорадные сообщения об интрижке, разрушившей первый брак министра, о лечении второй его

[13] Впереди пропасть, позади волки *(лат.)*.

жены от «нервного истощения» в психиатрической клинике и о кошмарной автокатастрофе, в которой его младший сын насмерть сбил молодую мать.

– Эта работа потребует очень больших усилий, мистер Чизуэлл, – сказал Страйк. – Чтобы провести тщательное расследование в отношении Найта и Уинна, да еще в сжатые сроки, придется задействовать двух, а то и трех сотрудников.

– Цена вопроса меня не волнует, – сказал Чизуэлл. – Пусть даже придется поставить на ноги все ваше агентство. Я отказываюсь верить, что Уинн, изворотливый червь, нигде не наследил. Эта парочка очень непроста. Она – слепой ангел света, – Чизуэлл изогнул губу, – а он – ее пузатый приспешник, вероломный интриган, падкий на дармовщину. Что-то за ним, безусловно, тянется. Безусловно. Да и Найт, бузотер-коммуняка, лишь по чистой случайности не попал в поле зрения полиции. Он всегда был отморозком, совершенно гнусный тип.

– Вы знали Джимми Найта еще до того, как он взялся вас шантажировать? – уточнил Страйк.

– Еще бы не знать, – ответил Чизуэлл. – Найты – из моего избирательного округа. Отец перебивался случайными заработками и выполнял мелкие работы для нашей семьи. Мать мне незнакома. По-моему, она не дожила до переезда в Стеда-коттедж.

– Понятно, – сказал Страйк.

Он вспоминал взволнованные слова Билли: «Я видел, как

ребенка убили, задушили», его нервное движение руки от носа к груди, словно неловкое крестное знамение, и прозаичную, бытовую подробность – розовое одеяло, в котором похоронили мертвого ребенка.

– Прежде чем перейти к обсуждению условий, мистер Чизл, я должен довести до вашего сведения один факт, – предупредил Страйк. – На сходку ОТПОРа меня привели попытки разыскать младшего брата Найта. Его зовут Билли.

Складка между близорукими глазами Чизуэлла стала чуть глубже.

– Да-с, я помню, что их было двое, но Джимми значительно старше – лет на десять, если не больше. Этого… Билли, так?.. я не видел много лет.

– Понятно, – кивнул Страйк. – Так вот: он душевнобольной. И в прошлый понедельник явился ко мне в агентство с весьма необычным рассказом, а потом сбежал.

Чизуэлл выжидал, и Страйк заметил в нем напряженность.

– Билли утверждает, – продолжал Страйк, – что в детстве стал свидетелем удушения какого-то младенца.

Чизуэлл не отпрянул в ужасе, не зашумел, не разъярился. Он не стал допытываться: уж не обвиняют ли в чем-нибудь его самого, или требовать ответа на вопрос: какое, черт побери, это имеет к нему отношение? Когда он заговорил, в его ответах не было и тени красочных опровержений, которые зачастую выдают виновного, но Страйк мог поклясться, что

для Чизуэлла эта история не нова.

– И кто же, если верить этому безумцу, задушил ребенка? – Пальцы Чизуэлла забегали по ножке бокала.

– Он не сказал… или не захотел сказать.

– Вы считаете, именно это и дает Найту повод меня шантажировать? Обвинение в детоубийстве? – резко спросил Чизуэлл.

– Я считаю, вам следует знать, что привело меня к Джимми, – ответил Страйк.

– На моей совести нет смертей, – с нажимом заявил Джаспер Чизуэлл и допил воду. – А за незапланированные последствия, – добавил он, возвращая пустой стакан на стол, – никто ответственности не несет.

10

Я думала, что мы вдвоем как-нибудь справимся.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Через час детектив и министр вышли из дома номер 14 по Парк-Плейс и, прошагав буквально несколько метров, вернулись на Сент-Джеймс-стрит. За чашкой кофе Чизуэлл немного смягчился и перестал отделываться шаблонными фразами – наверное, решил Страйк, вздохнул с облегчением, когда привел в действие механизм, способный избавить его от невыносимого гнета страха и тревожного ожидания. Они договорились об условиях, и Страйк остался доволен: в последнее время его агентство нечасто получало такие денежные и серьезные заказы.

– Что ж, благодарю вас, мистер Страйк, – сказал, отводя глаза, Чизуэлл, когда они остановились на углу. – Здесь я вынужден вас покинуть. Иду на встречу с сыном. – И почти сразу сделал шаг по Сент-Джеймс-стрит.

Но почему-то не двинулся дальше.

– Дело Фредди было у вас на контроле, – коротко сказал он, исподволь наблюдая за Страйком.

Страйк не ожидал, что Чизуэлл коснется этого вопроса, а уж тем более здесь и сейчас, под занавес, после напряженного обсуждения, которое состоялось у них в подвальном ре-

стране.

– Да, – ответил он. – Как ни прискорбно.

Чизуэлл задержал взгляд на отдаленной художественной галерее.

– Я вспомнил: это вы подписали отчет, – сказал он. – У вас редкая фамилия. Мне…

Проглотив застрявший в горле ком, министр все так же разглядывал галерею. Как ни странно, он совсем не спешил на условленную встречу.

– Отличный был парень – Фредди, – выговорил он. – Отличный. Служил там же, где и я в свое время, с той лишь разницей, что в девяносто третьем году – вы, наверное, знаете – Собственный королевский гусарский полк объединили с Королевским Ирландским гусарским. Так что он поступил на службу в Королевский гусарский. Подавал большие надежды. Любил жизнь. Но вы с ним, конечно, лицом к лицу не встречались.

– Никогда, – подтвердил Страйк.

Сама собой напрашивалась какая-нибудь вежливая фраза.

– Он ведь был у вас старшим из детей?

– Из четверых, – покивал Чизуэлл. – Две дочери, – его интонация словно закрыла эту тему: дескать, женский пол, о чем тут говорить? – и еще один сын, – мрачно добавил он. – В тюрьме отсидел. Полагаю, вы читаете газеты?

– Нет, – солгал Страйк, зная, каково это – когда твои су-

губо личные дела мусолятся в прессе.

Если щадить – пусть даже не вполне убедительно – чужие чувства, всегда можно сделать вид, будто ты читал, но не всё; если же делать ставку на простую вежливость, то лучше предоставить собеседнику самому изложить свою версию.

– Всю жизнь ему неймется, Раффу, – проговорил Чизуэлл. – Я устроил его на работу – вот туда. По знакомству.

Он указал пальцем на далекую витрину галереи.

– На искусствоведческом учился, но бросил, – продолжал Чизуэлл. – Моя жена считает, что он конченый человек. Насмерть сбил молодую мать. Под наркотиками сел за руль.

Страйк молчал.

– Что ж, всех благ.

Чизуэлл будто вышел из меланхолического транса. Он снова протянул для рукопожатия потную ладонь и широко зашагал по улице, кутаясь в теплое пальто, столь неуместное в этот ясный июньский день.

Страйк двинулся по той же улице, но в противоположную сторону, на ходу доставая из кармана мобильный. Робин ответила после третьего гудка.

– Срочно надо встретиться, – с места в карьер начал Страйк. – У нас новое дело, причем крупное.

– Черт! – вырвалось у нее. – Я сейчас на Харли-стрит. Не хотела тебя дергать, пока ты встречался с Чизуэллом, но у Энди жена упала со стремянки и сломала руку. Я сказала – пусть везет жену в больницу, а слежку за Ловкачом доверит

мне…

– Дьявольщина! А Барклай где?

– Все еще Уэбстером занимается.

– Ловкач у себя?

– Да.

– Рискнем, – сказал Страйк. – По пятницам он обычно сразу едет домой. А у нас дело срочное. Но это не телефонный разговор. Ты можешь сейчас подъехать в «Красный лев» на Дьюк-оф-Йорк-стрит?

Не выпив ни капли во время беседы с Чизуэллом, Страйк жаждал перед возвращением в контору пропустить пинту пива. Если в выходном костюме он был как бельмо на глазу в ист-хэмской «Белой лошади», то для Мэйфера такой вид оказался в самый раз, и через пару минут Страйк уже входил в «Красный лев» на Дьюк-оф-Йорк-стрит – уютный викторианский паб с бронзовой фурнитурой и гравированным стеклом, совсем как в «Тотнэме». Сев за угловой стол с пинтой «Лондон прайд» и найдя в телефоне информацию о Делии Уинн и ее муже, он стал читать статью о предстоящих Паралимпийских играх, в которой неоднократно цитировали Делию.

– Привет. – Через двадцать пять минут Робин уже опустила сумку на противоположное кресло.

– Выпьешь что-нибудь? – предложил Страйк.

– Я сама возьму, – ответила Робин. – Ну? – Она вернулась на свое место со стаканом апельсинового сока. Ее с трудом

сдерживаемое нетерпение вызвало у Страйка улыбку. – Что там? Что понадобилось Чизуэллу?

Паб, изгибавшийся подковой вдоль единственной стойки, уже заполонили элегантно одетые мужчины и женщины, у которых начинался уик-энд или, как у Страйка и Робин, еще только заканчивался рабочий день. Понизив голос, Страйк рассказал ей о встрече с Чизуэллом.

– Вот как, – озадаченно произнесла Робин, когда Страйк наконец-то ввел ее в курс дела. – Стало быть, нам предстоит… накопать всяких гадостей против Делии Уинн?

– Против ее муженька, – поправил Страйк, – но Чизуэлл предпочитает выражение «раздобыть козыри».

Потягивая сок, Робин молчала.

– Шантаж – занятие противозаконное, Робин, – сказал Страйк, верно прочитав ее выражение лица. – Найт хочет опустить Чизуэлла на сорок тонн, а Уинн хочет лишить его министерского кресла.

– А он, значит, хочет шантажировать обоих, причем с нашей помощью?

– Мы копаем грязь изо дня в день, – резко ответил Страйк. – Не поздновато ли включать совесть?

Раздосадованный не столько ее позицией, сколько собственной вспыльчивостью, он сделал большой глоток. Теперь она жила с мужем в желанном доме с подъемными окнами, а он занимал две продуваемые ветром каморки, да и оттуда мог в любой момент вылететь по прихоти застройщи-

ка. Агентство впервые получило заказ, который обеспечивал полную занятость троим сотрудникам, и причем, надо думать, не на один месяц. Страйк не собирался извиняться за свое поспешное согласие. После нескольких лет каторжной работы он устал то и дело уходить в минус, когда поток заказов иссякал. Между тем у него были определенные планы в том, что касалось бизнеса, но для их достижения требовался более солидный банковский счет. Так или иначе, он почувствовал, что должен отстоять свою позицию.

– Мы – как адвокаты, Робин. Всегда на стороне клиента.

– Но ты же сам на днях отказал банкиру, который хотел выяснить, где его жена…

– Да, поскольку ежу было ясно, что муж ее не пощадит, когда разыщет.

– Ну допустим, – с вызовом сказала Робин, – а что, если им известно про Чизуэлла нечто такое…

Она не договорила: долговязый мужчина, увлеченный разговором с коллегой, наткнулся на кресло Робин и та, чуть не ударившись носом о стол, разлила апельсиновый сок.

– Эй! – рявкнул Страйк; Робин пыталась отряхнуть мгновенно промокшее платье. – А извиниться?

– Вот незадача, – протянул незнакомец, разглядывая облившуюся соком Робин; на них стали оборачиваться другие посетители. – Разве это из-за меня?

– А из-за кого же еще, черт побери? – Страйк поднялся и уже обходил стол. – Не слышу извинений!

– Корморан! – попыталась урезонить его Робин.

– Ну ладно, извиняюсь, – проговорил долговязый, как будто делая большое одолжение, но, когда он оценил габариты Страйка, его раскаяние стало, похоже, более искренним. – Приношу вам самые…

– Вон отсюда! – прорычал Страйк и обратился к Робин: – Садись на мое место. Если здесь появится еще одно такое мурло, пусть наткнется на меня.

Отчасти смущенная, отчасти растроганная, она взяла намокшую сумку и сделала, как ей было сказано. Страйк отошел и принес для нее ком бумажных салфеток.

– Спасибо.

Ей было трудно удерживать наступательную позицию, когда он добровольно уселся на мокрый стул, чтобы избавить ее от неудобств. Вытирая сок, Робин подалась вперед и тихо заговорила:

– Знаешь, что меня больше всего тревожит? Рассказ Билли.

Тонкое хлопковое платье липло к телу; Страйк прилагал немало усилий, чтобы смотреть ей только в глаза.

– В этой связи я задал вопрос Чизуэллу.

– Правда?

– Естественно. Неужели я бы смолчал, услышав, что его шантажирует брат Билли?

– И что он?

– Сказал, что на его совести смертей нет, а за незаплани-

рованные последствия никто ответственности не несет.

– И как это понимать?

– Об этом я тоже спросил. И он привел гипотетический пример: дескать, взрослый человек выронил мятную пастилку, а затем ее подобрал какой-то ребенок и подавился.

– Что-что?!

– Я знаю не больше твоего. Билли, вероятно, не перезванивал?

Робин помотала головой.

– Понимаешь, очень может быть, что Билли одержим бредовыми идеями, – сказал Страйк. – Когда я передал Чизуэллу суть этого рассказа, в его манере не отразилось ни раскаяния, ни страха.

С этими словами он вдруг вспомнил, что по лицу Чизуэлла пробежала какая-то тень – как будто эта история ему знакома.

– Так чем же злодеи шантажируют Чизуэлла? – не поняла Робин.

– Ума не приложу, хоть убей, – ответил Страйк. – Он говорит, что те события произошли шесть лет назад, но это не вяжется с рассказом Билли, потому что шесть лет назад тот был уже взрослым парнем. Чизуэлл обмолвился, что кое-кто счел бы его действия аморальными, хотя ничего противозаконного он не совершал. Вроде бы подразумевалось, что на тот момент его поступки не противоречили закону, хотя в настоящее время выходят за рамки допустимого.

Страйк подавил зевок. От жары и пива его клонило в сон. А вечером он обещал быть у Лорелеи.

– Значит, ты ему веришь? – заключила Робин.

– Верю ли я Чизуэллу? – Глядя через плечо Робин в обильно украшенное гравировкой зеркало, Страйк начал рассуждать вслух: – Готов поспорить, что сегодня он был со мной честен – просто от отчаяния. Но можно ли ему доверять? Думаю, не более чем первому встречному.

– То есть он вызвал у тебя неприязнь? – спросила Робин. – Я тут о нем почитала.

– И?

– Ратует за казнь через повешение, за антииммиграционную политику, голосовал против увеличения отпуска по беременности и родам…

Не заметив беглого взгляда Страйка, скользнувшего по ее облепленной платьем фигуре, она продолжала:

– …разглагольствует о семейных ценностях, а сам ушел от жены к какой-то журналистке…

– Короче, в собутыльники я бы такого не выбрал, но он заслуживает сочувствия. Одного сына потерял, второй недавно убил женщину…

– Вот, пожалуйста, – перебила Робин. – Требует всех мелких нарушителей закона упечь за решетку и выкинуть ключ, а когда его сынок сбивает молодую мать, нажимает на все рычаги, чтобы тому дали минималь…

Ее прервал на полуслове пронзительный женский голос:

– Робин! Вот чудо!

В паб вошла Сара Шедлок в сопровождении двух мужчин.

– Принесла нелегкая, – шепнула, не сдержавшись, Робин и откликнулась в полный голос: – Сара, привет.

Робин бы дорого дала, чтобы этой встречи не случилось. Час назад она по телефону сказала мужу, что в одиночестве торчит на Харли-стрит, а теперь Сара с восторгом доложит Мэтью, что застукала Робин и Страйка на свидании в Мэйфере.

Извиваясь, Сара огибала их столик, чтобы обнять Робин, а та подумала, что это делается исключительно на погляденье мужчинам.

– Дорогуша, что с тобой такое? Ты же вся липкая!

Здесь, в Мэйфере, Сара была одета с чуть большим вкусом, чем обычно, и обращалась к Робин на несколько градусов теплее.

– Ничего особенного, – пробормотала Робин. – Апельсиновый сок разлился, вот и все.

– Корморан! – радостно воскликнула Сара и наклонилась, чтобы чмокнуть его в щеку.

Страйк, к удовольствию Робин, сидел как истукан.

– Отдыхаем, расслабляемся? – С понимающей улыбкой Сара обняла их обоих за плечи.

– Работаем, – отрезал Страйк.

Не получив приглашения составить им компанию, Сара двинулась дальше вдоль стойки бара, уводя с собой спутни-

ков-коллег.

– Совсем забыла: тут за углом – «Кристис», – тихо сказала Робин.

Страйк посмотрел на часы. Ему не хотелось ехать к Лорелее в костюме, тем более что на нем остались пятна от апельсинового сока.

– Надо обсудить план действий, работать начинаем прямо завтра.

– Понятно. – Робин бросило в дрожь: ей давно не приходилось работать по выходным. Мэтью привык, что она… дома.

– Ладно уж, – Страйк явно прочел ее мысли, – до понедельника дергать тебя не буду. – И продолжал: – Этим делом должны заниматься по меньшей мере трое. Думаю, по Уэбстеру мы накопали достаточно, чтобы осчастливить клиента, так что Энди перебросим на Ловкача и сообщим двум следующим клиентам, которые у нас на очереди, что в этом месяце их заказы принять не сможем, а Барклай пусть работает с нами по Чизуэллу. Что касается тебя – ты в понедельник отправишься в палату общин.

– Куда? – Робин подумала, что ослышалась.

– Явишься под видом крестницы Чизуэлла, которая спит и видит, как бы связать свою жизнь с парламентом, и обратишься к Герайнту – в аппарате Делии он возглавляет офис по работе с избирателями. Сидит на одном этаже с Чизуэллом, только в другом конце коридора. Поболтай с ним…

Отхлебнув пива, Страйк хмуро посмотрел на Робин поверх стакана.

– А дальше? – Робин не могла представить, что ее ждет.

– Как ты отнесешься к тому, – он заговорил так тихо, что ей пришлось податься вперед, – чтобы нарушить закон?

– Вообще-то, я против этого, – сказала Робин, не зная, смеяться или плакать. – Потому и выбрала для себя следственную работу.

– А что, если закон в некоторой части весьма туманен и препятствует получению информации? Тем более что Уинн, со своей стороны, определенно преступает закон, если вознамерился шантажом лишить человека министерского кресла.

– Ты имеешь в виду прослушку кабинета Уинна?

– Точно. – Заметив, что она колеблется, Страйк продолжал: – Слушай, на взгляд Чизуэлла, Уинн – безалаберное трепло; по этой причине он застрял в офисе по работе с избирателями и даже близко не допускается к делам своей жены в министерстве спорта. Дверь его кабинета вечно стоит нараспашку, он в полный голос разглагольствует на конфиденциальные темы и забывает документы личного характера на общей кухне. Есть большая вероятность, что ты вытянешь у него неосторожные признания сама, не прибегая к прослушке, но, мне кажется, полагаться на это нельзя.

Робин поболтала в стакане остатки апельсинового сока, помедлила, а потом сказала:

– Хорошо, сделаю.

– Уверена? – спросил Страйк. – Тогда слушай: пронести аппаратуру в здание не получится – там нужно проходить через металлоискатель. Я пообещал передать Чизуэллу пригоршню жучков прямо завтра. А он передаст их тебе уже внутри. Для прикрытия тебе понадобится псевдоним. Когда придумаешь – скинь его мне на телефон, а я сообщу Чизуэллу. На самом-то деле можешь снова взять имя «Венеция Холл». Чизуэлл как раз из тех, чью крестницу вполне могут звать Венецией.

Венеция было средним именем Робин, но от настороженности и волнения она даже не заметила ухмылки Страйка, которого до сих пор забавляло это имя.

– Кроме всего прочего, тебе понадобится легенда, – добавил Страйк. – Особо не усердствуй, но Чизуэлл еще по газетным фото в связи с делом Потрошителя запомнил, как ты выглядишь, а значит, необходимо допустить, что Уинн тоже имеет представление о твоей внешности.

– В такую жару даже парик не наденешь, – посетовала Робин. – Надо будет хотя бы обзавестись цветными контактными линзами. Прямо сейчас куплю. И наверное, очки без диоптрий. – Ее губы тронула улыбка. – Палата общин! – восторженно повторила она.

Эта восторженная улыбка погасла с новым появлением Сары Шедлок – ее голова с высветленными до белизны волосами замаячила у дальнего конца стойки. Сара только что

заняла более удобную позицию, чтобы не выпускать из поля зрения Робин и Страйка.

– Пойдем отсюда, – сказала Робин.

По пути к станции метро Страйк объяснил, что слежка за Джимми Найтом теперь перепоручается Барклаю.

– Мне продолжать нельзя, – с сожалением сказал он. – Я раскрылся на той сходке, где присутствовал он сам и его дружки по ОТПОРу.

– И на что теперь переключишься? – спросила Робин.

– Буду затыкать дыры, проверять версии, а если потребуется – вести ночную слежку, – ответил Страйк.

– Бедняжка Лорелея, – сказала Робин.

Эти слова сами собой слетели у нее с языка. Поток транспорта усиливался с каждой минутой, и молчание Страйка позволяло ей надеяться, что он не расслышал.

– А Чизуэлл упоминал того сына, который погиб в Ираке? – Сходную тактику применяют те, кто поспешно заходится кашлем, не сумев сдержать смешок.

– А как же, – ответил Страйк. – Фредди явно был его любимчиком, но родительскому сердцу не прикажешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Фредди Чизуэлл был редкостным подонком. Я расследовал немало подобных дел, но никогда столько народу не интересовалось, отчего наступила смерть и не получил ли офицер пулю в спину от своих.

Робин это потрясло.

– «De mortuis nil nisi bonum»?[14] – спросил ее Страйк.

За время их совместной работы Робин нахваталась от него латинских изречений.

– Ну, знаешь, – тихо проговорила она, впервые найдя у себя в душе крупицу жалости к Джасперу Чизуэллу, – от отца нельзя ждать осуждения сына.

Расстались они в конце улицы. Робин отправилась покупать контактные линзы, а Страйк пошел к метро.

После разговора с Робин на него нахлынула непривычная радость: при обсуждении этого непростого дела на поверхности вдруг показались знакомые контуры их дружбы. Ему было приятно, что она с энтузиазмом отнеслась к перспективе проникнуть в палату общин; радовало и то, что этот план исходил от него. Даже настороженное отношение Робин к его предположениям насчет истории Чизуэлла грело Страйку душу.

Перед входом в вестибюль станции метро Страйк резко повернул в сторону, чем вызвал гнев раздражительного делового человека, следовавшего за ним почти вплотную. Тот едва избежал столкновения, злобно поцокал языком и вошел в вестибюль, а Страйк невозмутимо прислонился к нагретой солнцем стене и, чувствуя, как тепло проникает сквозь пиджак, стал звонить инспектору уголовной полиции Эрику Уордлу.

Вводя Робин в курс дела, Страйк не покривил душой. Он

[14] «О мертвых – либо хорошо, либо ничего» *(лат.)*.

действительно не верил, что Чизуэлл задушил какого-то ребенка, но все же на содержание рассказа Билли тот отреагировал как-то странно. Благодаря откровениям министра о семье Найт, проживавшей вблизи его фамильного особняка, Страйк теперь удостоверился, что детство Билли прошло в Оксфордшире. В качестве первого логического шага к прояснению будоражившей его истории с розовым одеялом требовалось установить, не было ли зафиксировано в том районе случаев бесследного исчезновения детей два десятилетия назад.

11

И давай заглушим все воспоминания свободой, радостью, страстью!
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Лорелея Бивен проживала в эклектично обставленной квартире над своим процветающим магазином винтажной одежды в Кэмдене. Страйк объявился у нее в половине седьмого вечера с бутылкой пино-нуар в одной руке и с прижатым к уху мобильником в другой. Открыв дверь, Лорелея добродушно улыбнулась при виде знакомой картины его телефонных переговоров, поцеловала в губы, забрала вино и вернулась на кухню, откуда доносился вожделенный аромат пад-тая[15].

– …ну или попробуй внедриться в ОТПОР. – Дав указания Барклаю, Страйк закрыл за собой входную дверь и прошел в гостиную, где висела внушительная репродукция с картины Уорхола – многократно повторенное изображение Элизабет Тейлор. – Я пришлю тебе все, что удалось накопать на Джимми. Он трется в нескольких компашках. Работает или нет – понятия не имею. Ошивается в «Белой лошади», это в Ист-Хэме[16]. Фанат «Хэммеров», судя по всему.

---

[15] *Пад-тай* – популярное блюдо тайской кухни из обжаренной рисовой вермишели с овощами и ароматным соусом.

[16] Лондонский район Ист-Хэм считается раем для мошенников.

– Это еще не самое страшное. – Барклай говорил шепотом, поскольку только что уложил ребенка, у которого резались зубки. – Ведь мог бы гонять и за «Челси».

– Не вздумай скрывать, что ты прошел армию, – напомнил ему Страйк, опускаясь в кресло и закидывая ногу на удобный квадратный пуф. – У тебя стройбат на лбу написан.

– Не вопрос, – отозвался Барклай. – Прикинусь типа дурачком, который не втыкает, куда вписался. Левацкие группировки всегда на такую хрень ведутся. Вот и пускай возьмут меня под крыло.

Ухмыльнувшись, Страйк достал из кармана сигареты. Если на первых порах его и одолевали сомнения, то теперь он склонялся к тому, что сделал правильный выбор, когда привлек к работе Барклая.

– Лады, только не гони лошадей, пока я не дам отмашку. Скорее всего, обозначусь в воскресенье.

Не успел он положить трубку, как Лорелея принесла ему бокал красного вина.

– Помочь там? – спросил Страйк, не шелохнувшись.

– Не надо, отдыхай. Почти все готово, – с улыбкой ответила она.

Ему нравился ее фартук в стиле пятидесятых годов.

Когда она поспешила обратно на кухню, он зажег сигарету – как всегда, «Бенсон энд Хеджес». Лорелея сама не курила, но привычке Страйка не противилась, тем более что он не отказывался от купленной специально для него аляпо-

ватой пепельницы с танцующими пудельками.

С каждой затяжкой он все отчетливее ощущал зависть к Барклаю, которому предстояло войти в доверие к Найту и его отморозкам-левакам. В бытность свою офицером военной полиции Страйк не знал себе равных в подобных делах. Ему вспомнился случай в Германии, когда четверо солдат стали проявлять нездоровый интерес к одной местной группировке крайне правого толка. Страйк добился их расположения, уверив, что разделяет идею белого этно-националистического сверхгосударства, и проник на их сходку, которая, к удовлетворению детектива, обернулась четырьмя арестами и приговором трибунала.

В приятном ожидании пад-тая и других плотских удовольствий он включил телевизор и немного посмотрел новости по Четвертому каналу, то прихлебывая вино, то затягиваясь сигаретой, и в кои-то веки позволил себе редкое (хотя для многих его коллег совершенно привычное) удовольствие: расслабленный и беззаботный вечер пятницы.

Страйк и Лорелея познакомились на дне рождения Эрика Уордла. В тот вечер не обошлось без эксцессов, поскольку среди приглашенных была Коко, которую Страйк не видел с тех пор, как отшил ее по телефону. Коко, разумеется, напилась; около часа ночи, когда он и Лорелея ворковали на диване, она, чинно прошагав по комнате, выплеснула на них бокал вина и была такова. О том, что Коко и Лорелея – давние подруги, Страйк узнал только утром, когда проснулся в

одной постели с Лорелеей. Детектив умыл руки, предоставив разбираться с этой ситуацией своей новой пассии. А та, по-видимому, сочла, что, порвав с Коко, совершила более чем равноценный обмен.

– Как только тебе это удается? – спросил сыщика при встрече Уордл, не веря своим ушам. – Хотел бы я, черт возьми, знать твой…

Страйк вздернул тяжелые брови, и Уордл прикусил язык, чтобы не показаться льстецом.

– Какие могут быть секреты? – сказал Страйк. – Я же не виноват, что некоторым женщинам нравятся одноногие толстяки с лобковыми волосами на башке и сломанными носами.

– Да уж, если кто и виноват, что такие дамочки все еще разгуливают по улицам, так это наши психиатры, – подхватил Уордл, и Страйк рассмеялся.

Ее и в самом деле звали Лорелеей – впрочем, нарекли ее так не в честь легендарной русалки Рейна, а в честь героини Мерилин Монро из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок»[17], который обожала ее мать. На улице мужчины оборачивались ей вслед, но у Страйка она, в отличие от Шарлотты, не вызывала ни страстного желания, ни жгучей боли. А почему – он и сам не знал: то ли оттого, что Шарлотта до

---

[17] *«Джентльмены предпочитают блондинок»* (1953) – музыкальная комедия Говарда Хоукса, экранизация мюзикла, поставленного по одноименному романы Аниты Лус. В главных ролях: Мерилин Монро, Джейн Рассел.

предела обостряла все его чувства, то ли оттого, что Лорелее просто-напросто не хватало какой-то магии. В самом деле, ни Страйк, ни Лорелея ни разу не произнесли: «Я тебя люблю». С его стороны это было бы нечестно: да, соблазнительная, да, веселая, ну и что? Ему удобно было считать, что и Лорелея относится к нему сходным образом. В тот вечер, когда Страйк в полутемной гостиной Уордла решил поболтать с незнакомой девушкой, предварительно изучив ее со всех сторон, у той недавно закончились пятилетние, почти супружеские отношения. Сперва ему хотелось верить, будто она, по ее собственным словам, счастлива, что теперь никто не будет посягать на ее свободу и личное пространство, но в последнее время он улавливал легкое недовольство, подобное дождевым каплям перед грозой, когда сообщал, что на выходных опять будет работать. Впрочем, в ответ на его прямые вопросы она твердила обратное: «*конечно, конечно», «о чем разговор», «нужно – значит нужно»*…

В самом начале их романа Страйк без обиняков заявил: работа у него непредсказуемая, с финансами напряженно. Бегать на сторону он не собирается, но если для Лорелеи важны стабильность и уверенность в завтрашнем дне, то лучше ей поискать кого-нибудь другого. Судя по всему, ее устроил такой расклад, но, если бы сейчас, по прошествии десяти месяцев, она переменила свои взгляды, Страйк готов был испариться без лишних слов. Видимо, она это чувствовала, поскольку никогда не спорила. Он ценил это качество,

и не только потому, что избегал лишних сложностей. Лорелея ему нравилась, она полностью устраивала его в постели, а он сам, предпочитая не вдаваться в причины и трезво глядя на вещи, сейчас, как никогда, желал сохранить постоянные отношения.

Пад-тай удался как нельзя лучше, беседа текла легко и весело. Не посвящая Лорелею в суть нового расследования, Страйк лишь упомянул, что оно обещает быть и прибыльным, и увлекательным. Они сообща вымыли и убрали посуду, а затем перешли в леденцово-розовую спальню, где со штор смотрели пони и мультяшные девочки в ковбойских шляпах.

Лорелея знала толк в эротическом белье. Этой ночью она выбрала чулочки с черным поясом. У нее был талант – достаточно редкий – разыгрывать эротические сцены, не скатываясь до пародии. Наверное, кто-нибудь другой на месте Страйка, безногого, со сломанным носом, приуныл бы в этом фривольно-вычурном будуаре, но Лорелея так искусно преображалась в Афродиту рядом со своим Гефестом, что Страйк почти забывал о Робин и Мэтью.

В конце-то концов, что за радость сравнивать с кем-то женщину, которая реально тебя хочет, говорил он себе на следующий день, выдыхая табачный дым, когда они сидели – каждый со своей газетой – за столиком кафе под открытым небом и руку его ненавязчиво ласкали безукоризненные

женские ноготки. Кто его тянул за язык говорить, что во второй половине дня он будет занят? То есть у него действительно был план забросить подслушивающие устройства в роскошный особняк Чизуэлла, но после этого никто не мешал ему вернуться в ту же спальню, к чулочкам и корсету. Заманчивая перспектива, спору нет. Но что-то у него внутри неумолимо противилось такой затее. Две ночи подряд – это нарушение заведенного порядка, а отсюда один шаг до подлинной близости. Положа руку на сердце, Страйк не мог даже вообразить, что в будущем съедется с какой-нибудь женщиной, чтобы оформить брак и завести детей. Нечто подобное когда-то виделось ему для них с Шарлоттой – в ту пору он приспосабливался к жизни без половины ноги. Взрыв самодельной бомбы на пыльной афганской дороге отшвырнул Страйка от выбранной им судьбы, а затем погрузил в незнакомое тело и незнакомую реальность. Сделанное Шарлотте предложение руки и сердца теперь выглядело в его глазах вопиющим проявлением временного помутнения рассудка в результате ампутации. Ему предстояло заново учиться ходить и – что ничуть не легче – как-то существовать в отрыве от армии. С расстояния длиной в два года он понимал, что тогда просто цеплялся за частицу своего прошлого, поскольку настоящее утекало сквозь пальцы. Свою преданность воинскому долгу он перенес на преданность Шарлотте.

– Верное решение, – не моргнув глазом, сказал его старый приятель Дейв Полворт, когда Страйк сообщил ему о

помолвке. – Чтобы не утратить боевые навыки. Правда, и риск сложить голову несколько возрастает, дружище.

Неужели он всерьез полагал, что свадьба не за горами? Неужели всерьез рассчитывал, что Шарлотта согласится на тот образ жизни, какой он сможет ей обеспечить? Неужели после всех перипетий он всерьез надеялся, что искупление возможно для них обоих, коль скоро каждый был изломан по-своему, дико, неприглядно, глубоко? Страйку нынешнему, сидевшему на солнце рядом с Лорелеей, теперь казалось, что где-то с полгода он всем сердцем верил в такие возможности и вместе с тем понимал их иллюзорность, а потому, не загадывая дальше чем на месяц вперед, обнимал по ночам Шарлотту так, словно она – единственная оставшаяся на Земле женщина и разлучить их способен разве что Армагеддон.

– Еще кофе? – негромко предложила Лорелея.

– Да нет, мне пора, – ответил Страйк.

– Когда увидимся? – спросила она, после того как Страйк расплатился с официантом.

– Говорю же: у меня намечается большая работа, – сказал он. – Сориентироваться по времени практически невозможно. Завтра позвоню. Когда образуется свободный вечер, непременно куда-нибудь сходим.

– Ладно, – улыбнулась она и шепнула: – Поцелуй меня.

Страйк не спорил. Лорелея накрыла его рот своими сочными губами, недвусмысленно напомнив о некоторых эпи-

зодах минувшего утра. Потом они отстранились друг от друга, Страйк ухмыльнулся, сказал «счастливо» и оставил ее сидеть с газетой.

Отворив дверь своего особняка на Эбери-стрит, министр культуры не предложил Страйку войти. Наоборот, создалось впечатление, что ему не терпится спровадить детектива как можно скорее. Забрав коробку с жучками, он пробубнил:

– Так, хорошо, я ей все передам. – И уже взялся за дверную ручку, но внезапно задал вопрос в спину посетителю: – Как ее зовут?

– Венеция Холл, – ответил Страйк.

Чизуэлл запер дверь изнутри, и Страйк тяжело зашагал назад, мимо спокойных золотистых таунхаусов, к станции метро, чтобы ехать на Денмарк-стрит. После квартиры Лорелеи офис казался мрачно-голым. Страйк распахнул окно, чтобы впустить в помещение шум Денмарк-стрит. Внизу меломаны, как всегда, тянулись в магазины музыкальных инструментов и лавчонки подержанных грампластинок. Страйк опасался, что эти торговые точки будут сметены грядущей застройкой. Рокот двигателей и пронзительные гудки, обрывки разговоров и стук шагов, гитарные переборы, извлекаемые вероятными покупателями, и отдаленное соло на барабанах какого-то уличного музыканта – все это ласкало слух Страйка и создавало тот фон, под который он мог часами работать за компьютером, чтобы вызнать всю подно-

готную своих объектов.

Если знаешь, где искать, располагаешь временем и мало-мальски набил руку, то на просторах интернета сумеешь раскопать все необходимое: призрачные экзоскелеты – одни фрагментарные, другие нестерпимо полные – тех судеб, которые выпали на долю их прототипов из плоти и крови. Страйк, усвоив разные приемы и секреты, наловчился вылавливать информацию в темных омутах киберпространства, а зачастую даже самые невинные и доступные социальные сети таили в себе несметные богатства, так что небольшого числа перекрестных ссылок вполне хватало для составления подробных досье, коими их беспечные фигуранты вовсе не планировали делиться со всем миром.

Для начала Страйк зашел в *Google Maps*, чтобы прочесать тот район, где выросли Джимми и Билли. Стеда-коттедж был, очевидно, слишком мал и незначителен, чтобы заслужить место на карте, зато вблизи пригородного поселка Вулстон отчетливо просматривался Чизуэлл-Хаус. Минут пять Страйк безуспешно разглядывал пятна лесных массивов близ Чизуэлл-Хауса и отметил для себя пару крошечных квадратиков, которые в принципе могли обозначать небольшие дома с участками («закопали… в ложбине, у папиного дома»), а потом возобновил сбор материалов на старшего, более вменяемого из братьев.

На сайте движения ОТПОР, между затяжными дискуссиями на темы капитализма и неолиберализма, нашлось по-

лезное расписание пикетов, где собирался присутствовать или выступать Джимми. Сыщик тут же распечатал этот листок и вложил в соответствующую папку. Затем он прошел по ссылке на сайт Реальной социалистической партии, где жизнь бурлила еще хлеще, чем в ОТПОРе. Нашлась здесь и статья Джимми, призывающая к разгону Израиля – «гнезда апартеида» – и к разгрому «сионистского лобби» – «оплота западного капиталистического истеблишмента». Страйк заметил, что в конце этой статьи Джаспер Чизуэлл упоминается среди представителей «западной политической элиты» как «общеизвестный сионист».

На паре фотографий сайта реал-социалистов Страйк узнал Флик, подругу Джимми, запечатленную в облике брюнетки с развевающимися волосами на марше против ракет «Трайдент» и в облике блондинки с розовым отливом – среди группы поддержки Джимми, выступающего с открытой трибуны на митинге Реальной социалистической партии. По ссылке на учетную запись Флик в «Твиттере» Страйк вышел на ее ленту сообщений – странную мешанину из слащавости и нецензурщины. «Чтоб тебе, сучка, подстилка тори, сгнить от рака жопы» – а ниже видеоклип: расчихавшийся котенок выпадает из корзины. Насколько понимал Страйк, ни Джимми, ни Флик не владели недвижимостью – хоть что-то объединяло его с этой парочкой. Как они добывали средства к существованию, осталось неясным; едва ли гонорары за статейки для крайне левых сайтов достигали нево-

образимых сумм. Свою убогую конуру на Шарлемонт-роуд Джимми снимал у квартирного хозяина по имени Кацури Кумар; Флик между делом упоминала в социальных сетях, что живет в Хэкни, но адрес ее нигде не значился. Копнув поглубже, Страйк отыскал некоего Джеймса Найта, подходящего возраста, проживавшего ранее лет пять совместно с женщиной по имени Дон Клэнси, а знакомство с ее необыкновенно познавательной, усеянной смайликами страницей в «Фейсбуке» показало, что пара когда-то состояла в законном браке. В свое время Дон владела процветающей парикмахерской в Лондоне, а затем вернулась в родной Манчестер. Старше Джимми на тринадцать лет, она, похоже, была бездетна и не поддерживала контактов с бывшим мужем. Впрочем, Страйк отметил, что в ответ на пост обманутой подруги «все мужики сволочи» Дон написала: «Да, говнюк редкостный, но он хотя бы на тебя не подал в суд! Ай да я (опять же)!»

Это уже было любопытно. Страйк пошарил в судебных архивах и нашел кое-какие ценные сведения. Во-первых, Джимми дважды привлекался к суду за нарушение общественного порядка: сначала во время антикапиталистического марша, затем в связи с акцией против ракет «Трайдент»; впрочем, этого следовало ожидать. А во-вторых – и это куда интереснее, – Джимми значился в черном списке «истцов-сутяжников» на сайте Службы судов и трибуналов Ее Величества. Из-за многократных обращений в суд с необос-

нованными исками Найту теперь запрещалось «возбуждать гражданско-правовые споры без особого разрешения судебных органов».

На свои (или государственные) средства Джимми оттянулся по полной. В течение последних десяти лет он то и дело подавал в суд на физических лиц и различные организации. И лишь однажды закон принял его сторону: в 2007 году, когда Джимми добился компенсации от «Зэнет индастриз» за нарушение процедуры увольнения. В деле против «Зэнет» Джимми обошелся без адвоката, а потом, вдохновленный, как видно, таким успехом, стал и дальше представлять свои интересы самостоятельно: в тяжбах против владельца автосервиса, двух соседей, журналиста, якобы опорочившего его имя; против двух офицеров Центрального полицейского управления, превысивших, с его слов, свои полномочия; против еще двух работодателей, а под занавес – против бывшей жены, которая позволила себе рукоприкладство, вследствие чего он лишился обеих серег. Как показывал опыт Страйка, от услуг адвоката отказываются две категории граждан: либо психически неуравновешенные, либо самонадеянные до такой степени, что сближаются с первыми. История сутяжничества Джимми выдавала его алчность и беспринципность, а также сметливость, не отягощенную большим умом. Чтобы выведать чужие тайны, полезно сыграть на человеческих слабостях. Страйк взял на заметку имена всех, кого пытался засудить Джимми, а также зафик-

сировал нынешний адрес его бывшей супруги.

Ближе к полуночи Страйк, пошатываясь от недосыпа, поднялся к себе в квартиру, а в воскресенье встал пораньше, переключил свое внимание на Герайнта Уинна и до сумерек просидел за компьютером, опять же не напрасно: на стол легла новая картонная папка с надписью «Чизуэлл», толстая от множества распечаток со всевозможными, не раз проверенными сведениями о двух шантажистах, которые преследовали Чизуэлла.

Потянувшись и зевнув, Страйк только сейчас прислушался к уличному шуму. Музыкальные магазины уже закрылись, барабанный бой прекратился, но на Черинг-Кросс-роуд не умолкал грохот и свист городского транспорта. Страйк с усилием поднялся, опираясь на рабочий стол, – единственная щиколотка затекла от многочасового сидения в компьютерном кресле, выглянул из распахнутого окна приемной и увидел распростертое над крышами мандариновое небо.

В этот воскресный вечер, два часа спустя, Англии предстояла встреча с Италией в четвертьфинале чемпионата Европы по футболу в Киеве. Страйк, который не особенно себе потакал, все же решил подписаться на платный канал «Скай», чтобы смотреть футбол. В его каморку над офисом помещался только маленький портативный телевизор – пусть не идеальный для просмотра такого важного матча, но позволяющий не мчаться прямо сейчас в паб: назавтра с раннего утра опять предстояла слежка за Ловкачом – безрадост-

ная перспектива.

Он посмотрел на часы. Времени до начала матча оставалось ровно столько, чтобы дойти до китайского ресторана и взять там еду навынос, но нужно было еще сделать два звонка, Барклаю и Робин, – дать инструкции на следующий день. Не успел он взяться за свой мобильный, как музыкальный сигнал известил, что пришло письмо по электронной почте.

В теме сообщения читалось: «Дети, пропавшие в Оксфордшире». Страйк, опустив на письменный стол мобильник и ключи, вернулся к компьютеру и открыл почту.

Страйк,

Результаты быстрого поиска. Жаль, не задан точный временной интервал.

В Оксфордшире/Уилтшире – 2 нераскрытых (по моим сведениям) дела о пропаже детей с нач./сер. 90-х. Сьюки Льюис, 12 лет, пропала из приюта в окт. 1992. Тж. Иммаму Ибрагим, 5 лет, пропал в 1996. Отец пропал тогда же, в наст. время, по нек. сведениям, находится в Алжире.

Без доп. информации вряд ли нарою что-нибудь еще.

Пока,

Э.

12

Настало время бурь…
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Когда Робин сидела перед туалетным столиком в их с Мэтью просторной новой спальне, красноватый свет заката падал на пододеяльник перины у нее за спиной. Из соседнего гриль-бара плыл тяжелый мясной дух, притом что совсем недавно здесь пахло только цветущей жимолостью. Мэтью оставался внизу: лежа на диване с бутылкой холодного пива «Перони» в руке, он смотрел разминку команд перед матчем Англия – Италия.

Выдвинув ящик туалетного столика, Робин достала спрятанные там цветные контактные линзы. Вчера методом проб и ошибок она выбрала для себя карие – наиболее подходящие к ее светлым, землянично-рыжеватым волосам. Она бережно извлекла сначала одну, потом другую и поочередно приложила к слезящейся серо-голубой радужке. К ним еще надо было привыкнуть, в идеале – походить с ними на выходных. Однако реакция Мэтью отбила у нее всякую охоту это делать.

– Что у тебя с глазами?! – выпалил он, приглядевшись. – Ну и видок, просто жесть! Немедленно сними эту хрень!

Поскольку вчерашняя суббота была вконец отравлена

жесткой перепалкой по поводу ее работы, Робин отказалась от мысли походить с линзами: не хотела лишний раз напоминать Мэтью, какое задание ждет ее на ближайшей неделе. Он, похоже, считал нелегальное проникновение в палату общин равносильным государственной измене, а отказ Робин назвать имена заказчика и объекта довел мужа до белого каления.

Робин внушала себе, что Мэтью печется о ее безопасности, а значит, винить его нельзя. Этот мыслительный тренинг она повторяла, как заклинание: он волнуется, его нельзя винить, в прошлом году тебя чуть не убили, а он хочет видеть тебя живой и здоровой. Впрочем, тот факт, что в пятницу Робин ходила со Страйком выпивать, тревожил Мэтью куда сильнее, чем любой потенциальный убийца.

– Неужели ты сама не видишь своего гнусного двуличия? – негодовал он.

Когда Мэтью злился, у него натягивалась кожа вокруг носа и на верхней губе. Робин заметила это много лет назад, но в последнее время такая особенность вызывала у нее ощущение, близкое к дурноте. Своему психотерапевту она в этом не призналась. Ей было совестно за свою патологическую неприязнь.

– В чем же мое двуличие?

– Да в том, что ты с ним втихую поддаешь…

– Мэтт, я работаю с…

– …а потом точишь меня, когда я хожу поесть с Сарой.

– Да хоть заешься! – вспылила Робин. – Давай! Между прочим, я видела ее в «Красном льве» в компании мужчин с работы. Не хочешь ли позвонить Тому и настучать, что его невеста втихую поддает с коллегами? Или ходить в паб запрещено только мне?

Натянувшаяся кожа вокруг носа и рта выглядит как намордник, отметила про себя Робин: бледный намордник, под которым скрыт собачий оскал.

– А если бы Сара вас не засекла, ты бы призналась, что ходила с ним выпивать?

– Естественно! – в сердцах бросила Робин. – Хотя могу себе представить, как бы ты разорался!

Напряженные последствия этой ссоры, отнюдь не самой серьезной за прошлый месяц, чувствовались до вечера воскресенья. Мэтью потеплел лишь за пару часов до футбольного матча с участием англичан. А Робин вызвалась принести ему из холодильника бутылочку «Перони» и даже поцеловала в лоб, перед тем как отправиться на кухню, чувствуя, что у нее развязаны руки для ношения цветных контактных линз и для приготовлений к завтрашнему рабочему дню.

Робин несколько раз моргнула, чтобы восстановить зрение, и подошла к кровати – там лежал ее ноутбук. Притянув его поближе, она увидела новое письмо от Страйка.

Робин,

Нарыл кое-что на Уиннов, прикрепляю. Скоро

наберу тебя и дам вводную на завтра.
К. С.

Робин прочла это с раздражением. Пусть бы «затыкал дыры» и работал по ночам, как обещал. Неужели он думает, что за выходные она сама не навела никаких справок? Робин кликнула на первый из прикрепленных файлов – документ, в котором Страйк подытожил результаты своих онлайн-трудов.

Герайнт Уинн

Герайнт Ифон Уинн, 15.07.1950 г. р. Родился в Кардиффе. Отец – шахтер. Окончил гимназию, поступил в Университет Кардиффа, во время учебы подвизался «консультантом по недвижимости».

В университете познакомился с Делией. Во время избирательной кампании стал ее доверенным лицом, а после возглавил офис по работе с избирателями. Чем занимался до этого – неизвестно.

За ним никогда не числилось ни одной фирмы. Живет с Делией в Бермондси[18], на Саутварк-Парк-роуд.

Страйк прикрепил пару размытых фотографий Герайнта и его знаменитой жены. Эти снимки Робин уже нашла и сохранила на своем ноутбуке. Страйку – она прекрасно понимала – пришлось попотеть, чтобы отыскать фото Герайнта, ведь минувшей ночью, пока Мэтью спал, она и сама убила на эти поиски не один час. Складывалось впечатление, буд-

[18] *Бермондси* – район в восточной части Лондона.

то Герайнт видится пресс-фотографам не более чем бесплатным приложением к супруге. Худой, лысеющий мужчина в очках с толстой оправой, вместо рта – щель, круглый подбородок, неправильный прикус – в совокупности эти черты вызвали в воображении Робин портрет геккона-переростка.

Прилагались и данные на министра спорта.

> Делия Уинн
>
> 08.08.1947 г. р. Девичья фамилия – Джонс. Родилась и выросла в Долине Гламорган, Уэльс. Родители – учителя. Незрячая от рождения из-за двусторонней микрофтальмии. С 5 до 18 лет посещала учебное заведение для слепых – Королевскую школу Св. Енодоха. В подростковом возрасте неоднократно побеждала на соревнованиях по плаванию. (Доп. сведения см. в прикрепленных статьях, в т. ч. о благотворительном фонде «Равные правила игры».)

За выходные Робин перелопатила уйму материалов, но все равно внимательно изучила обе статьи, хотя и не узнала для себя почти ничего нового. Одно время Делия работала в известной правозащитной благотворительной организации, затем успешно баллотировалась на выборах от того избирательного округа в Уэльсе, где родилась. Чемпионка среди спортсменов с ограниченными возможностями, она давно поддерживала развитие спорта в бедных районах и программы реабилитации ветеранов-инвалидов. В прессе широко освещалось создание ею благотворительного фонда

«Равные правила игры», который оказывает поддержку юниорам и взрослым спортсменам, живущим за чертой бедности или имеющим физические недостатки. Тогда в сборе средств приняли участие многие титулованные атлеты.

В обеих прикрепленных статьях содержались уже известные Робин сведения: Уинны, как и Чизуэллы, потеряли ребенка. Единственная дочь Делии и Герайнта покончила с собой в возрасте шестнадцати лет, за год до того, как Делия баллотировалась в парламент. Эта трагедия красной нитью проходила через все проштудированные Робин статьи о Делии Уинн, даже те, в которых пелись дифирамбы ее достижениям. В своей парламентской речи она поддержала предложение о создании «горячей линии» для людей, подвергшихся травле, но самоубийство дочери не упомянула ни разу.

У Робин зазвонил мобильный. Убедившись, что дверь спальни заперта, Робин ответила.

– Набросал на скорую руку, – выговорил Страйк с набитым ртом. – Извини… замотался… вот пожрать заказал – только что привезли.

– Ознакомилась с твоим письмом, – сказала Робин. До ее уха донесся металлический щелчок – не иначе как Страйк открыл банку пива. – Немало любопытного, спасибо.

– Маскировку себе обеспечила? – спросил Страйк.

– Обеспечила.

Робин обернулась к зеркалу. Так странно: измени цвет глаз – и ты совсем другой человек. Карие линзы она собира-

лась прикрыть очками с простыми стеклами.

– И про Чизуэлла все вызубрила, чтобы прикинуться его крестницей?

– Само собой, – ответила Робин.

– Ну, излагай, – продолжал Страйк, – удиви меня.

– Родился в сорок четвертом, – забарабанила Робин, не глядя в свои записи. – Учился в оксфордском Мертон-колледже, на отделении классической филологии, затем поступил в Собственный гусарский полк ее величества, действительную службу проходил в Адене и Сингапуре. Первая жена – леди Патрисия Флитвуд, в браке трое детей: София, Изабелла и Фредди. София замужем, проживает в Нортумберленде, Изабелла возглавляет отцовский офис по работе с избирателями…

– Да ну? – В голосе Страйка послышалось удивление, лестное для Робин, которая оказалась на шаг впереди.

– Это та из дочерей, с которой ты был знаком? – уточнила Робин, припомнив их разговор в офисе.

– «Знаком» – это громко сказано. Пересекались пару раз, через Шарлотту. Все звали ее Иззи Чиззи. Такие у нашей элиты прозвища.

– Леди Патрисия развелась с Чизуэллом, узнав, что он сделал живот какой-то политической журналисточке…

– …в результате чего на свет появился беспутный сын, впоследствии пристроенный в арт-галерею.

– Точно…

Двигая мышкой, Робин открыла сохраненную фотографию: эффектный молодой брюнет в темно-сером костюме поднимается по ступеням здания суда в сопровождении стильной черноволосой женщины в солнцезащитных очках; сходство этих двоих было несомненно, хотя для его матери та выглядела чересчур моложаво.

– Впрочем, с журналисткой Чизуэлл порвал вскоре после рождения Рафаэля, – продолжала Робин.

– Домашние зовут его Рафф, – снова вклинился Страйк. – Мачеха относится к нему неприязненно и считает, что после той автокатастрофы Чизуэллу следовало лишить его наследства.

Робин сделала у себя пометку.

– Отлично, спасибо. Нынешняя жена Чизуэлла, Кинвара, весь прошлый год болела, – продолжала Робин, открывая фотографию Кинвары, соблазнительной рыжеволосой дамочки в облегающем черном платье и массивном бриллиантовом колье. Лет на тридцать моложе Чизуэлла, она смотрела в камеру, надув губки. Не знай Робин, что это супружеская пара, она бы приняла их за отца и дочь.

– Страдала нервным истощением, – опередил ее Страйк. – Ага, конечно. Как думаешь, алкоголь или наркота?

Уловив на том конце короткий лязг, Робин догадалась, что Страйк швырнул в мусорное ведро пустую банку из-под «Теннентс». Значит, он сейчас один. Лорелея никогда не приходила к нему в каморку над офисом.

– Откуда я знаю? – Робин изучала фотографию Кинвары Чизуэлл.

– И последнее, – сказал Страйк. – Только что получил. Как раз в тот период, который совпадает с рассказом Билли, в Оксфордшире пропали двое детей.

В разговоре наступила короткая пауза.

– Ты еще здесь? – прервал молчание Страйк.

– Здесь… Мне казалось, ты считаешь, что Чизуэлл не мог задушить ребенка?

– Да, это так, – подтвердил Страйк. – Все сроки давности прошли, а если бы Джимми разнюхал, что министр, член правительства тори задушил ребенка, он не стал бы тянуть двадцать лет, чтобы на этом погреть руки. Но я все-таки хочу понять, не привиделась ли Билли та сцена удушения. В ближайшее время пробью имена, полученные от Уордла, и, если хоть какие-нибудь сведения подтвердятся, попрошу тебя разговорить Иззи. Возможно, она вспомнит, как вблизи Чизуэлл-Хауса исчез ребенок.

Робин промолчала.

– Билли, как я уже говорил в пабе, серьезно болен. Да, у него могут быть пустые фантазии. – Страйк будто бы занял оборонительную позицию. И он сам, и Робин прекрасно знали, что ему случалось отказываться от прибыльных дел и состоятельных клиентов, чтобы распутать уму непостижимые происшествия, от которых кто-нибудь другой мог бы попросту отмахнуться. – Но у меня не получится…

– …выбросить его из головы, пока в этой истории не поставлена точка, – подхватила Робин. – Все нормально. Я же понимаю.

Она не могла видеть, как Страйк усмехнулся и потер усталые глаза.

– Ну ладно, удачи тебе на завтра, – сказал он. – Если что – звони.

– А сам чем займешься?

– Бумаги нужно разгрести. По понедельникам бывшая подруга жизни Джимми Найта не работает. Во вторник наведаюсь к ней в Манчестер.

Внезапно Робин захлестнула ностальгия по прошлому году, когда они вместе со Страйком проделали неблизкий путь, чтобы опросить женщин, брошенных опасными типами. Интересно, подумал ли он о том же, планируя нынешнюю поездку.

– Смотришь Англию – Италию? – спросила Робин.

– Ну да, – ответил Страйк. – Больше ведь ничего стоящего не показывают?

– Ничего, – торопливо подтвердила Робин, чтобы он не подумал, будто она затягивает разговор. – Ну, до связи тогда.

С его ответом она дала отбой и бросила мобильник на кровать.

13

Я не дам свалить себя, сбить себя с ног какими-то жуткими предположениями.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Утром Робин проснулась от удушья, собственными руками держа себя за горло и пытаясь ослабить несуществующую чужую хватку. Когда Мэтью, еще ничего не понимающий спросонья, открыл глаза, она была уже на пороге.

– Лежи-лежи, все в порядке, – проговорила она, опередив его вопрос, а сама нащупывала дверную ручку, чтобы выскользнуть из комнаты.

Странно, но эти приступы не участились после того, как она узнала про случай с задушенным ребенком. Робин хорошо представляла, когда пальцы плотно сжимают твою шею, когда твой мозг погружается во тьму, когда ты в нескольких секундах от того, чтобы завершить свое существование. Ей пришлось пройти курс психотерапии, дабы стряхнуть острые осколки воспоминаний, способные внезапно вытащить ее из собственного тела и перенести в прошлое, где она вдыхала вонь пропахших никотином пальцев маньяка и спиной ощущала его обтянутый свитером дряблый живот.

Запершись в ванной, Робин уселась на пол в растянутой футболке, которую носила вместо пижамы; впитывая босыми ногами прохладу кафельного пола, она концентрирова-

лась на своем дыхании, улавливала, как ее учили, учащенное сердцебиение и прилив адреналина в венах, контролируя свою паническую атаку, но не пытаясь ее подавить. Спустя некоторое время Робин – уже осознанно – вдохнула едва уловимый аромат лаванды, сохранившийся на ее теле после вечернего душа, и различила отдаленный гул самолета.

Угрозы нет. Это сон. Просто сон.

Сквозь закрытые двери ванной и спальни она услышала, как сработал будильник Мэтью. Через несколько минут он сам постучал в дверь.

– Ты как там?

– Нормально. – Струя воды заглушала ее голос.

Она открыла дверь.

– Все в порядке? – спросил он, не сводя с нее глаз.

– В туалет уже нельзя сходить? – бросила Робин, возвращаясь в спальню за цветными контактными линзами.

Прежде чем устроиться на работу к Страйку, Робин подвизалась в кадровом агентстве под названием «Временные решения». Конторы, куда ее отправляли на замену, теперь смешались у нее в памяти: уцелел только сумбур чудаковатых персонажей и курьезных обстоятельств. Она помнила, как босс-алкоголик надиктовывал ей письма, которые она по доброте душевной потом доводила до ума; как однажды открыла ящик стола, до отказа набитый зубными протезами и несвежими трусами; как жизнерадостный паренек, кото-

рый называл ее Бобби, неумело флиртовал с ней, выглядывая из-за монитора напротив; как одна женщина обвесила перегородки своей офисной ячейки фотографиями актера Иэна Макшейна; и как девушка, чье рабочее место было в центре опен-спейса, по телефону разрывала отношения со своим бойфрендом, игнорируя глухой ропот, доносившийся со всех концов офиса. Впрочем, Робин допускала, что она сама вряд ли оставила глубокий отпечаток в памяти несмелого романтика, прозвавшего ее Бобби, не говоря уже о тех, кого ей удалось узнать лишь по касательной.

И все-таки, оказавшись в Вестминстерском дворце, Робин нутром чуяла: что бы здесь ни случилось, она запомнит это навсегда. Ее распирало от удовольствия, когда, минуя толпу туристов, она прошла через ворота с караульным на посту. Приближаясь ко дворцу с его замысловатой позолоченной лепниной, резко очерченной в лучах раннего солнца, и знаменитой часовой башней, прорисованной на фоне неба, Робин чувствовала нарастающее волнение.

Страйк проинструктировал, через какой служебный вход она должна попасть внутрь здания. За дверью был длинный, слабо освещенный каменный вестибюль, на пороге которого Робин ожидал металлодетектор и рентгеновский сканер вроде тех, что установлены в аэропортах. Предъявив для досмотра свою сумку, она заметила высокую натуральную блондинку лет тридцати с несвежей укладкой, стоявшую на небольшом расстоянии со свертком в крафтовой бумаге. Та

дождалась, пока Робин сфотографируется на разовый пропуск и повесит его на шею, а потом, когда охранник дал отмашку, двинулась навстречу:

– Венеция?

– Да, – ответила Робин.

– Иззи, – представилась ее визави, протягивая руку. На Иззи была пестрая блузка свободного кроя с крупными цветами и широкие брюки. – Это папа передал. – Она буквально вдавила в Робин пакет, который только что держала в руках. – Извини, дорогая, времени в обрез, хорошо, что ты не опоздала…

Иззи шла бодрым шагом; Робин поспевала следом.

– …Столько бумаг еще нужно распечатать для папиного министерства – кручусь как белка в колесе. Папа ведь министр культуры, а с этой Олимпиадой просто сумасшедший дом…

Она едва не бежала по вестибюлю, в конце которого пестрели витражи, и дальше по лабиринту коридоров, поддерживая при этом беседу с Робин, отметившей для себя не только уверенный аристократический выговор Иззи, но и мощность ее голосовых связок.

– Ой, летом ухожу отсюда… открываем с Джеком – это мой бойфренд – дизайнерское бюро… пять лет тут отпахала… папа все время ворчит… ему нужен всесторонне подкованный референт, но единственный кандидат, кого он одобрил, даже слышать не хотел об этой работе.

Она тараторила через плечо, хотя Робин старалась не сбавлять ходу.

– Нет ли у тебя на примете какого-нибудь *сказочно* талантливого референта?

– Вроде нет. – Робин, долго кочевавшая из одной конторы в другую, не успела обрасти друзьями.

– Почти пришли.

Иззи вела свою гостью многочисленными узкими коридорами, по коврам такого же зеленого оттенка, что и кожаные скамьи в палате общин, которые Робин не раз видела в телетрансляциях. Наконец они попали в боковое крыло здания и пошли вдоль тяжелых сводчатых дверей в готическом стиле.

– Вот здесь, – сказала Иззи вполголоса, указывая на первую дверь справа, – приемная Уинна. А там, – продолжала она, шагая к последней двери по левую сторону, – наша.

Пропуская Робин вперед, она остановилась на пороге.

Тесный кабинет был завален всяким хламом. За каменными сводами окон, занавешенных тюлем, виднелось открытое кафе, где на фоне слепящих вод Темзы сновали темные силуэты. В помещении стояли два стола, бастионы книжных стеллажей и продавленное зеленое кресло. Зеленые портьеры, свисавшие с переполненных книжных полок вдоль одной из стен, лишь отчасти прикрывали навалом сложенные папки. На каталожном шкафу стоял монитор с заставкой из пустующих зеленых скамей в зале заседаний палаты общин. Внизу на полке пестрели разномастные кружки и электриче-

ский чайник, оставивший следы на обоях. В углу кабинета хрипло жужжал настольный принтер. Последние выдавленные им страницы скользнули на изношенный ковер.

– Ну что за чертовщина, – буркнула Иззи, ринувшись их подбирать, пока Робин закрывала дверь.

Постучав упавшими бумагами о стол, Иззи сложила их в аккуратную стопку и сказала:

– Супер, конечно, что папа привлек тебя к работе. У него сейчас масса проблем, а решить их без квалифицированной помощи не представляется возможным, но вы-то со Страйком все уладите, правда? Уинн – мерзкий гаденыш, – выпалила Иззи, потянувшись за кожаной папкой. – Просто неадекват, одним словом. Давно ты со Страйком работаешь?

– Пару лет, – ответила Робин, вскрывая сверток, который передала ей Иззи.

– Мы ведь с ним пересекались, он упоминал? Я училась вместе с его бывшей, Шарли Кэмпбелл. Невыносимая красотка Шарли. Слышала про нее?

– Нет, – сказала Робин.

Как-то после работы она мимоходом столкнулась с Шарлоттой, да и то сто лет назад.

– Страйк мне всегда нравился, – продолжала Иззи.

Не поверив своим ушам, Робин обернулась, но Иззи как ни в чем не бывало вставляла листы бумаги в папку.

– Ой, многие этого не замечали, но я-то видела, что к чему. Такой он был брутальный и такой… своенравный.

– Своенравный? – переспросила Робин.

– Ой, слушай. Ему же всегда было плевать на всю эту шелуху. Чихать он хотел, если кто-то считал, что… как бы это сказать…

– Что он ей не пара?

Явно сболтнув лишнее, Робин смутилась. Почему-то ей вдруг приспичило защитить Страйка. Хотя это бред, конечно: если кто и способен о себе позаботиться, так это ее босс.

– Вроде того, – сказала Иззи, ожидая, когда закончится печать. – Папа с трудом пережил последние два месяца. И дело даже не в том, что он где-то что-то накосячил! – разгорячилась она. – Потому что сегодня это законно, а завтра – нет. Папа тут ни при чем.

– Было что-то противозаконное? – простодушно спросила Робин.

– Извини, дорогая, – твердо ответила Иззи, сохраняя обходительный тон. – Папа говорит: чем меньше людей знает, тем лучше.

Она взглянула на небо сквозь тюлевые занавески.

– Вроде куртку можно не надевать? Ну да ладненько… извини, мне пора, нужно еще бумаги папе передать, в десять у него встреча с олимпийскими спонсорами. А тебе удачки.

Иззи упорхнула в вихре взъерошенных волос и цветастой материи, а в Робин – при всем ее хладнокровии – взыграло любопытство. Если Иззи была посвящена в делишки своего отца, скорее всего, обошлось без криминала – конечно, при

условии, что Чизуэлл говорил ей правду.

Робин наконец справилась с бумажным свертком. В нем, как и ожидалось, было полдюжины прослушивающих устройств, которые Страйк в минувшие выходные передал Джасперу Чизуэллу. Ведь последний – министр короны – вовсе не обязан каждое утро проходить через сканер досмотра, где просвечивали Робин. Она повертела в руках эти незатейливые штуковины. На вид жучки были как обыкновенные пластмассовые розетки, которые крепились поверх стационарных, не нарушая их работы. При звуке человеческого голоса включалась запись. В тишине, воцарившейся после ухода Иззи, Робин слышала биение своего сердца. Только сейчас до нее стала доходить вся серьезность порученного ей задания.

Сняв и повесив свое пальто, она достала из сумки большую упаковку из-под «тампакса», в которой собиралась припрятать лишние жучки. Выбрав из них один, Робин сделала нычку в нижнем ящике стола. Потом она прочесала захламленные полки и нашла коробку для бумаг, куда положила жучок, припорошив его ворохом писем с опечатками, подлежащих уничтожению в шредере. Покончив с этим делом, Робин глубоко вздохнула и вышла из кабинета.

Все это время дверь в офис Уинна была открыта. Проходя мимо, Робин увидела высокого молодого человека азиатской наружности, в очках с толстыми линзами и с чайником в руках.

– Приветики! – с ходу выдала Робин, подражая свойской манере Иззи. – Мы соседи, меня зовут Венеция Холл! А вас как звать?

– Аамир, – пробормотал азиат, как заправский кокни. – Маллик.

– У Делии Уинн работаете? – поинтересовалась Робин.

– Да.

– Ой, я ею восхищаюсь, – рассыпалась Робин. – Она реально мой кумир.

Аамир молчал, демонстрируя всем своим видом, что не настроен на болтовню. Робин почувствовала себя шавкой, наскакивающей на беговую лошадь.

– Давно вы здесь?

– Полгода.

– Кофе пить пойдем?

– Нет. – Аамир осадил ее, будто она его домогалась, и резко двинулся в сторону уборной.

Держа в руках коробку с ненужными бумагами, Робин пошла дальше, гадая, не померещилось ли ей, что за стеснительностью этого парня скрывается какая-то враждебность. А ведь как было бы полезно завести знакомство в аппарате Делии Уинн. Образ крестницы Джаспера с повадками Иззи только связывал ей руки. Другое дело – Робин Эллакотт из Йоркшира: уж та бы скорее нашла общий язык с Аамиром.

Прикрываясь макулатурой, она решила немного пройтись и осмотреться, прежде чем вернуться в офис к Иззи.

Кабинеты Чизуэлла и Уинн находились непосредственно в Вестминстерском дворце, который с его сводчатыми потолками, библиотеками, чайными комнатами и атмосферой сдержанного великолепия вполне походил на старинный университетский колледж.

Крытая галерея, охраняемая большими каменными статуями единорога и льва, вывела ее к эскалатору, ведущему в Порткаллис-Хаус. Это был хрустальный дворец со стеклянной крышей, остроугольные фрагменты которой обрамлял массивный черный каркас. Под куполом располагался просторный атриум с кафе, где собирались депутаты и государственные служащие. Среди налитых соком деревьев тянулись неглубокие продолговатые резервуары с водой, защищенные прозрачным кожухом, который в свете июньского солнца отливал ртутным блеском.

Воздух здесь содрогался от человеческих амбиций и ощущения сопричастности к жизненно важному процессу. Под изящными мозаичными сводами устроились на кожаных сидушках журналисты: кто уткнулся в свой телефон, кто делал звонки, кто стучал по клавиатуре ноутбука, а кто и донимал вопросами чиновников. Робин даже задумалась: не приведи ее судьба в контору Страйка, может, она и выбрала бы для себя такую работу.

Ознакомительная прогулка завершилась в третьем, самом мрачном и скучном корпусе с депутатскими кабинетами – ни дать ни взять дешевая гостиница с вытертыми коврами, кре-

мовыми обоями и чередой однотипных дверей. Через пятьдесят минут Робин с коробкой в руках вернулась обратно, в очередной раз миновав офис Уинна. Убедившись, что в коридоре никого нет, она прижалась ухом к толстенной дубовой двери, будто уловила за ней какое-то шевеление.

– Как успехи? – спросила Иззи, когда Робин несколько минут спустя перешагнула порог их офиса.

– Уинн мне так и не попался.

– Вероятно, он в министерстве. Чуть что – сразу к Делии бежит, – сказала Иззи. – Кофейку?

Только она привстала, как в офисе зазвонил телефон.

Пока Иззи выслушивала сетования раздраженной избирательницы, которой не досталось билетов на олимпийские соревнования по прыжкам в воду («Понимаю вас прекрасно, я и сама обожаю Тома Дейли, – приговаривала она, закатывая глаза, – но это же лотерея, мадам»), Робин зачерпнула ложку растворимого кофе и добавила ультрапастеризованное молоко, размышляя, сколько раз она совершала этот ритуал в ненавистных офисах и как теперь благодарна судьбе, что выкарабкалась из того болота.

– Бросила трубку. – Иззи машинально поставила телефон на место. – Так о чем у нас был разговор? Ах да – Герайнт. Он просто вне себя, что Делия не дала ему место спецкона.

– Что еще за спецкон? – Робин подала Иззи кофе, а сама устроилась за другим столом.

– Специальный консультант. Что-то вроде временной го-

сударственной должности. Престижа – масса, но по родству не передается. В любом случае перспектив у него никаких; даже если и был какой-то шанс – на Делию ведь где сядешь, там и слезешь.

– А я, кстати, познакомилась с парнем, который работает под началом Уинна, – сказала Робин. – Аамир. Неприятный тип.

– Ой, он вообще какой-то странный, – пренебрежительно сказала Иззи. – Меня в упор не видит. Думаю, из-за того, что Герайнт и Делия не переваривают папу. Я так до конца и не поняла – за что, но, кажется мне, они просто ненавидят всех нас, вместе взятых… ой, совсем забыла: мне же папа только что написал. В конце недели приедет мой брат Рафф, будет нам помогать. И возможно, если все будет чики-пуки, – добавила Иззи, хотя и без надежды в голосе, – он примет у меня дела. Но Рафф знать не знает ни про шантаж, ни про тебя, так что держи язык за зубами, особенно не откровенничай, ладненько? У папы этих крестников – штук четырнадцать. Крошка Рафф ничего не заподозрит.

Иззи отпила еще кофе и, вдруг понизив голос, сказала:

– Ты ведь знаешь про Раффа? Все газеты писали. Бедная женщина… это просто ужас. У нее дочка осталась четырехлетняя.

– Читала что-то, – уклончиво ответила Робин.

– Из всей семьи я одна навещала его в тюрьме, – рассказывала Иззи дальше. – Остальные шарахались от одной мысли

о том, что он натворил. А Кинвара, папина жена, – та вообще заявила, что ему надо было дать пожизненное, но она понятия не имеет, – продолжала Иззи, – какой кошмар там творится… никто и близко не представляет, что такое тюрьма… То есть я, конечно, понимаю: это ужасная история, но…

Она не договорила – видимо, боясь показаться немилосердной. У Робин промелькнула мысль – быть может, ошибочная: не намекает ли Иззи на то, что тюрьма – не лучшее место для столь утонченного молодого человека, как ее сводный брат. Что и говорить, лишение свободы – испытание не для слабонервных, подумала Робин, но чего хотеть, если ты сел за руль под наркотой и насмерть сбил молодую женщину, к тому же мать?

– Разве он не работает в арт-галерее? – уточнила Робин.

– От Драммонда его попросили в связи с каким-то скандалом, – вздохнула Иззи. – Папа для того и пристраивает его к нам, чтобы держать на коротком поводке.

Государственные средства, выделенные на их зарплаты, подумала Робин, лишний раз напоминали о том на редкость мизерном сроке, который отсидел сын министра за аварию со смертельным исходом, совершенную в состоянии наркотического опьянения.

– А в галерее-то он что учудил?

Робин немало удивилась, когда подавленность Иззи вдруг сменилась весельем.

– Ох, боже мой, извини, нехорошо, конечно, смеяться. Он

перепихнулся на унитазе с какой-то девицей, тоже арт-консультантом, – с трудом сдерживая хохот, поведала Иззи. – Понятно, что веселого тут мало… но Рафф, на минуточку, только что освободился, он хорош собой, да и вообще, у него никогда не было проблемы замутить с любой, которая ему приглянулась. Его стильно приодели, усадили рядом с симпатичной блондинкой, вчерашней студенточкой… чем только люди думали? Но галериста, как ты понимаешь, ждал пренеприятнейший сюрприз. Услышав своими ушами, как эти двое туда-сюда, он сделал Раффу последнее предупреждение. А братец с той девочкой потом решили повторить эту акробатику; папа тогда жутко психанул и теперь считает, что Раффу самое место – здесь, в ссылке.

Эта история отнюдь не позабавила Робин, но Иззи, погруженная в собственные размышления, будто ничего не замечала.

– Кто знает, что выйдет из этого союза, – я имею в виду папу и Раффа, – сказала с долей надежды Иззи, взглянув на часы. – Ой, лучше я займусь звонками. – Со вздохом она поставила на стол свой кофе, но стоило ей дотянуться до телефона, как она застыла, а ладонь замерла на трубке: из коридора доносился мужской голос.

– Это он! Уинн!

– Мой выход, – сказала Робин, подхватывая коробку с макулатурой.

– Ни пуха! – шепнула Иззи.

Выйдя в коридор, Робин увидела Уинна: стоя в дверях своего кабинета, он, судя по всему, разговаривал с Аамиром, который оставался внутри. В руках Уинн держал папку с оранжевой надписью «Равные правила игры». Заслышав шаги Робин, он обернулся.

– Ну здравствуйте, – протянул он кардиффским напевным говором, выйдя в коридор.

Взгляд Уинна, соскальзывая с шеи Робин на грудь, тут же взбегал к ее губам и глазам. Робин раскусила его по одной только этой повадке. Кочуя по офисам, она достаточно навидалась таких мужчин: под их взглядом хотелось провалиться сквозь землю, они не упускали возможности прихватить тебя за ягодицу, протискиваясь бочком в ограниченном пространстве или пристраиваясь за тобой в дверном проеме, они нависали над твоим плечом, якобы всматриваясь в монитор, и отпускали развязные комплименты твоей одежде, а после работы, за стойкой бара, – уже и твоей фигуре. «Шутка!» – выпаливали они, если встречали возмущение, а если ты успевала накатать на них пару жалоб, так и вовсе проявляли агрессию.

– И где же ваше рабочее место? – осведомился Герайнт вкрадчивым голосом.

– Я на стажировке у дяди Джаспера, – ответила Робин, улыбаясь во весь рот.

– У дяди Джаспера?

– Да, у Джаспера Чизла. – Робин произнесла фамилию

так, как было принято в этом благородном семействе. – Он мой крестный. Меня зовут Венеция Холл, – добавила она, протягивая руку.

Ладонь Уинна оказалась влажной, да и вообще всем своим видом он походил на какое-то земноводное. На геккона он не тянул, но на лягушонка с выпяченным брюхом и тонкими конечностями – вполне; его редеющие волосы отливали жирным блеском.

– Каким ветром вас занесло в крестницы Джаспера?

– Вообразите, дядя Джаспер и папа – старые друзья. – Робин держала наготове свою легенду.

– С армейских времен?

– Со времен управления земельными ресурсами, – поправила Робин, придерживаясь заранее подготовленной фабулы.

– Ну да, – буркнул Герайнт и добавил: – Волосы у вас красивые. Натуральные?

– Конечно, – ответила Робин.

Его глаза вновь скользнули по ее телу. Робин выдавливала из себя улыбку. В конце концов, от беспрестанного хихиканья у нее заныли щеки, поэтому, пообещав Уинну, что непременно обратится к нему за помощью, Робин зашагала по коридору. Спиной она ощущала взгляд Герайнта до тех пор, пока не скрылась из виду.

Робин не сомневалась – как в свое время Страйк, раскусивший сутяжнические замашки Джимми Найта, – что сей-

час раздобыла ценные сведения о слабостях Уинна. Опыт подсказывал, что такие мужчины, как Герайнт, – вот ведь удивительно – мнят, будто фонтан намеков сексуального свойства всегда будет оценен по достоинству и даже найдет отклик. За время своей недолгой секретарской карьеры Робин научилась отшивать и обходить стороной этих типов, каждый из которых мог счесть простую вежливость похотливой доступностью, а в неопытности и молодости видел непреодолимый соблазн.

Как далеко, допытывался у нее внутренний голос, готова она зайти в поисках компромата на Уинна? Блуждая по бесконечным коридорам с надуманной целью доставки документов, Робин воображала, как в отсутствие путающегося под ногами Аамира она заходит в приемную Уинна, склоняется над его столом – грудь на уровне глаз – и кокетливо посмеивается его скабрезным шуточкам.

Затем картина в ее воображении резко изменилась: на нее крупным планом надвигалось потное лицо Уинна с разинутым безгубым ртом; Робин чувствовала, как он стискивает своими клешнями ее запястья, пригвождая их к бедрам, и ощущала на себе его брюхо, вдавливающее ее в картотечный шкаф…

Нескончаемый зеленый ковер и стулья, арки из темного дерева и квадратные таблички – все будто размылось и сморщилось, когда выдуманный натиск Уинна обернулся панической атакой. Она ворвалась в оказавшуюся перед ней дверь,

словно могла чисто механически справиться с приступом…

Дыши. Дыши. Дыши.

– Для первого раза впечатлений многовато, верно? – раздались мягкие слова немолодого, судя по голосу, мужчины.

– Да-да. – Робин смутно осознавала, что именно произнесла вслух. *Дыши*.

– Пройдет ведь? – И добавил: – Вы в порядке, голубушка?

– Астма, – объяснила Робин.

Это была ее стандартная отговорка. Под таким предлогом она могла остановиться, сделать глубокий вдох и вновь обрести почву под ногами в реальном мире.

– Ингалятор у вас есть? – обеспокоенно спросил пожилой распорядитель.

На нем был сюртук с манишкой, белый галстук-бабочка и роскошный нагрудный знак отличия. В ауре его внезапного великолепия у Робин промелькнула мысль о белом кролике, выскакивающем из шляпы фокусника посреди этого безумия.

– Оставила в кабинете. Сейчас все пройдет. Дайте мне минутку.

Перед глазами вспыхнуло золотым блеском, усугубляющим ее оцепенелое состояние. Парламентское лобби[19] – хорошо известный, богато украшенный холл в викторианско-готическом стиле, который Робин видела по телевизо-

[19] *Парламентское лобби* – холл, где происходит неофициальное общение парламентариев.

ру, – граничило с палатой общин, а по периметру она различила четыре гигантские бронзовые статуи бывших премьер-министров – Тэтчер, Эттли, Ллойд-Джорджа и Черчилля – и выставленные вдоль стен бюсты остальных. Вперемешку с позолоченным убранством они, мерещилось Робин, словно отрубленные головы, вращались по кругу, поднимая на смех ее бессилие перед лицом этой величественной красоты.

Она услышала скрежет ножек стула. Распорядитель усадил ее и попросил кого-то из коллег принести стакан воды.

– Большое вам спасибо… спасибо…

Робин едва ворочала языком, страдая от своей никчемности, от позора и смущения. Не дай бог об этом узнает Страйк. Он отправит ее домой, талдыча, что она неспособна работать по этому делу. С Мэтью тоже лучше помалкивать, ведь для него подобные эпизоды – не более чем предсказуемый и постыдный результат ее дурацкой страсти к наружному наблюдению.

Пока она приходила в себя, распорядитель добродушно вещал у нее над ухом, и уже через несколько минут она смогла поддержать ни к чему не обязывающую болтовню. Давая ей время восстановить дыхание, он рассказал байку о том, как позеленел бюст Эдварда Хита, когда рядом с ним установили полноразмерную статую Тэтчер, и как пришлось поправлять его здоровье, чтобы вернуть ему темно-бронзовый цвет.

Из вежливости Робин посмеялась, затем встала и, еще раз поблагодарив, протянула распорядителю пустой стакан.

На обратном пути она думала: как бы подправить собственное здоровье, чтобы вернуть ту себя, какой была прежде?

14

Я считаю своим непременным долгом внести хоть немножко света в этот уродливый мрак.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Во вторник утром Страйк встал затемно. Приняв душ, закрепив протез и одевшись, он наполнил термос густо-коричневым чаем, забрал из холодильника приготовленные с вечера бутерброды, уложил их в полиэтиленовый пакет, туда же бросил две пачки печенья «Клаб», жевательную резинку, две упаковки картофельных чипсов с солью и уксусом – и выдвинулся навстречу восходу, а дальше в гараж, где стоял его «БМВ». На двенадцать тридцать у него была назначена стрижка в Манчестере – повод для встречи с бывшей женой Джимми Найта.

В машине Страйк расположил пакет с провизией в пределах досягаемости, а потом натянул хранившиеся под сиденьем кроссовки, чтобы искусственная нога увереннее держала тормоз. Взяв мобильный, он продумал текст эсэмэски для Робин.

Отталкиваясь от имен, полученных накануне от Уордла, Страйк потратил изрядную часть понедельника на изучение доступных материалов по двум детям, которые, как сообщил ему полицейский, пропали в районе Оксфордшира двадцать лет назад. В имени мальчика Уордл допустил ошибку, чем

затормозил работу Страйка, но в конце концов Страйк все же отрыл в архивах газетные репортажи об Имаму Ибрагиме, в которых мать Имаму уверяла, что ее муж, ушедший из семьи, выкрал сына и увез в Алжир. Кроме того, пара строк об Имаму и его матери нашлась на сайте организации, занимающейся вопросами международной опеки. Отсюда Страйк заключил, что Имаму, целый и невредимый, проживает вместе с отцом.

Судьба Сьюки Льюис, двенадцатилетней девочки, сбежавшей из приюта, оказалась более таинственной. Страйк не сразу отыскал ее изображение на страницах одной старой газеты. В 1992 году Сьюки исчезла из дома-интерната в Суиндоне, но больше никаких упоминаний о ней Страйку не встретилось. С нечеткой фотографии широко улыбалась худышка с правильными чертами лица и короткими темными волосами.

«Задушили девочку, а потом сказали, что мальчика».

Таким образом, это беззащитное дитя, сочетавшее, видимо, в себе черты обоих полов, исчезло с лица земли примерно в то же время и в том же месте, где присутствовал Билли Найт, заявивший, что он видел, как душили мальчика-девочку.

В сообщении Робин он написал:

> Аккуратно узнай у Иззи, не помнит ли она 12-летнюю девочку Сьюки Льюис, которая 20 лет назад сбежала из приюта рядом с их фамильным особняком.

При выезде из Лондона грязные капли на ветровом стекле мерцали и растекались в лучах восходящего солнца. Вождение больше не доставляло Страйку прежнего удовольствия. Специально оборудованный автомобиль был ему не по карману, а коробка-автомат, хоть и удобная, не избавляла от необходимости управляться с педалями «БМВ» – для водителя с протезом это было задачей повышенной сложности. В особо затруднительных ситуациях он ухитрялся давить на педали тормоза и газа одной левой ногой.

На автостраде М6 Страйк надеялся встать на крейсерскую скорость шестьдесят миль в час, но какой-то придурок на «воксхолле-корса» буквально сидел у него на хвосте, не соблюдая дистанцию.

– Да обгоняй ты, мать твою, – пробурчал Страйк.

Менять удобный режим движения, избавляющий протезированную ногу от лишней нагрузки, не было никакого резона, и Страйк мрачно смотрел в зеркало заднего вида, пока водитель «корсы» не умчался вперед – надо думать, понял намек.

Расслабившись (если в наши дни за рулем такое возможно), Страйк опустил оконное стекло, чтобы впустить в машину ясный летний день, и вернулся мыслями к Билли и к исчезнувшей Сьюки Льюис.

«Она запретила мне копать, – сказал Билли в офисе, непроизвольно дотрагиваясь то до носа, то до грудины, – а вам не запретит».

Кто такая, задумался Страйк, эта «она»? Видимо, новая владелица Стеда-коттеджа? Тогда ничего удивительного: кому понравится, если Билли разворотит все клумбы в поиске мертвых тел?

Пошарив левой рукой в мешке с провизией, Страйк вытащил пакетик чипсов и зубами надорвал целлофан, а сам в который раз подумал, что весь рассказ Билли может на поверку оказаться сущим бредом. Как знать, где нынче Сьюки Льюис? Ведь не каждый пропавший ребенок погибает. Возможно, и Сьюки была похищена беглым папашей. Двадцать лет назад, на заре интернета, любой мог воспользоваться отсутствием координации в работе региональных полицейских управлений: хоть желающий начать новую жизнь, хоть какой-нибудь злодей. И даже если Сьюки Льюис погибла, почему нужно считать, что ее задушили, а тем более – на глазах у Билли Найта? С обывательской точки зрения, здесь было слишком уж много дыма без огня.

Горстями отправляя в рот чипсы, Страйк поймал себя на том, что при взгляде на вещи «с обывательской точки зрения» перед ним непременно возникает Люси – сводная сестра, единственная из семи детей, с кем вместе он провел все свое неустроенное, кочевое детство. Для него Люси стала воплощением скучной обыденности, хотя они с ней оба росли в рискованной близости от зловещих и пугающих опасностей.

В возрасте четырнадцати лет Люси переехала жить в Корнуолл, к тетке и ее мужу, а до этого мать, не задержива-

ясь на одном месте дольше полугода, таскала за собой сына и дочь из сквота в коммуну, из арендованной квартиры в комнату очередного сожителя; дети привыкли спать на брошенном на пол тюфяке и нередко оставались на попечении ущербных, наркозависимых, опустившихся личностей. Удерживая руль правой рукой и нащупывая левой пачку печенья, Страйк вспоминал жуткие зрелища, которые разворачивались на глазах у них с сестрой: как в Шордиче молодой психопат дрался у себя в подвале с невидимым дьяволом; как в Норфолке подростка буквально запороли кнутом в якобы мистической коммуне (по мнению Страйка, это было наиболее омерзительное место, куда только забрасывала их судьба в лице Леды); как уличная проститутка Шейла, одна из самых хрупких подруг Леды, рыдала над крошкой-сыном, которому ее буйный сожитель проломил голову.

Непредсказуемое и порой страшное детство внушило Люси тягу к традиционному, стабильному укладу. Живя с мужем, инженером-сметчиком, не вызывающим симпатии у Страйка, и воспитывая троих сыновей, которых ее брат почти не знал, она бы, наверное, тут же выкинула из головы рассказ Билли о задушенном мальчике-девочке, как продукт больного воображения, и поспешно замела бы его в угол вместе с прочим житейским мусором, чтобы о нем больше не вспоминать. Люси привычно делала вид, будто насилие и любые отклонения от нормы остались в прошлом и умерли, как умерла их мать, а жизнь с уходом Леды будто бы стала незыб-

лемой и безопасной.

Страйк мог это понять. Какова бы ни была пропасть между ним и сестрой, как ни злила его порой Люси, он ее любил. Тем не менее сейчас, на пути в Манчестер, он невольно сравнивал ее с Робин. Та воспитывалась, на взгляд Страйка, в обстановке типичной для среднего класса стабильности, но выросла, в отличие от Люси, совершенно бесстрашной. Ни одну из них не обошли стороной насилие и жестокость. Но в результате Люси спряталась в укромном месте, куда, по ее мнению, не могло дотянуться зло, а Робин сталкивалась со злом практически ежедневно, распутывая один клубок за другим, раскрывая все новые и новые преступления и душевные травмы, – к этому ее подталкивало то же внутреннее стремление к истине и ясности, какое Страйк ощущал в себе.

Пока солнце поднималось к зениту, высвечивая пестрые пятна на замызганном ветровом стекле, он все более сожалел, что Робин сейчас нет рядом. Она, как никто другой, умела истолковать любую версию. Она бы отвинчивала крышку термоса и наливала ему чай. Посмеялись бы вместе.

За последнее время они пару раз возвращались к старой привычке подтрунивать друг над другом: рассказ Билли своей тревожностью разрушил ту сдержанность, которая за минувший год с лишним выросла в постоянное препятствие их дружбе… *или чему-то еще,* добавил про себя Страйк – и на пару мгновений опять, как тогда, на лестнице, почувствовал

ее в своих объятиях, вдохнул запах белых роз и ощутил знакомый аромат духов, который витал в офисе, когда Робин сидела за своим рабочим столом…

В расстройстве закурив очередную сигарету, он заставил себя переключиться на прибытие в Манчестер и на выбор оптимальной линии разговора с Дон Клэнси, которая в течение пяти лет звалась миссис Джимми Найт.

15

Да, она таки себе на уме. Передо мной всегда нос задирала.
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

Пока Страйк мчался на север, Робин без каких бы то ни было объяснений вызвали на личную встречу с министром культуры.

Шагая по солнцу к Министерству культуры, средств массовой информации и спорта, которое находилось в большом белом здании времен Эдуардов в нескольких минутах ходьбы от Вестминстерского дворца, Робин поймала себя на том, что готова поменяться местами с любым из толпящихся на тротуаре туристов, поскольку в телефонном разговоре она уловила раздражение Чизуэлла.

Робин много бы отдала, чтобы заполучить хоть что-нибудь полезное для доклада министру о злостном шантажисте, но, поскольку она занималась этим делом всего полтора дня, само собой напрашивалось лишь одно: ее первое впечатление о Герайнте Уинне подтвердилось – ленивый, самодовольный, болтливый распутник. Дверь его кабинета чаще всего стояла открытой, и монотонный, как у пономаря, голос разносился по коридору, когда он с неуместным легкомыслием говорил о мелких заботах избирателей, похвалялся знакомством со знаменитостями и крупными политически-

ми деятелями – словом, пытался создать впечатление, будто для специалиста его уровня руководство офисом по работе с избирателями – дело второстепенное, незначительное.

Всякий раз, когда Робин проходила мимо его распахнутой двери, он выкрикивал оживленное приветствие, демонстрируя подчеркнутое желание продолжить контакты.

Однако Аамир Маллик то ли случайно, то ли намеренно пресекал попытки Робин перевести эти приветствия в русло беседы: он опережал ее своими вопросами к Уинну или же, как сделал буквально час назад, просто затворял дверь у нее перед носом.

Внешний вид огромного здания, в котором размещалось Министерство культуры, СМИ и спорта, – каменные гирлянды, колонны, фасад в стиле неоклассицизма – ее подавлял. Интерьеры были модернизированы и украшены произведениями современного искусства, включая абстрактную стеклянную скульптуру, которая свисала с купола над центральной лестницей; Робин поднималась по ступеням в компании деловитой молодой женщины. Полагая, что перед ней крестница министра, сопровождающая из кожи вон лезла, чтобы показать ей все самое интересное.

– Кабинет Черчилля, – объявила она, указывая налево, хотя они в этот момент поворачивали направо. – Это балкон, с которого он произнес свою речь в ознаменование Дня Победы в Европе. К министру – сюда.

Она провела Робин по широкому дугообразному коридо-

ру, который был увеличен вдвое за счет устройства рабочего пространства со свободной планировкой. По правую руку сидели за рабочими столами хорошо одетые молодые люди; высокие окна выходили на квадратный двор, который своими размерами и высокими белыми стенами со множеством окон напоминал Колизей. Это было так не похоже на тесный офис, где Иззи заливала растворимый кофе кипятком из чайника. Здесь кофе готовила суперсовременная капсульная кофемашина. Офисы слева были отделены от дугообразного коридора стеклянными перегородками и дверями. Робин издалека заметила министра культуры, который говорил по телефону, сидя за своим рабочим столом под современным живописным портретом королевы. Резким жестом он приказал сопровождающей провести посетительницу к нему в кабинет, но разговора не прерывал, отчего Робин испытывала определенную неловкость. Из трубки доносился женский голос, визгливый и даже, как показалось Робин с расстояния трех метров, истеричный.

– Я занят, Кинвара! – рявкнул в трубку Чизуэлл. – Да… обсудим это позже. *Я занят.*

Положив трубку более энергично, чем требовалось, он указал Робин на свободный стул напротив. Ежик жестких седых волос обрамлял министерскую голову колючим нимбом.

– Газеты как с цепи сорвались, – рокотал он. – Это была моя жена. Ей сегодня утром позвонили из «Сан» и спросили, насколько правдивы слухи. Она спросила: «Какие слухи?» –

но звонивший не стал уточнять. Явно хотел выудить информацию с наскока.

Он хмуро уставился на Робин, словно в ее внешности, с его точки зрения, чего-то не хватало.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – ответила она.

– На вид не скажешь.

Это не тянуло на комплимент.

– Аппаратуру сумели установить?

– К сожалению, нет, – выговорила Робин.

– Где Страйк?

– В Манчестере, опрашивает бывшую жену Джимми Найта.

Чизуэлл негодующе фыркнул и вышел из-за стола. Робин тоже вскочила с места.

– Ладно, возвращайтесь и займитесь этим делом, – сказал Чизуэлл. – Бесплатную медицину и ту включили, – добавил он тем же тоном, направляясь к выходу. – Люди подумают, что мы все тут рехнулись.

– Простите? – в полном недоумении переспросила Робин.

Чизуэлл потянул на себя стеклянную дверь и жестом пригласил Робин первой войти в помещение со свободной планировкой, где элегантные молодые люди трудились вблизи сверкающей кофемашины.

– Да это я про церемонию открытия Олимпиады, – объяснил он, следуя за Робин. – Левацкий бред, черт побери. Мы

выиграли две мировые войны, а это никак не отмечено.

– Не говори глупостей, Джаспер, – раздался совсем рядом глубокий мелодичный голос с валлийским акцентом. – Мы регулярно отмечаем военные победы. Но нынешнее мероприятие – иного плана.

Прямо под дверью кабинета стояла Делия Уинн, министр спорта, держа на поводке своего лабрадора бледного окраса. У этой величественной женщины с зачесанными назад с широкого лба седыми волосами пол-лица закрывали непроницаемые для взгляда темные очки. Причиной ее слепоты, как выяснила Робин в результате своих изысканий, была редкая врожденная аномалия, при которой в период внутриутробного развития у плода не формируется ни одно из глазных яблок. Иногда Делия Уинн появлялась с глазными протезами – например, в преддверии фотосессий – и щеголяла массивными, удобными для тактильного восприятия золотыми украшениями, но сегодня на ней было ожерелье из крупных инталий и какое-то небесно-голубое одеяние. Из подготовленных Страйком сведений о членах правительства Робин узнала, что Герайнт каждое утро выкладывает для Делии всю одежду, но, мало понимая в моде, просто комбинирует вещи по цвету. Робин даже растрогалась от таких подробностей.

Чизуэлл не выказал восторга от внезапного появления коллеги; оно и понятно, предположила Робин, если муж этой дамы действительно шантажирует министра культуры. Со своей стороны, Делия не подавала никаких признаков сму-

щения.

– Я подумала, что мы спокойно доедем до Гринвича в одном автомобиле, – сказала она Чизуэллу, а ее лабрадор между тем осторожно обнюхивал край юбки Робин. – Это позволит согласовать наши планы на двенадцатое число. Что ты делаешь, Гвинн?[20] – встрепенулась Делия, чувствуя подергивание собачьего поводка.

– Она ко мне принюхивается, – нервно объяснила Робин, поглаживая лабрадора.

– Это моя крестная дочь, э-э-э…

– Венеция, – вставила Робин; Чизуэлл определенно подзабыл это имя.

– Здравствуйте, – сказала Делия, протягивая руку. – Приехали в гости к Джасперу?

– Нет, я здесь на стажировке в офисе по работе с избирателями, – сказала Робин, пожимая теплую, унизанную кольцами руку и видя краем глаза, как Чизуэлл отошел в сторону, чтобы просмотреть документ, поданный молодым человеком, робко переминавшимся с ноги на ногу.

– Венеция, – повторила Делия, не отворачиваясь. Ее красивое лицо, наполовину закрытое непроницаемыми черными очками, слегка нахмурилось. – А фамилия?

– Холл, – ответила Робин.

Как ни странно, ее пробирала паническая дрожь, словно Делия готовилась ее разоблачить. Чизуэлл же, продолжая

[20] Гвинн (*корн.* Gwynn) – белый, белая.

изучать документ, принесенный референтом, по-прежнему держался на расстоянии, чтобы оставить Робин – так ей показалось – исключительно на милость Делии.

– В маске, на дорожке, – изрекла Делия.

– Что, простите?

Робин не знала, куда деваться. Некоторые молодые люди, сидевшие по соседству с техногенной кофемашиной, обернулись к ним с вежливым интересом.

– Как же, как же, – продолжала Делия. – Прекрасно помню. Вы были в сборной Англии одновременно с Фредди.

Ее дружелюбие сменилось ожесточением. А Чизуэлл, склонившись над столом, теперь вычеркивал какие-то фразы.

– Нет, я никогда не занималась фехтованием, – сказала Робин, абсолютно не готовая к такому конфузу.

При слове «сборная» до нее дошло, что Делия говорит о спортсменах.

– Скажете тоже! – Делия была непреклонна. – Я вас помню. Крестница Джаспера, в одной команде с Фредди.

Такая самоуверенность вкупе с надменностью нагоняла страх. Робин почувствовала, что исчерпала запас возражений, тем более прилюдных, а потому просто выговорила:

– Ну, рада была с вами познакомиться, – и отошла.

– *«Заново»,* вы хотели сказать, – ядовито бросила Делия, но Робин не откликнулась.

16

…человек с таким запятнанным прошлым! ‹…› И подобный господин туда же норовит, в народные вожаки!.. И это ему удается!
Генрик Ибсен. Росмерсхольм

После четырех с половиной часов за рулем Страйк вылез из своего «БМВ» далеко не элегантно. Ему пришлось некоторое время постоять на Бертон-роуд, широкой, приятной улице с разнообразными магазинами, кафе и ресторанчиками, чтобы, прислонившись к машине, потянуться, размять спину и ногу, а также порадоваться парковочному месту совсем недалеко от заведения под названием «Stylz». Ярко-розовый фасад выдавался между кафе и магазином «Теско экспресс», в витрине стояли задумчивые манекены с волосами немыслимых оттенков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.